

Персональный ад
моей
души

У каждого из нас в жизни случаются переломные моменты, такие, после которых дальше или вперёд, или назад, которые либо убивают тебя, либо делают сильнее. Обычно такие моменты наступают в самое неудобное время, когда мы счастливы, когда мы парим над облаками, забывая обо всём на свете, и приходится падать, разбиваться, прогибаться под обстоятельства или ты рискуешь сломаться. И Лера сломалась, отказалась от своей жизни, от своего счастья, но выжила, чтобы вернуться и снова бросить вызов судьбе. Но ничего нам не даётся просто так, и нужно научиться делать больно другим, делать больно себе, наступать на горло, чтобы победить. И она вернулась. Но судьба вновь к ней не благосклонна, и ударяет о землю сильнее и сильнее, ломая волю, убивая надежду. И теперь наступило время принять решение.

Персональный ад моей души

Пролог

Сегодня очень важный день, можно даже сказать, судьбоносный. Правда, не для всех эти судьбоносные свершения окажутся приятными. Вот, например, Владимир Сергеевич Прохоров ожидает повышения: освободилась должность исполнительного директора компании «Вэл Стил», а он первая в списке, а, точнее говоря, единственная кандидатура на этот ответственный пост. Через час состоится собрание акционеров, на котором, собственно, это и огласят. По такому поводу объявлен короткий рабочий день, видимо, чтобы сотрудники никому праздновать не мешали. Утро в компании прошло в непонятной суеде, а теперь все только и ждут, что их отпустят по домам.

— Так, девочки, работаем! — Подзадоривал сотрудниц Прохоров.

Он, конечно, не выслуживался, ему это ни к чему: слишком давно является вторым по значимости лицом в компании, но порядок любил, поэтому даже в такой праздничный день не позволял расслабляться.

— Владимир Сергеевич, вы лучше в своём кабинете посидите, сами нервничаете и нам покоя не даёте. — Весело отозвалась его секретарь Леночка.

— Так, цыц! Ещё не хватало, чтобы ты здесь командовала!

— Вот ещё, я вам не конкурент.

Весёлый смех заставил Прохорова улыбнуться. Свою секретаршу он любил, не в прямом смысле, конечно, просто человеком она была лёгким в общении, приятным, давно с ним работала, поэтому и вольности могла себе позволить. Хоть он и старался сделать потом серьёзный вид, но мысли всё равно выдавали ощущение радости. Преждевременной, надо сказать. Немного покрутился среди работниц, которые на него искоса посматривали, а потом и вовсе удалился в кабинет, куда его несколько минут назад и послали.

Собрание вот-вот должно было начаться, вроде все в сборе: Марина Игоревна Синицкая с мужем — родители главного акционера Александра Дмитриевича Синицкого, (они посещали подобные собрания только в отсутствие сына, так как к делам особого отношения не имели, но всё же являлись доверенными лицами). Самсонов Глеб и Райковский Игорь — партнёры Синицкого-младшего по бизнесу. Прохоров уже начал нервничать, хотя, ему-то чего... но вроде как кого-то ещё ждут.

— Думаю, мы можем начинать. — Не выдержал Прохоров, правда, почувствовал, как на него устремились взгляды всех присутствующих и как-то примолк. И дело не в том, что он к вниманию не привык, просто взгляд у них был непонимающий. Странно. И вообще, чувствовалось некое непонятное напряжение. Недосказанность.

— Да, действительно, — поддержала Марина Игоревна, — можно начать, суть от этого не изменится.

— Ну, если все согласны, то приступим. — Игорь Райковский сделал слишком уж серьёзный вид, поэтому все притихли. — Мы все здесь собрались, чтобы обсудить кандидатуру на пост исполнительного директора нашей компании. Но обсуждать, в принципе, ничего не придётся, — после этих слов Прохоров странно заулыбался, выпрямился и застегнул пуговицы пиджака, видимо, собирался толкать речь, — Саша всё решил без нашего участия, согласитесь, право на это он имеет. — Присутствующие

понимающе кивали, только Прохоров был против такой длинной прелюдии. — Этот пост займёт один из акционеров — Снежная Валерия Павловна.

Синицкие пождали губы, но вряд ли их удивило это заявление, видимо, такую реакцию вызвало выражение лица Владимира Прохорова. Вот он и правда, удивился, даже улыбаться не сразу перестал, только рот странно скривился через несколько секунд. Все молчали, не известно уж, чего ждали, наверно, после этих слов следовала речь самой госпожи Снежной, но она по непонятным причинам отсутствовала.

— Подождите... как Снежная?.. А это, вообще, кто?

— А это, Вова, владелица тридцати процентов акций «Вэл стиль». — Пояснил Райковский, сам при этом явно не сиял от счастья, но говорил достаточно уверенно.

— Как? Каких ещё тридцати процентов? Саша продал акции?

— Не совсем. — Райковский нахмурился, видимо, не хотел отвечать на подобные вопросы, но больше некому, хотя ответ знали все, кроме разве что, самого Прохорова. — Она была одним из главных акционеров и соучредителем «Вэл Стиль» двенадцать лет назад. Но по каким-то своим причинам, в судьбе компании не участвовала. На Сашу была оформлена доверенность без права продажи. А теперь Валерия Паллна, — тон Райковского вызвал понимающую ухмылку Синицких, — изъявила желание внести свой вклад.

— Что за бред? Я впервые об этом слышу! — Не успокаивался Прохоров.

— Вова, успокойся, — вступилась Марина Игоревна, — просто всё это произошло настолько давно, что никто подобную тему и не поднимал. Кто мог подумать, что Лерочка решит вернуться?

— Что произошло? И что значит вернуться?

— Ну как же, — развела руками Синицкая, — Лера уже лет десять, как эту доверенность подписала, никогда не интересовалась делами, я так понимаю, её больше интересовала прибыль. А теперь она, видимо, решила вернуться в Россию, так как с тех пор жила в Италии. Мы, честно говоря, и сами пребываем в недоумении, Саша только вчера нас известил о таком решении. Но, согласись, это её право, тем более... вместе с Сашей они являются держателями большинства акций.

Прохоров окинул взглядом акционеров, краснел от возмущения, но высказать его было некому, вроде как никто из присутствующих этого решения не принимал, только и оставалось, что проглотить эмоции. Повисло неловкое молчание, Райковский чувствовал себя вполне вольготно, откинулся на спинку кресла и поднял взгляд к потолку. Синицкие едва заметно улыбались, скорее, виновато, они давно знали Прохорова и ценили его вклад в компанию, а вот Глеб старался не обращать внимания на напряжённую атмосферу, силился непринуждённо улыбаться.

— Вов, если тебя это успокоит, то я тоже впервые слышу это имя. — Вздохнул Глеб.

— Да причём здесь успокоит или не успокоит? Я восемь лет отдал компании, я знаю здесь всё от «А» до «Я» и сейчас, когда мы и так не в самом выгодном положении, придёт непонятно кто, и будет диктовать нам свои условия! Я, конечно, не могу знать, что там пришло Саше в голову, но как только он приедет, мы серьёзно обсудим этот вопрос.

— Владимир, держи себя в руках. — Марина Игоревна приняла невозмутимый вид. — Мне кажется, ты преувеличиваешь. Мы ещё с ней даже не встретились, а ты говоришь про какие-то условия.

— Вот именно, где она? Или Валерия Паллна думает, что сможет руководить из своей Италии, или где она там живёт?

— Вов, не нагнетай. Они с Сашей приняли такое решение, значит, так будет правильно. — Напряжённо выдохнул Райковский, едва заметно массируя виски.

— Они? И давно приняли?

— Вчера! — Не выдержал Райковский и швырнул на стол папку с отчётами за полугодие, которую до сих пор крутил в руках, правда, так и не открыл, чтобы ознакомиться.

— Отлично! И с каких пор Саша принимает такие скоропалительные решения?

— Вот он приедет, ты у него и спросишь.

Было заметно, что приезд Валерии Снежной никого не оставляет равнодушным, но она имела свой пакет акций, а при поддержке Александра Синицкого вполне могла претендовать на этот пост.

— Я не понимаю, — Прохоров взялся за голову, — это несправедливо.

— Перестань, в конце концов, побалуется девочка месяц-другой и бросит это неблагодарное дело. Она привыкла деньги тратить, а не зарабатывать их.

— Очень интересно! И откуда же эта «девочка» взялась? Кто она такая?

Сидящие за столом знающие люди дружно переглянулись, но при этом молчали. Прохоров собирался повторить свой вопрос, но дверь конференц-зала с размахом распахнулась и в проходе появилась миловидная девушка с широкой улыбкой и дерзким взглядом. На вид ей было лет двадцать пять. Ухоженная, красивая, девушка с обложки глянцевого журнала. Высокая, стройная, с гордо поднятой головой и идеально ровной спиной, она позволила присутствующим себя внимательно рассмотреть и только потом смело шагнула вперёд. Внешность яркая, запоминающаяся: шатенка с выразительными зелёными глазами, одним своим видом демонстрировала, кто теперь здесь главный. Фигуру подчёркивало облегающее платье из изумрудного атласа, неприлично высокий каблук, стрижка «каре» идеально уложена. Взглядом неспешно обвела коллег, ещё раз дерзко улыбнулась, так, что Прохоров позеленел от злости в тон её платья.

— Добрый день.

Выдохнула она и решительно направилась к своему креслу. Тон был вроде и деловой, но очень уж ехидный, словно она пыталась что-то кому-то доказать. Широкая улыбка не сходила с её лица, глаза сверкали, и одним своим видом она усмирила всех, кто готов был выступить против.

— Добрый.

На приветствие отозвался только Райковский, вполне дружелюбно, надо отметить, но, видимо, Валерия этого не заметила или, по крайней мере, сделала такой вид. Присаживаться не стала, остановилась, опираясь обеими руками на кресло, тем самым показывая своё превосходство. Ещё раз окинула всех смеющимся взглядом и приступила к разговору.

— Гром и молния уже прошли? Тогда можно начать. — Одарила Прохорова победным взглядом, словно знала, что именно он минуту назад говорил про неё. — Для тех, кто меня не знает, представлюсь — Валерия Павловна Снежная. Исполнительный директор компании «Вэл Стил». Думаю, Райковский уже сообщил о моём скоростижном назначении, поэтому объяснять что-то я не стану и углубляться в подробности такого решения не вижу смысла. Я так понимаю, на столе есть папки с отчётами о проделанной работе, но вы можете смело отложить их в стороны.

— А вы не хотите познакомиться с нами? — Прохоров глянул исподлобья и с явной неприязнью, но девушку ничуть этим не смутил, что и его самого прилично удивило.

— А я вас всех знаю. И не стоит, Владимир Сергеевич, жечь во мне взглядом дыру, я от

этого не испорчусь. Всё уже решено, и обижаться просто не осталось времени.

— Милая, а ты, часом, не ошиблась? Тебе место явно не в этом кресле.

Грубость, что тут скрывать, но иначе Прохоров уже не мог. Внешний вид этой особы его просто убил: ни о какой работе и речи быть не могло, девушка приехала именно побаловаться, покрасоваться, поиграть в большого начальника, как уже кто-то за столом и говорил.

— Я вам не милая и предупреждаю сразу: фамильярностей не люблю. То, что мы перешли на «ты» принимается, но прошу соблюдать субординацию, всё же я твой непосредственный начальник, а не подруга.

— Да? А по-моему Синицкий сошёл с ума. — Скрипнул зубами Прохоров и откинулся на кресле. Неприязнь была слишком явной, чтобы маскировать её за фальшивыми улыбками, да и лебезить он не любил и не умел, за что и получил свой несгибаемый авторитет.

— Мне тоже так иногда кажется, — с забавой в глазах ухмыльнулась Лера, но тут же вспомнила, кто она теперь и состроила серьёзное лицо, — и если ты хочешь сорвать собрание, то совершенно напрасно стараешься, — выйди за дверь, остынь и только потом возвращайся.

— Я не хочу ничего срывать, я просто не понимаю, зачем мы вообще здесь собрались. Хоть смейся, хоть плач!

— Владимир Сергеевич, я тебе уже сказала, что сделать, если помолчать нет сил.

Прохоров хотел что-то ответить, но почувствовал взгляд Райковского, поджал губы и заставил себя успокоиться.

— Так вот, пока вы здесь заседали, а Владимир Сергеевич метал стрелы в бедного Райковского, за то, что он принёс столь скорбную весть, — на этой фразе Лера не сдержала улыбки, — я работала. И я не буду сейчас обращать своё внимание на ваши ухмылки, потому что результат налицо: сегодня я подписала договор о том, что нашу новую коллекцию мы представим на неделе моды в Нью-Йорке через семь месяцев. — Она окинула победным взглядом присутствующих. — И, судя по той тишине, которая поселилась в этом зале, думаю, все понимают, что этот договор держится на одном моём честном слове, так как больше к нему приложить было нечего. У нас не то что новой коллекции нет, но нет даже её зачатков. Поэтому сейчас я предлагаю собрание считать оконченным. Ближайшую неделю я буду принимать дела и изучать документы, а эту новость мы обсудим в конце месяца, когда Александр Дмитрич вернётся из своей деловой поездки.

Выговорила, собой осталась довольна, все вокруг в шоке и переваривают полученную информацию, а Прохоров только рот открыл. Говорила Валерия Снежная чётко и быстро, что никак не связывалось воедино с её внешним видом, который так и кричал: люблю мужиков и большие деньги. Взгляд, который из смешливого стал серьёзным, чётко обрисовал её намерения, а строгость тона выдавала умение руководить.

— Как тебе это удалось, я уже три года веду с ними переговоры? — Не сдержал он эмоций.

— А это всё оттого, Владимир Сергеевич, что я работаю.

— А я, по-твоему, здесь штаны просиживаю?

— Ну, если судить по тому, что некогда процветающая компания сейчас находится в упадке, это можно предположить. Кстати, я так понимаю, ты многих уже отпустил, поэтому прошу сообщить всем необходимым сотрудникам о завтрашнем собрании. Оно состоится после обеда, я опозданий не люблю.

— Каким это, необходимым?

— Ну, ты ведь здесь три года переговоры ведёшь — тебе виднее, с кем обсуждать сложившуюся ситуацию. И, прошу тебя, молчи. — Лера широко улыбнулась. — На этом собрание акционеров я объявляю закрытым. До встречи через три недели.

Глава 1

Прохоров с места не встал, сверлил взглядом новоиспечённого начальника. В голове не укладывалось, как эта девчонка окрутила комиссию, и их пригласили на неделю моды. Сидел в кресле, откинувшись на его спинку, закинул ногу на ногу, пальцем лоб подпёр, и смотрел. Теперь можно было оценить красавицу по достоинству, точнее говоря, посмотреть было на что. Только вот весь её образ никак не укладывался с должностью. Нет, она, конечно, не секретарша — слишком уверенно держится, но кто тогда? И почему о ней никто не говорил столько лет? И что она хочет сейчас? Эти вопросы не давали покоя, а Валерия, тем временем, была уже не одна, а мило беседовала с Райковским, причём шептаться они не собирались.

— Отлично выглядишь.

— Спасибо.

Райковский подошёл к девушке практически вплотную, присел перед ней на край стола, повернувшись ко всем спиной, голос его стал необычайно мягким и сладким, одной рукой он уже придерживал Валерию за талию и, казалось, чуть сдавил, подталкивая к себе ближе.

— Сашу видела?

— О чём ты говоришь? Он сейчас... — руками растеряно взмахнула, — кстати, где он сейчас? А я только вчера прилетела.

— Как устроилась?

— Пока в гостинице, ключик золотой ведь Карабас-Барабас спрятал. — Лера звонко рассмеялась, привлекая всеобщее внимание. Стало понятно, что с Райковским, хоть тот и нелицеприятно о девушке отзывался до этого, они старые друзья, мило беседовали на отвлечённые темы.

— Ты к нему несправедлива.

— Да что ты! Вот, чувствую, зря Синицкому ключики оставила, наверняка вместо моего уютного гнёздышка там теперь настоящее гнездо разврата.

— Ты наговариваешь. Кстати, почему вернулась? Итальянский любовник хвост прищемил?

Райковский говорил без зла, это даже со стороны было понятно, но с каким-то странным, не свойственным ему азартом. Широко улыбался, подмигивал, иногда даже поглаживал Леру по плечу, одним словом: старые знакомые. Да и она на него реагировала довольно-таки спокойно, отвечала на шутки, зазывно улыбалась и готова была поддержать любую тему.

— Ты меня с кем-то путаешь, дорогой. Я девушка свободная и люблю исключительно горячих русских парней. А если ты по поводу моей причёски, — Лера вспомнила о своих волосах и попыталась взъерошить их на затылке, небрежно проведя рукой по укладке, — так я уже лет семь, как не ношу длинные волосы.

— Понятно. Тебе идёт. — На секунду он замолчал, никто кроме Леры не видел выражения его лица, но даже со спины почувствовали непонятное напряжение со стороны мужчины, Лера же осталась невозмутима и улыбнулась ещё шире. — Ладно, побегу.

— Беги, беги.

Пока улыбалась вслед уходящему Райковскому, рядом уже стояла Марина Игоревна, тоже, видимо, желая высказать пару слов.

— Лерочка, прекрасно выглядишь. — Мило улыбнулась она и подошла ближе, намекая на конфиденциальный разговор.

— А вы как всегда, цветёте. И как вам это удаётся? — Не осталась в долгу та.

— Милая, я бы хотела поговорить с тобой наедине. Не сейчас, правда, Дмитрий Алексеевич торопится, но как только у тебя появится свободная минутка...

— Я вас поняла. И я сегодня тоже занята. Так сказать, положение обязывает, но если завтра у вас... часов в шесть... будет время, обязательно встретимся.

— Так и договоримся. Созвонимся, до свидания.

— До встречи.

А вот с Мариной Игоревной, хоть улыбки и зашкаливали, Лера держалась строже, можно даже было уловить напряжённость со стороны обеих, что, к слову, не помешало им поцеловать друг друга в щёку на прощание.

Больше никто не горел желанием пообщаться, вскоре в конференц-зале не осталось никого, кроме Прохорова, который думал о чём-то своём, но при этом не сводил глаз с Леры, видимо, не заметил, что она теперь одна. Она, в свою очередь, этот взгляд поймала и так же принялась осматривать заместителя. Мужчина, надо сказать, симпатичный, представительный, правда, карьерист, но куда сегодня без этого. На него было приятно смотреть: широкоплечий, ухоженный, из-под костюма проглядывались хорошо накачанные, рельефные плечи, лицо без видимых изъянов, красивой формы щетина, которая, из-за природной черноты волос, была заметна даже на гладко выбритой щеке. Но сработаются ли?

— Ну, что, Владимир Сергеевич? — С ухмылкой поинтересовалась Лера, заставляя Прохорова оторваться от тяжёлых дум. — Раз вы отпустили моего секретаря, так, показывайте владения сами. Здесь всё так изменилось, я признаться, не сразу вас нашла.

— Мы снова на «вы»?

— Нет, но мне захотелось сказать именно так.

Прохоров нехотя встал со своего места и даже глазом не успел моргнуть, как красавица-начальница подхватила его под руку и сама потащила к выходу. Ничуть не стесняясь, она шла с ним рука об руку, и пару раз успела заглянуть в глаза, и, если бы он не был так расстроен из-за её назначения, точно бы ответил своей фирменной улыбкой. А так, только растерялся и неловко откашлялся, неужели она его соблазняет?..

— А мне как теперь обращаться?

— Да как хочешь, только чтобы со стороны никто не подумал, что мы любовники. — Лера забавно улыбнулась, встретив непонимающий взгляд. — Я привыкла, что меня зовут Лера. Ты мне не секретарша, думаю, так будет удобно.

— И откуда же ты взялась, Лера?.. — Тяжело вздохнул Прохоров, видимо, вопрос был риторическим, но ответ он на него получил незамедлительно.

— Это ты взялся, а я здесь всегда была. — Прохоров резко остановился, видимо, в связи с высоким нервным перенапряжением, теперь стал туго соображать, но это мало кого могло смутить. — Мы с Синицким одиннадцать лет назад совместными усилиями приобрели шестьдесят процентов акций. По тридцать каждому. Потом он выкупил ещё десять процентов, а оставшиеся тридцать были у прежних владельцев. Так он стал фактическим хозяином. Потом вы с Глебом и Райковским подсуетились.

— А сколько ж тебе лет-то тогда?

— Если спрашиваешь, значит, думал, что меньше. Это радует.

— А поконкретнее.

— А поконкретнее, ты спросишь завтра в отделе кадров, когда я туда отнесу документы.

Придешь с коробочкой конфет и всё узнаешь, мне ли тебя учить?

Лера вела себя так естественно, словно и не чувствовала неприязни с его стороны, чем несказанно обрадовала, разговор пошел легче чем ожидалось, девушка всё крепче обхватывала его предплечье, странно прижималась, стараясь пройти в узкий проход одновременно с ним, а ещё... ещё Прохорова начал волновать запах её духов, такой знакомый и приятный.

— Да, уж.

— Не вздыхай, лучше покажи, куда мне завтра идти. Где мой личный кабинет? А то обещал всё здесь показать, а сам только и делаешь, что тормозишь. Кстати, то, что я тебе сейчас сказала, по поводу акций и самой компании, — информация закрытая и Александр Дмитриевич будет тебе очень благодарен, если ты сохранишь её в тайне.

— А Сашка тут причём?

— Ни при чём, просто просил не распространяться. А ты ведь знаешь, что бывает, если его просьбы не выполняются?

Лера подошла слишком близко, посмотрела в глаза и рассмеялась, щёлкнув Прохорова по носу. Вздорная девчонка, не иначе, она уже не была похожа на ту стерву, которая одним взглядом готова была обломать любого в конференц-зале. Что же, с такими талантами к перевоплощению и не удивительно, что она и Синицкого убедила на такую авантюру. Они уже подошли к нужной двери, и можно было с ним не церемониться.

— Ты можешь быть свободен. — Торжественно сообщила она и уселась в директорское кресло, покрутилась на нём вокруг оси, а потом снова взглянула на ничего не понимающего Прохорова, который так и топтался в проходе.

— И что ты здесь будешь делать одна? — Спросил он с небрежной ухмылкой.

— Наслаждаться жизнью: присяду, выпью, заброшу ноги на стол и помечтаю о светлом будущем. — Она широко улыбнулась, но улыбка получилась какая-то издевательская. — Извини, это, наверно, было в твоих планах на сегодня...

После этих слов Прохоров громко хлопнул дверью, даже и не думал прощаться, злился. Обижался, всех в этот момент ненавидел и, возможно, был прав, но Леру это только насмешило. Она приехала сюда с определённой целью и такие пешки вряд ли смогут выбить её из колеи.

Мечтала она достаточно долго, ну, не мечтала, конечно, но разве кто-нибудь поверит, что до восьми вечера работала? И пароли от компьютеров у неё были, и где взять нужную информацию она знала, да и вообще подготовилась основательно. В планах было не только добиться желаемого, но и в реальности поднять бизнес на должный уровень.

Утром на работу не спешила, пусть слух о новой начальнице введут в уши подчинённым, ни к чему каждому встречному объяснять, кто она такая и куда направляется. Ненужные разговоры всегда утомляют, а если уж впереди тяжёлый рабочий день, так, тем более. Так и есть: как в офис зашла, ей уже все вежливо улыбались. В свою приёмную вошла и намерено напротив секретаря остановилась, чтобы познакомиться.

— Добрый день, — улыбнулась девушка, — это вы?

— Я.

Глупая ситуация, секретарь смутилась, но Лера не стала её ещё больше мучить.

— Меня зовут Валерия Павловна.

— А меня Мария.

— Очень приятно, зайдёшь ко мне через пять минут. Захвати блокнот, разговаривать будем долго.

Тут уж секретарь и вовсе растерялась: все давно привыкли к тому, что новый начальник ведёт за собой личный штат сотрудников, вот и неси за собой блок бумаг для заявлений на увольнения. Ничего не поделаешь, Маша тяжело вздохнула, нацепила на лицо улыбку и осторожно постучалась в кабинет.

— Можно?

— Заходи, присаживайся. — Весело отозвалась Лера, а когда секретарь устроилась, широко ей улыбнулась. — Можешь выдохнуть. — Засмеялась она.

— Извините.

— Да, перестань! — Легко от извинений отмахнулась. — Итак, к делу.

Лера сидела на своём рабочем месте и просто светила от счастья, казалась весёлой и жизнерадостной, вполне возможно, что именно так она себя и чувствовала. Сегодня выбрала более строгое платье, по крайней мере, цвет был подходящий: тёмно-синий, в мелкую, едва заметную чёрную полоску. На шее скромное жемчужное ожерелье — деловая леди, не иначе.

— Маша, как тут у нас работает сарафанное радио?

— Да... — Развела секретарь руками и округлила глаза.

— Сообщаю сразу: я пятнадцать лет в модельном бизнесе, знаю все его тёмные стороны и подводные камни. В тупик меня завести сложно, поэтому не советую даже пробовать. В женском коллективе я работаю постоянно, поэтому и спрашиваю? Работает радио?

— Работает. — Решительно кивнула Маша, но тут же неловко улыбнулась.

— Отлично. Твой бывший начальник рекомендовал тебя как ответственного секретаря и хорошего человека, поэтому я надеюсь с тобой подружиться и работать вместе долго и упорно. Ты как?

— Я только «за». — Маша испуганно взглянула и развела руками, руки при этом так и застыли в воздухе, девушка забыла их привести обратно к телу.

— Что про меня слышно в офисе?

— Да так...

— Ну, это понятно, всё-таки только с Прохоровым познакомиться успела, вот я и спрашиваю: что он говорил про меня? Конечно, кроме того, что стерва и высокого о себе мнения?

Тут Маша действительно расслабилась, поняла, что начальница видит всё насквозь и понимает без лишних слов. Что ж, с такими людьми дело иметь приятно. И со своим описанием она в точку попала — Прохоров буквально теми же словами о ней говорил.

— Ещё сказал, что вы здесь надолго не задержитесь.

— Мужчины... примитивные существа. — Констатировала Лера и тут же сконцентрировалась. — Хорошо, о личном побеседовали, теперь о делах. Передашь всем, что новое начальство прибыло, сразу оглашу, что никого увольнять не собираюсь, можете дышать свободно. — После этих слов, реально захотелось выдохнуть. — Скажу тебе по большому секрету, но не буду ругать, если проговоришься: компания семимильными шагами движется к кризису, поэтому зарплату повышать не буду, ну, по крайней мере, ближайшие три месяца. Но и не понижу, что, согласись, большой плюс. А говорю тебе всё это я не просто так, а именно для того, чтобы ты поняла: я должна быть в курсе событий, причём не

только культурно-массовых. Я хочу, чтобы этот кризис не наступил, но пройдёт время, прежде чем Прохоров смириться с моим назначением, и палки в колёса он поставит мне не раз. Твоя задача как секретаря — вовремя это предотвратить. Знакомство с коллективом пройдёт после обеда, когда все будут готовы к поступлению информации.

Говорила Лера быстро, секретарь в это время успевала только кивать головой, доверительная беседа сделала своё дело и многое расставила по местам. Конечно, подругами они не будут, но работать вместе станет намного приятнее.

— Блокнот я тебя просила взять не просто так, сейчас продиктую список нужных мне людей, ты с ними свяжешься, договоришься о встрече, и не забудь при этом известить, что с сегодняшнего дня именно я представляю компанию «Вэл Стил». Сейчас я уйду, буду часа через два — не раньше. От тебя потребуется ещё кое-что: предупреди уборщицу, что я люблю чистоту, папки за моей спиной разбери. Понимаю, это не совсем твоя обязанность, но я не успеваю, а доверять кому-либо другому не хочу. Лишний хлам из кабинета собери в коробки и обнови канцелярский ряд, а то мне вчера даже записать мысли было нечем. — Лера широко улыбнулась, сложив руки перед собой на столе, сама понимала, что сейчас раздаёт указания, как мачеха Золушке перед балом, поэтому решила добавить. — Когда со всем справишься, подготовь приказ: за сверхурочные я выпишу тебе премию. — Развела руками, вроде как извиняясь, в ответ получила понимающую улыбку.

Секретарь уже стояла в дверях, но решила уточнить:

— Это всё?

Казалось, своим вопросом она поставила Валерию Павловну в тупик: та успела полностью погрузиться в свои мысли и взглянула как-то растеряно.

— Да. — Кивнула она. — То есть, нет. Ещё одно замечание, насчёт твоего внешнего вида.

— Что-то не так?

— Всё не так! Ну, ты ведь работаешь не в нефтяной компании, можно что-нибудь попроще, повеселее. Давай договоримся так: сообщи женскому коллективу, что с сегодняшнего дня стиль одежды свободный. Допускается всё, но в пределах разумного: никаких шокирующих декольте и мини-юбок. Ярko, стильно, красиво и обязательно женственно.

— А...

— А у кого такого нет, можно придерживаться прежнего стиля одежды.

— Понятно.

Надо отметить, что секретарь и впрямь оказалась на удивление понимающей и ответственной. Это Лера отметила про себя, когда знакомилась с коллективом. Теперь не было таких язвительных и при этом испуганных взглядов в её сторону, все достаточно искренне улыбались и вели себя более-менее естественно.

Милое щебетание Валерии Снежной никого не оставило равнодушным, с Прохоровым теперь работники сходились в одном: на начальника она точно не похожа. Лера при этом им обещала строгость со своей стороны, от них ждала исполнительности и ответственного отношения к порученной работе. Ничего сверхъестественного, но многие после её приветственной речи захотели действительно приносить пользу. Недовольным, кроме, конечно, всё того же Прохорова, остался ещё и финансовый директор Сомов, из него Валерия Павловна всю душу вытрясла, пока разбиралась с немереными тратами. Ничего при этом не добилаясь, но отметила, что он скользкий и подозрительный тип, не зря на шикарном

автомобиле марки «мерседес» разъезжает.

Но для самой Леры это всё были мелочи. Самой большой проблемой для компании по разработке и производству модной одежды являлся их дизайнер, который вот уже четыре года, как не продуцировал стоящих идей. С ним было всё не так просто, да и замену найти — не секретаршу переодеть, проблема требовала большого внимания и длительного мыслительного процесса. Только вот рабочее время подошло к концу, Лера только разошлась, а Маша уже оповестила, что Марина Игоревна просила напомнить о встрече.

— Как у вас всё запущено, Маша... — Лера откинулась на кресле и на секунду закрыла глаза.

— Устали?

— Не то слово. Да, Маша, я не видела приказ о твоей премии. Он готов?

— Да.

— Так, в чём дело?

— Мне показалось неудобно...

— Перестань! — Лера даже брови нахмурила, но потом вспомнила, что она уже не в том возрасте, чтобы так бессмысленно распоряжаться своим лицом и улыбнулась. — Это твоя зарплата, и о ней ты должна думать в первую очередь! Говорю первый и последний раз: всё, что касается денег, требует внимания. Сейчас у меня будет очень сложный период в работе, о таких мелочах я вряд ли буду помнить, так что...

В офисе вдруг стало пусто. Весь день люди бегали, работали, сустились, а сейчас никого нет, даже странно видеть подобную картину. Одиннадцать лет назад, когда всё только начиналось, рабочие места были заполнены мечтателями, энтузиастами, людьми, готовыми существовать на работе, только бы добиться успеха, а вот теперь все работают за зарплату... Конечно, Лера сама тогда сбежала, первая бросила тех, кто в неё верил, но всё равно как-то грустно. Она стала перед огромной зеркальной стеной (тоже, кстати, её идея), грустно улыбнулась своему отражению и выдохнула — предстояла нелёгкая встреча, её нельзя отложить или отменить, надо просто пережить.

Марина Игоревна уже сидела за столиком в кафе. В ресторане намерено встречаться не стали, так как она была на очередной диете, а в кафе можно отделаться десертом или, вообще, чашечкой кофе. Несмотря на свои шестьдесят три, выглядела она очень даже, всегда улыбалась и говорила на полутонах — профессорская дочка и жена профессора. Ничего не скажешь. Женщиной она была достаточно приятной и очень общительной, но вот с Лерой отношения не сложились, то ли от их занятости в разных сферах жизни, то ли от разных взглядов на мир, но факт остался фактом: они никогда в открытую не вступали в контры.

— Добрый вечер. — Лера старалась улыбаться искренне, несмотря на натянутые отношения с Синицким-младшим, с женщиной она всегда была предельно тактична и вежлива, за счёт чего могла сейчас вот так просто с ней встречаться.

— Добрый. Ты прекрасно выглядишь, так повзрослела.

— Спасибо, а вы, кажется, только молодеете. Признайтесь, у вас есть секрет.

— Ну, что ты...

Игра в любезности имела свои границы, обе прекрасно понимали, зачем они здесь собрались, но к важному разговору перейти оказалось непросто, особенно, если разговаривали последний раз лет десять назад.

— Как родители?

— Отлично. У папы карьера идёт в рост, мама всегда при нём.

— А сама как? Что в личной жизни?

— Марина Игоревна, честно говоря, я устала. — Лера быстро выдохнула и сложила перед собой руки. — Давайте не будем ходить вокруг да около, вы ведь не посплетничать меня пригласили.

— Да, конечно. Просто...

Речь прервал официант, который как раз принёс кофе, женщина отчего-то смутилась, правда, вежливо его поблагодарила, снова перевела взгляд на Леру.

— Лерочка, ты ведь всё понимаешь, я беспокоюсь за вас. Понимаю, время прошло, но старые обиды наверняка остались... — Она тяжело вздохнула и придвинула к себе чашку, хотела отпить, но нервозность сделать этого не позволила, взгляд женщины стал пронзительным и строгим. — Лера, у него другая жизнь! Невеста, любимое дело... всё идёт на лад. Зачем ты приехала?

— Извините?

— Вы взрослые люди и, конечно, сами во всём разберётесь, но иногда нужно отступить, забыть, проглотить обиду, чтобы не навредить самому себе.

— Это вы так сейчас тонко намекаете на то, что обиды должна глотать я?

— Валерия, не цепляйся к словам. Я не знаю, что-то тогда между вами произошло, но поверь, Саша тоже очень тяжело всё это переживал, он достоин жить и любить. Я просто хочу, чтобы мой сын был счастлив.

Женщина сжала кулаки, конечно, не угрожала, просто сама очень переживала, а вот Лера чувствовала себя свободно, даже могла улыбаться.

— Я вот что хочу вам сказать: мне не интересно кто и как живёт, сколько у кого невест и так далее. Я домой приехала. К себе домой. В свою квартиру, в свою компанию, в свою жизнь. А если моё присутствие в этом городе кого-то напрягает, то я не виновата. Знаете, как говорят: нервный не тот, кто стучит, а тот, кого это раздражает.

— Я не говорю, что ты мешаешь, нет. Ты имеешь право здесь жить и вообще... просто Сашу отпусти.

— А я его никогда и не держала.

— Лера...

— Я так понимаю, Саша не в курсе этой встречи?

Лера улыбаться перестала, хоть она и подготовилась морально к разговору, но слова женщины начинали её задевать, а вот Марина Игоревна поджала губы после напоминания о её месте в жизни сына.

— Ты правильно поняла.

— Тогда я вообще не вижу в чём проблема. Сашу и раньше ваше мнение не интересовало, а теперь-то... и вовсе не мальчик, сорок лет скоро. Зачем всё это?

— Я хочу, чтобы ты меня услышала. Вам нечего делить. Он счастлив, он хочет создать семью, а ты... Я не понимаю, зачем ты приехала, почему именно сейчас?..

— Потому что компания, в которую я когда-то вложила не только свои деньги, но и два года жизни, нуждается во мне как никогда. И свою позицию на этот счёт я озвучила, а подробнее об этом мы поговорим на совете директоров, но уже не с вами. Саша в курсе, что я здесь, он не против, и, как вы говорили, мы взрослые люди и уже всё решили. Без вас. — Лера намерено сделала акцент на последние слова, она и прежде никому не позволяла вмешиваться в свою жизнь, тем более так бесцеремонно, а теперь то уж, и вовсе слушать никого не собиралась.

— Если всё так, как ты говоришь... то, конечно. Ты права — это твоё детище. Но я хочу сказать, — женщина снова замялась и начала крутить в руках чашечку с горячим напитком, — Кристина хорошая девушка. Она любит Сашу, и я прошу тебя, не обижай её.

— Вот и отлично, а сейчас, если у вас всё, я пойду. Правда, много работы.

— До встречи.

— До свидания.

Марина Игоревна так и осталась сидеть, исходом разговора она не была довольна. А, собственно, чего она хотела? Чтобы Лера понимающе кивнула, собрала чемоданы и отправилась восвояси? Не дождутся они все этого! Всё идёт так, как должно идти. Кристину она пожалела, бедную девушку, которая в двадцать с небольшим влюбилась во взрослого дядю! Какое уж тут светлое чувство, если такое состояние на кону?! Эти слова, про его невесту, буквально добили Леру, она и прежде слышать ничего о девушке не хотела, а теперь была просто взбешена тем, как эта вертихвостка удачно прописалась в семье Синицких. Но своё мнение пришлось оставить при себе, чтобы, в конце концов, не сорваться в первый же день.

Глава 2

Первая неделя прошла, усталость накатила неожиданно, и Лера решила взять передышку. До этого работала без выходного, буквально с утра до ночи и результат не заставил себя ждать: уже сейчас она готова была предъявить свои требования, замечания, и выдвинуть предложения. Признаться, за это время, всё с ног на голову перевернула, но своего добились: теперь не осталось ни пробелов, ни тёмных пятен. Вся теневая сторона компании была на виду, а здесь и ошибки руководителя, и откровенные промахи сотрудников.

Пока работала, ничего не замечала, а вот теперь про себя отметила, что Прохоров вот уже несколько дней не имеет к ней претензий, что довольно-таки странно. Ясно, конечно, что-то затеял... Вчера даже по душам поговорить пытался. В лифте, правда, на бегу, но и то дело. До этого только огрызался и косо смотрел, а теперь, то и дело, на обед пригласить пытается. Для прояснения ситуации вызвала Машу, которая просто не может быть не в курсе.

— Мария, а что у нас происходит?

— В смысле, Валерия Павловна?

Девушка уже привычно присела, так как разговор с Валерией Павловной редко заканчивался через пару минут, её всегда необходимо было внимательно выслушать.

— Меня беспокоит Прохоров, он здоров?

— Вы всё-таки заметили, да?

Лера глянула на секретаря с интересом, из своего кресла встала и подошла к девушке поближе.

— Я-то заметила, вот только не пойму, что.

— Он за вами пытается ухаживать.

— Да-а? — Ухмыльнулась сама себе. — Значит, теперь так ухаживают? Не знала. — Головой покачала, не пытаясь скрыть усталую улыбку.

Улыбнулась свободнее, вспоминая все его неловкие попытки к ней подкатить, только вот какого-то особого отношения к своей персоне она точно не чувствовала, слишком всё было наиграно.

— Сегодня на обеде я слышала, — доверительным тоном начала Мари и как-то странно оглянулась, — как Сомов и Владимир Сергеевич спорили. Но не в том смысле, что ругались, а наоборот.

— Ты меня запутала. — Лера тоже слегка наклонилась вперёд, поддерживая интимность разговора.

— Понимаете, мне сначала показалось, что Владимир Сергеевич и правда, влюбился. Женщина вы, всё-таки, видная, да и он холостяк, а сегодня он поспорил с Сомовым, что переспит с вами до ближайшего совета директоров.

— А-а, вот оно что. А я уже боялась, что мне скучать придётся. Так, так, и что?

— Не знаю, я стояла далеко от них, не всё слышала, но то, что Владимир Сергеевич обещал в доказательство ваши интимные снимки принести, так это точно.

— А на что спорили-то? На деньги, что ли?

— Не знаю, но вид у обоих был слишком уж довольный.

— Спасибо...

Признаться, подобная новость Леру повеселила, она даже секретаршу выпроводить не успела, как уже задумалась, как эту историю в свою пользу перевести. Ещё раз прикинула, что к чему. Прохоров мог бы оказаться неплохим любовником, она сама себе улыбнулась от этих глупых мыслей и опомнилась, встретив взгляд Маши.

— Я могу идти?

— Да, конечно. — Бодро отозвалась она, хотя до этого чувствовала неприятную усталость.

Лера по своей натуре была девушкой заводной, шabutной, а иногда и просто неуправляемой. Пока жила в Италии, приходилось себя сдерживать, только в компании старых друзей, которых было не так уж и много, позволяла себе расслабиться, а вот теперь она дома. А дома и дышится легче, и идеи в голову лезут без очереди.

Она медленно прошла по своему кабинету, закусил губу, задумалась над тем, что испытывает к Прохорову. Пришла к выводам, что, несмотря на весь его негатив, тот не раздражает, а иногда и наоборот, веселит. Вспомнила, как несколько раз сама засматривалась на него, на голубые глаза, на пухлые губы и как он их дуёт, если что-то не нравится. Забавно, но раньше не ловила себя на мысли, что вообще думает об этом мужчине, а теперь... теперь он не на шутку заинтересовал. Надо отметить, что даже его запах, как мужчины, привлекает, и в качестве сексуального партнёра он может быть очень даже неплох. Женщиной лёгкого поведения Лера никогда не была, можно сказать, что в этом плане она очень консервативна, но положение свободной дамы обязывает. Пояс верности носить она никому не обещала, постоянного любовника не имела, а для поддержания себя в тонусе мужчины иногда бывают просто необходимы. Так и решила: пока она позволит Прохорову ухаживать, а там будет видно.

После работы вместе ехали в лифте, теперь можно было смотреть на него с неподдельным интересом. Мужчина он действительно видный, не герой её романа, конечно, но привлекательный: и руки мощные, надёжные, и рост приличный, при всём при этом он достаточно умен и самостоятелен. Только вот эта детская выходка со спором портила характеристику, но что с него взять... мужчина.

— Владимир Сергеевич, мне кажется или ты смирился с моим назначением?

С лёгким смешком начала Лера и не могла дождаться ответа. До этого стояла немного позади, а вот сейчас сделала шаг вперёд, чтобы видеть его глаза. Сложила губы вместе, чтобы не столь явно было её истинное отношение, взяла под руку.

— Нет.

На удивление зло ответил Прохоров. И уж не ясно: просто плохое настроение или это у него такая стратегия.

— Жаль, а ведь могли бы дружить...

Вот тут-то он и попался, теперь смотрел иначе, с лёгким прищуром, тоже не скрывал интереса. Спрятал руку в карман брюк и повернулся к Лере лицом.

— С чего бы это?

— Ну, как же, ты мужчина обходительный, девушку одну в беде не бросишь, на машине каждый день.

— И что?

— Что?! А я на такси. Не считаешь, что это небезопасно?

— Ты так прозрачно намекаешь, чтобы я проводил тебя, так?

— Какая проницательность, — Лера стала ближе, грудью прижалась к его широкому мужскому плечу и теперь полностью владела ситуацией, — я знала, что не ошиблась в тебе.

— Ты меня пугаешь...

Рассмеялся, наконец, Прохоров, видно, не ожидал, что его чары подействуют так скоро. Из лифта вышли уже под ручку, весело щебетали о том, о сём, по сторонам не смотрели. До гостиницы доехали быстро, даже слишком, а он и не думал ничего предлагать. Лера успела в своей привлекательности усомниться, прежде мужчины так от неё не шарахались. Точно, стратегия!

День за днём, в работе наметился перерыв, единственное развлечение — это Прохоров. За последние пять дней он стал более навязчивым, смелым, решительным. Теперь не боялся приблизиться и откровенно взглянуть в глаза. Ухаживать он умел: дарил цветы, говорил комплименты, но то, что всё это ради собственной выгоды, заметно омрачало события. Как Лера всегда и говорила, Прохоров оказался до ужаса примитивным экземпляром, даже не пытался чем-то удивить, шёл напролом к своей цели. Этим он даже немного Синицкого ей напомнил, вот уж точно мужик не притязательный: в бизнесе гений, а в любви простак. Его принцип: хочу — беру. Так и Прохоров, не замечал ничего вокруг, а, может, и правда влюбился. Лера подпустила мужчину к себе слишком близко, даже ближе, чем планировала, но иногда он так смотрел, прямо поедая взглядом, что отказать ему было невозможно, так и выкладывала всё о своей личной жизни, как на духу.

— Я так и думал, что без женщины тут не обошлось. — Признался Прохоров. — Меня всегда удивлял тот факт, что у такого делового человека, как Саша, появился такой бизнес. Мода, девочки — это всё не его.

— Это точно. Он слишком далёк от этих подоплёк, и как с ними справляться не знает.

— Значит, твоя была идея?

— Как раз наоборот, идея его. У него тогда выгорел один удачный проект, в обороте появились свободные деньги.

Лера рассмеялась, видимо, вспомнила какие-то подробности из прошлого.

— Я с пятнадцати лет работала моделью, и у меня в планах было открыть что-то вроде модельного агентства. Саша же мне объяснил, что лучше будет заниматься пошивом одежды. Я как в первый раз его услышала, только рассмеялась, а потом он показал мне нашу компанию и я растаяла.

— Были близко знакомы?

— Ну, как близко... он за мной ухаживал. Всё-таки десять лет разница, да мне и восемнадцати-то тогда не было. Какое уж тут близкое знакомство? Мы деловые партнёры. Друзья, если хочешь, общая компания. Райковский, как раз... мы тогда часто общались.

— Почему тогда уехала?

— Так сложились обстоятельства. К тому же, у меня родители в Италии жили. Отец в посольстве работал, было куда ехать.

— А вернулась почему, неужели такое рвение к работе проснулось?

Да, хоть разговор и по душам, а Прохоров своё дело знает, так и старается удила свои закинуть поглубже. Гад!

— Несчастливая любовь.

Заявила Лера и тут же громко рассмеялась, на них даже другие посетители ресторана обернулись. Выпила она немного больше, чем обычно, а в таком состоянии и совершала

большинство глупостей, которые были в её жизни. Правда, ситуацию контролировала, Прохоров и должен подумать, что она попалась, а на самом деле попался он сам. Про несчастную любовь ляпнула просто так, а он задумался, видно, утешить пожелал. Лера вообще не имела такой особенности, влюбляться, хорошо разбиралась в людях и знала кто и зачем ей нужен. Сложно, конечно, быть таким прагматиком, но она давно привыкла к такому стилю жизни, да и проблем так гораздо меньше. Всегда можно чувствовать себя свободной и независимой, а вот мужчины пусть ползают у её ног, они этого заслуживают.

— Ну, на несчастную ты точно не похожа.

Прохоров как-то странно глянул, глазами сверкнул и совсем уж неподдельно улыбнулся, всё-таки влюбился, сам это уже понял, хотел даже признаться и рассказать об этом глупом споре, покаяться, но Лера ему казалась особой обидчивой, поэтому с откровениями не торопился. Предпочёл сделать вид, что ничего этого не было, и он просто проявил инициативу.

Она ему нравилась: красивая и эффектная — это понятно, но Лера кроме этого была ещё и интересной женщиной. Со своими особенностями и нераскрытыми тайнами. Безусловно, умна. Она была именно женщиной, как он уже успел узнать, ей было далеко не двадцать пять, а все двадцать девять, да ещё и с хвостиком в восемь месяцев, но вела она себя как озорная девчонка. И этим привлекала, заражала своей энергией. Проработав с ней в одной упряжке совсем недолго, сразу понял, что та точно знает, куда и зачем приехала, и знает, что со всем этим беспорядком делать. В ней была коммерческая жилка, задатки руководителя, а всё это в купе с её внешностью, делало Леру уникальной.

Он узнал её ближе и проникся. О бизнесе и забыл — она думала за всех, всё успевала. Теперь, после её откровений на тему рождения этого дела, всё становилось понятно — это её детище, в которое она когда-то давно вложила душу и вполне заслуженно пожинала плоды все эти десять лет. Лера сидела перед ним и казалась прочитанной книгой: вполне искренне веселиться, смеётся над его шутками, удивляется, не стесняется проявить реакцию, эмоции, активно жестикулирует, но в тот же момент она была совсем чужой. Он и не думал, что такая женщина после недели знакомства возьмёт и выложит себя на праздничное блюдо, приправит всё это изумительным соусом и позволит себя проглотить, но какой-то отдачи хотелось. О делах они вот так вдвоём никогда не разговаривали. Лера много говорила о жизни за границей, о своих интересах и увлечениях, но старалась избегать темы отношений с Синицким. В принципе, ответ её был вполне адекватным: какие отношения могут быть между несовершеннолетней девчонкой, моделью, и состоявшимся мужчиной? Тем более таким, как Синицкий. Он в принципе, старался от подобных особ держаться подальше, но совместное дело, общий бизнес, да и вообще нежелание общаться столько лет, прилично путали карты. Синицкого он знал давно и никогда о Лере от того не слышал, да и вкусовые предпочтения у него были немного другого плана: он любил очаровательных глупышек, а Лера по сравнению с ними была акулой, к которой приближаться было слишком рискованно.

— А почему ты мне всегда намекаешь на то, чтобы я с Сашей о тебе не говорил?

На этом вопросе Лера даже жевать перестала, посмотрела так удивлённо, наверно, как на умалишённого, правда, через секунду опомнилась и милостиво улыбнулась.

— Как же, он всё-таки жениться собрался, а тут ты со своими вопросами о старой знакомой. Да ещё и про «Вэл Стил» обязательно спросишь... Выводы напроятся сами собой. Невеста заревнует, Синицкий занервничает, а мы с тобой получим за это по шее.

— Серьёзно?

— Конечно! На самом деле, все дела вела я сама, он никогда и ни в чём не участвовал, ну, кроме как в совете директоров. Это не его сферы общения, здесь работают люди нежные, чувствительные, а Синицкий привык дела решать быстро и больно. — Лера сделала страшные глаза, после чего наиграно прикрыла рот ладошкой. — К тому же, он в то время строил свой основной бизнес, куда ему до шмоток, моделей и дизайнеров? Так и получилось, что он просто выгодно вложил свои деньги. А тут ты со своими вопросами. Весь авторитет ему подобьёшь! И все подумают, что он за юбкой повёлся. А это удар по его самолюбию. Как, кстати, его авторитет, крепнет?

— Элита столичного бизнеса. — Прохоров показательно развёл руками, мол, всем известный факт.

— Вот видишь. Так что не советую лезть в это дело. Он и сейчас, я так понимаю, особо никуда не вникает, главное, чтобы деньги капали.

Что же, ответ его интерес удовлетворил вполне, в действительности, так было всегда: Синицкий никогда не занимался «Вэл Стил». Деньги давал, прибыль получал, но в суть вопросов не вникал. Только вот Лера уж как-то совсем серьёзно об этом говорила, что вмиг добавило ей ума и морального веса в его глазах. Ведь на первый взгляд — профурсетка, а на самом деле хищница, которая так и ждёт, когда запах крови почует. И вся эта напускная легкомысленность играет ей на руку: никогда не знаешь, чего ожидать в следующий момент. При этом Лера обладала невероятной силы магнетизмом. Пообщавшись с ней один лишь раз, обязательно вернёшься. Она умеет заинтриговать, заинтересовать, а потом с такой же лёгкостью отправить восвояси, чтобы под ногами не мешался. Так было каждый раз, когда у Прохорова возникала только лишь идея как-то с ней сблизиться. Кроме всех своих деловых качеств, Лера привлекала как женщина, и это не давало покоя, она уже и по ночам стала сниться, словно всегда была в его жизни. Он ей заболел.

— Ну, в дела, может, и не вникает, а вот в офисе появляется часто. — Запоздало опомнился, что не осталось незамеченным.

— С чего бы это?

— Ну, как же, невеста его у нас креативный директор.

Приехали. На это оставалось только открыть рот и ахнуть, но Лера каким-то чудом удержалась от этого действия. Немного округлила глаза и в спешке попыталась обдумать информацию. Вот такого удара под дых, она точно не ожидала.

— А ты не знала?

— Как-то не интересовалась... Ну, значит будем встречаться чаще. — Рука потянулась за бокалом с вином.

— Мне кажется, тебе уже хватит.

Отметил Прохоров, когда Лера очередной раз кивнула на бутылку с вином, её бокал снова был пуст.

— Перестань, тебе же на руку, если я немного расслаблюсь.

— Это предложение?

— Это заявление! Причём вполне осмысленное. — Лера глянула на Прохорова пьяными и оттого очень уж весёлыми глазами, должной реакции не дождалась и оскорблённо поджала губы. — Прохоров, ты тормоз! — Заявила она во всеуслышание, поднялась из-за стола и направилась к выходу, не дожидаясь его.

Встретились только на улице. Лера успела освежиться, и остыть: теперь она снова

широко улыбалась и, кажется, забыла о том, как её отнюдь не тонкие намёки проигнорировали.

— Тебя отвезти?

— Нет, оставь меня здесь! — Топнула она ногой и демонстративно отвернулась.

Победно кивнула, когда на плечи легли тёплые мужские ладони, немного сжались, при этом поворачивая в нужную сторону. Лера не раз сталкивалась с подобной нерешительностью, что порой очень раздражало. Подруга Аня всегда утверждала, что Лера сама в этом виновата: слишком агрессивно продвигает она свою позицию, изначально заставляя мужчин пасовать. Но ведь так было не всегда! Были и те мужчины, которые её саму шокировали признаниями... вот только очень уж редко они встречаются, хоть и говорят, что женщины притягивают к себе однотипных мужчин. Так и Прохоров, пока до него дойдёт, что пора действовать, так уже и у самой всё желание на продолжение вечера пропадёт, но не сегодня. Именно сегодня нужно было закончить всю эту историю, иначе отношения затянутся и от этого надоеды будет не так просто избавиться. Она уже успела охарактеризовать Прохорова как подкаблучника. Не явного и, скорее всего, не для всех, но с ней ему точно не тягаться, а слабаков Лера никогда не любила. Несмотря на всю свою самоуверенность, хотелось остаться слабой и женственной в руках настоящего мужчины, почувствовать себя желанной, а не просто удобной в эксплуатации. А Прохоров для этой роли не подходит, он слишком мягкий.

В машине перед гостиницей раскачиваться она Прохорову не позволила, сразу оповестила, что желает прибыть в номер в его сопровождении. Нельзя сказать, что тот удивился, но от самого приказного тона его несколько покорило, словно в эту минуту он решал: поддаться или ещё поиграть. Поддался, конечно, в конце концов, такие предложения ему поступают не каждый день, а девушками вроде Леры, да ещё и в довесок, начальницами, разбрасываться точно не стоит.

Ещё в лифте от её томного взгляда стало немного жарко. Нет, она на него не бросалась и в штаны не лезла, но в глазах черти плясали, а улыбка и вовсе дьявольская. За руку его придерживала, чтобы тот сознание не потерял, а сама при этом едва-едва его плеча касалась. Походка уверенная, энергичная, словно это не она в машине икала от избытка выпитого. Навстречу Лере все улыбались, ну, допустим, с сотрудниками — понятно, не стоит сомневаться, что Валерия Снежная и здесь порядок успела навести и её все в лицо знали, но вот посетители... Очень солидные люди голову склоняли, приветствуя девушку, а женщины смотрели с неподдельной завистью и едва ли можно предположить, что завидовали на него (Прохорова). В номер Лера его буквально втащила.

— Ну, что ты на пороге мнёшься, проходи.

Вся её деловитость пропала, как только дверь номера была закрыта на ключ. Лера сбросила с ног туфли, неаккуратно швырнув их в разные стороны, на ходу избавилась от громоздких украшений, взбила руками волосы, правда, они были настолько мягкими, что вряд ли это могло испортить причёску. Вот так, в один миг, из жёсткой бизнес-вумен, она превратилась в домашнюю кошечку, разве что помурлыкать осталось, чтобы окончательно развеять сомнения. Закрылась в ванной, а оттуда уже вышла в красивом халатике в китайском стиле.

— Ты так и будешь стоять как истукан? — Улыбнулась она и сама притянула Прохорова в центр просторной комнаты.

— Тебя не узнать.

— Это комплимент или уже можно обижаться? — Уточнила, пока наливала в бокал немного виски, тут же всучила его Прохорову и рассмеялась, когда тот растеряно взглянул. — Знаешь, анекдот такой есть: «выпей, дорогая, тебе нужно расслабиться, а то ты стесняешься. А девушка отвечает: ой, я тебя умоляю, если я выпью, то стесняться начнёшь ты».

Высказалась и тут же сама начала смеяться над этими словами, и смех такой заразительный, что даже если бы сейчас она его послала, он не устоял бы и так же задорно посмеялся. Она знала, как и чего добиться, это видно невооружённым взглядом.

— Я сейчас так выгляжу? — С прищуром глянул Прохоров и озорно улыбнулся.

— Ты выглядишь хуже.

Говорить Лера уже не была настроена, медленно к Прохорову приблизилась, подошла со спины и сняла его пиджак. Владимир только глянул с полуоборота.

— Быстрая ты девочка.

— Так, ещё год, два, и скорость моя мало кому понадобится.

— Ты неправа.

Прохоров медленно повернулся, теперь стоял совсем близко, и можно было услышать, как бьётся его сердце, а оно не просто билось, оно выскакивало из груди. Он смотрел и наслаждался, как Лера судорожно дышит. Смотрел ровно до тех пор, пока она не накрутила на кулак его галстук и не дёрнула, притягивая к себе.

— Неужели ты меня не хочешь? — Выдохнула прямо в губы, при этом ощущала на своих губах его дыхание, его горячий взгляд, и знала, что ещё секунда, и он улыбнётся. Так, что мороз по коже пробежит.

Ответа она так и не услышала. Вместо него был поцелуй. Горячий, страстный. До этого Прохоров к ней не прикасался, только смотрел, а теперь до боли сжал в своих объятиях. Конечно же, он хотел, и вряд ли пытался это скрыть, просто это была его игра: кто первый, и Лера позволила ему выйти из неё победителем. На деле он оказался очень ловким и проворным, и десяти секунд не прошло, как её под бёдра подхватил, и ягодицы при этом сжал. Сильно. Так, чтобы его желание можно было прочувствовать. Свободную руку под неглиже запустил, почувствовал насколько гладкая под ним кожа и весь задрожал, она это знала. Прижималась к его груди, выгибалась, позволяя себя обнять, ноги на поясице сжимала, чтобы быть ближе. Оторвалась от его губ только на секунду, чтобы указать направление к спальне.

До постели добрались, и теперь уже было неважно, кто и кого захотел первый, оба сгорали от желания, и останавливаться было слишком поздно. У него были сильные руки, надёжные объятия, от него приятно пахло и это, безусловно, был доминантный мужчина, вот только сегодня он себя вряд ли проявит. Лера ловко уложила его на лопатки, не позволяя к себе прикасаться, стянула галстук, неторопливо расстегнула мелкие пуговицы рубашки, провела ладонями по голой и широкой груди.

— Да? — Спросила Лера о неведанном изогнув бровь, при этом манила улыбкой, её грудь красиво поднималась на вздохе. Она была желанной, безусловно.

— Да... — Хрипло отозвался Прохоров, хотя к чему относился этот вопрос, можно было только догадываться.

Лера отстранилась, легла рядом и одним пальчиком, дразня, провела от ямки на шее до низа живота, упёрлась этим пальцем в ремень брюк, немного приподняла его, оттягивая, зазывно улыбнулась и бросила это неблагодарное дело. Сама на спину легла, а Прохоров

догадался, что дальше ему стоит действовать самому. В спешке сбросил остатки одежды, потянул Леру за ноги. Трусики поддались без особых усилий, а вот с остальным он возился долго, а потом, когда Лера нескромно рассмеялась, и вовсе сдался.

— Как снимается эта штука? — Спросил он шёпотом, щекоча губами кожу на шее.

— Никак. Оно только одевается. — Ответила она и снова рассмеялась.

На самом деле, неглиже было с секретом, и редкий мужчина знал, как его снять. Это изначально было в её планах, ну, никак не хотелось обнажаться перед посторонним. Может, звучит это и смешно, но Лера искренне считала, что секс никак не сближает людей. Для кого-то откровение, скрытые желания и фантазии, а для неё просто физиологическая потребность. Раздеться перед чужим человеком было действительно сложнее, чем с ним переспать... странно.

Намёк Прохоров понял и оставил бельё в покое, что вовсе не мешало прочувствовать её тело. Любовником он оказался хоть и страстным, но не очень активным, вроде и действовал решительно и умело, и движения все правильные, но что-то не устраивало, что-то не так... не впечатлил. Жаркие стоны, крепкие объятия, ритмичные и глубокие проникновения. Он целовал грудь (по крайней мере, ту её часть, которая не была скрыта под бельём), шею, губы, массажировал ягодицы, поглаживал бёдра. В какой-то момент, Лера и сама решила получить удовольствие, дала Прохорову, так сказать, карт-бланш, но он и тогда себя не проявил. Не заинтересовал, в общем говоря. Разочаровал. Потом долго не мог отдышаться. Как загнанная лошадь, честное слово, даже раздражать стал, а когда ещё и за поцелуем полез, так и вовсе в лоб получил.

— Иди в душ. — Снова приказным тоном оповестила Лера и аккуратно толкнула его указательным пальцем в грудь.

Со стороны это могло показаться продолжением игры, надо отметить, что Прохоров так и подумал, но на самом деле, он Леру не на шутку расстроил. Она могла себе позволить указать мужчинам на их недостатки, а, точнее говоря, прямо высказать своё мнение. Никогда не относилась к тому типу женщин, которые готовы сказать комплимент, симитировать оргазм, только ради того, чтобы порадовать любимого. Жила по принципу: бей своих, чтобы чужие боялись. Так и получалось: каждый её любовник чётко осознавал своё место и никогда не претендовал на что-то большее.

Из душа Прохоров вернулся жутко довольный и улыбчивый, спасало то, что он уже не был потным, правда, Лера его к себе всё равно не подпустила. Только он на кровать присел, как в его грудь пяткой упёрлась и грозно взглянула.

— Как тебе? — Конечно, он о сексе спрашивал, даже интересно стало, что услышать хотел.

— По десятибалльной шкале? — Прохоров кивнул, при этом нежно поглаживал ножку, которая до сих пор упиралась в его грудь, не позволяя приблизиться, поочерёдно целовал её пальчики. — На двоечку. — Констатировала Лера и даже и не подумала улыбнуться, чтобы сгладить информацию.

— Я исправлюсь.

Прохоров приложил усилие и всё-таки аккуратную стопу со своей груди убрал, поцеловал её пятку и улыбнулся, пытаясь подобраться ближе. Тут же получил удар в то же место, правда, уже другой ногой.

— Я второго шанса не даю. И от тебя устала. Иди домой.

— И почему мне кажется, что ты меня использовала?

Тихо уточнил Прохоров, но с кровати поднялся, сбросил полотенце, и неторопливо осматривал комнату в поисках своей одежды. Не очень торопился, наверно, всё ещё надеялся, что Лера передумает, но куда там! Да и внешний вид его был далёк от идеального: руки и плечи накачанные, бесспорно, но вот пивной животик не удовлетворил, ягодицы и бёдра хоть и упругие, но явно он над ними не работает, о размерах «достоинства»... опять же, не впечатлил. Лера внимательно рассматривала его тело, не скрывала интереса, но когда он остановился, чтобы ей в этом не препятствовать, тут же остановилась.

— Ко всему нужно привыкать, жизнь суровая штука, разве ты об этом не слышал?

— От такой красивой женщины впервые.

— Ой, всё, иди. — Она даже скривилась, когда в ход пошли стандартные штучки из мужского арсенала, вроде поигрывание бровями и губки бантиком. — Побереги мою репутацию, в конце концов, девушка я одинокая, что люди подумают: привела мужика и всю ночь с ним развлекалась...

— Ты хочешь, чтобы я на тебе женился? — Рассмеялся Прохоров, когда уже пиджак натягивал.

— Боже упаси... Я не настолько кровожадная. Живи пока.

Лера махнула на него рукой, а когда тот, наконец, ушёл, устало плюхнулась в гору подушек, которые после бурного секса оказались сгружены в общую кучу. Ну, не так она представляла себе этот вечер, особенно после первого поцелуя. Вот целуется Прохоров хорошо, уверенно, с должным напором, а в остальном, такой же, как и многие мужики: только бы ему было хорошо, а глупые русские женщины полностью их в жизни поддерживают. Вот в Европе не так... правда, там и замужних женщин не так много. Вот и вывод сам собой напрашивается: всё в жизни на женщинах держится, как ни крути! Легла Лера далеко за полночь, всё готовила Прохорову коварный план мести, а как подготовила, так и вырубилась, уснула без задних ног.

Глава 3

Утром на работу специально не спешила: пусть новость и сплетня разлетится по офису, а Прохоров полностью прочувствует свою вину.

В холле вежливо кивнула охраннику — настроение было на высоте, вошла в лифт, нажала на нужную кнопку, затаила дыхание, а когда лифт остановился — выдохнула и широко улыбнулась. В офисе её тоже с улыбкой встретили. Женский коллектив как раз обсуждал эротическое фото начальницы, которое пришло им на электронную почту, даже разбежаться в стороны не успели, как Лера их настигла.

— Красиво получилось! — Отметила она и победно улыбнулась. — А теперь все по рабочим местам.

Смотрели на неё, конечно, ошарашено: во-первых, потому что застала их на месте преступления — вместо работы её обсуждали, а во-вторых, сразу стало понятно, что она ничуть не удивлена и действительно результатом довольна, да и ей можно было только позавидовать.

— Валерия Павловна, вы уже видели? — Испугано смотрела на Леру секретарь поздороваться забыла и монитор к ней повернула.

— Видела, мне очень нравится.

— И что теперь?

— А ничего, ещё не вечер. — Загадочно улыбнулась и направилась к своему кабинету, за ручку взялась, чтобы дверь открыть и обернулась. — А что ещё у нас происходит?

— Да больше ничего. Владимир Сергеевич уже три раза заходил, вас спрашивал, бледный весь. Просил предупредить, как только вы появитесь. Если честно, то я его таким... взволнованным, ещё не видела.

— Хорошо, предупреди. Как придёт, скажи, что мы на совещании.

— Хорошо...

Выражение лица бедной Маши вряд ли можно описать однозначно: тут и растерянность, и удивление, и одновременный восторг: её начальница не женщина, а терминатор в юбке, любую ситуацию в свою пользу перевернёт.

Прохоров влетел в кабинет уже через минуту, был действительно бледный, глаза бешеные, и с ходу принялся оправдываться.

— Лера... я не знаю, как это могло получиться, правда... это не я...

— Успокойся, — благосклонно взглянула она и едва заметно улыбнулась, — присядь, отдышись.

— Лера, если я узнаю, кто это сделал...

Взгляд стремительный, руки, конечно, не трясутся, но и до этого не далеко. Мальчик расстроен, видимо, у него на это утро были другие планы, ах, как не хочется его огорчать. Договорить не сумел, Лера его одним лишь взглядом остановила, посмотрела на его руки, которые уже в кулаки сжимались, ухмыльнулась своим мыслям и тут же вернула всё своё внимание документам.

— Ну конечно... и спорил не ты, и клинья не ты подбивал.

— Лера, ну, какие клинья? — Врать бесполезно, это он уже понял, голову набок склонил, и устало выдохнул, посмотрел бы в глаза, но такой честью его не удостоили. — Да, это было, но фотографии... я не знаю, кто это мог быть, но не я.

— Конечно, не ты. Это я.

Равнодушный тон убивал и Прохоров темнел лицом после каждого слова Леры, она занималась какими-то бумагами, работала, а он здесь только отвлекает её, жужжит что-то, внимания требует. Сердце в горле отзывается, а он бессилен перед её взглядом, перед её равнодушием.

— Лера... ну, перестань, не смотри на меня так. Да, я дурак, я был не прав, признаю, но ты мне нравишься, правда. Я только потом это понял, когда ближе тебя узнал. Хотел признаться во всём, но наверно струсил, ты бы вряд ли простила. Я клянусь, когда найду этого... — Прохоров прямо-таки затрясся от злости, — голову оторву.

— Я же сказала, что это я. Надеюсь, меня ты пощадишь? — Лёгкий смешок отвлек Прохорова от злости, и теперь он смотрел на Леру с неподдельным интересом. Всё ещё казалось, что он не понял её слов.

— Как это ты?

— А вот так!

Ручку она бросила, бумаги отодвинула в сторону, смотрела на него пристально, и как-то безжалостно.

— Или ты думал, что я не узнаю?

— Я ничего не думал...

— И я о том же. И в этом была твоя большая ошибка. Я Машу предупредила и просила передать всем: такие шутки со мной не пройдут — не вчера на свет родилась. Вова, пойми, здесь дело не в тебе и не во мне, просто води себя достойно. Проиграл — смиришься. Если смириться не можешь — отойди в сторону и не мешай.

— Лера, ты замечательная женщина...

— Да, я знаю. Именно поэтому ты решил мне подложить свинью. Но я предлагаю тебе мирное решение проблемы.

— Какое?

— Останемся с тобой друзьями.

— Лера, ты мне нравишься. Знаю, сейчас ты обижена...

— Я не обижена, боюсь, как бы ты не обиделся, когда из моего кабинета выйдешь, но сейчас не об этом. Весь твой романтический настрой я заметила, но напомним: я не та девочка, с которой можно крутить романы — переступлю и не замечу.

Лера встала, обошла вокруг стола, остановилась за спиной Прохорова, положила руки ему на плечи, уткнулась носом в шею.

— У нас с тобой общее дело и оно не должно пострадать. Помни об этом, а сейчас иди.

— Лера, ну, что значит иди?!

Взял её за руки, прильнул к ладоням губами, только в вечной любви поклясться осталось. Кто бы мог подумать, что таким нежным окажется? Всю свою жизнь добивался чего-то, женщины как развлечение, а как только их внимание получал, сразу же терял интерес. Наверно, Лера и была первой, которая буквально въелась в его мозг, которую не отпустишь, всё сделаешь, чтобы удержать, только ей всего этого не надо.

— Всё, Вова. Ты герой не моего романа. И прекрати доставать! Я же сказала, что не даю второго шанса. Ты получил, что хотел, я получила и того меньше. Мы в расчёте.

— Я могу надеяться на то, что ты передумаешь?

Лера не ответила, но посмотрела так, что и без слов стало ясно: здесь ему ловить нечего, резко отвернулась и вернулась в своё кресло, вновь придвинула к себе бумаги и не на шутку увлеклась увиденным. Она понимала, у него это пройдёт. У всех проходит, но пик его любви следует пережить. Надо же! Она себя сейчас виноватой чувствует, и как ему это удалось, не ясно. Взрослый, уверенный в себе мужчина, а ведёт себя как ребёнок, ножкой топает и кулачками сучит. Наверно, она действительно виновата в своей излишней жёсткости, в своей неприступности, но её сделали такой. Уроки жизни передал ей сам мастер по разбитым сердцам, чего уж теперь-то страдать. Она заслужила всё то, что произошло с ней тогда, она заслужила и то, что происходит сейчас. Уже давно не умеет доверять людям, а тем более мужчинам. Не один раз побывала в роли любовницы и хорошо понимала, почему мужчины изменяют своим любимым, своим жёнам, но простить до сих пор так и не получилось. Одна. Сама в этом виновата.

Из кабинета Прохоров вышел сам не свой, даже не сразу заметил, как подозрительно хихикают за его спиной. Не удержалась и его секретарша Лена, прикрылась папкой с какими-то документами. Всё стало ясно, когда свою почту открыл — Лера постаралась на славу. «Смотри, как бы ты не обиделся...», да, она ещё та штучка. Только не понятно, как в ней уживаются два настолько разных человека: милая и обаятельная женщина, искусительница, и одновременно хладнокровная и безжалостная женщина, которая не знает пределов в достижении своей цели. Лера, красавица, внутри которой живёт чудовище. И с чудовищем этим она борется. Борется, в этом сомневаться не приходится, но силы не равны.

Это была фотография, причём его, причём в не самый удобный момент. Если свою фотографию Лера выбрала осмысленно (бывший любовник, фотограф, долго старался, пока не получится удачный кадр), то самого Прохорова не пощадила, а, может, и впрямь обиделась. На фото он голый, разгорячённый, с закрытыми от блаженства глазами, и с

открытым ртом. Вот точно, кадр, так кадр. Мужчина во время оргазма, да... наверно, он это заслужил, только легче вовсе не становится. Она не смеётся над ним, она лишь показывает, как он с ней поступил, когда пошёл на этот спор. Но самое глупое во всей этой ситуации то, что даже после такого откровенного посмешища, он чувствовал себя виноватым. Крышка ноутбука хлопнула и перед Прохоровым появился Сомов, во всей своей красе.

— Ну, что? Скулишь в одиночестве? — Без особого злорадства заметил тот.

— Чего тебе?

— Ну, как? Вроде как я проиграл.

Сомов сел прямо на стол, смотрел в упор, чего хотел? Подробностей? От его самодовольного лица напиться захотелось, чтобы не вспоминать этот день никогда.

— Девочка оказалась непростой, да? Умыла тебя.

— Она тебе не девочка! Понял?

Схватил Сомова за грудки и сцепил зубы покрепче, так хотелось врезать ему пару раз, вот только никто не виноват, в том, что сам идиотом оказался. Кулаки разжал, а Сомов его, ухмыляясь, по плечу похлопал.

— Да ладно тебе убиваться. В конце концов, сразу понятно было, что она не дура. Чему сейчас удивляться. Я вот, что думаю, может, — Сомов хитро прищурился и немного наклонился вперёд, — она подстилка Синицкого?

— С чего бы это?

— Ну, сам подумай. Кристина всем успела рассказать, что «Вэл Стил» станет для неё свадебным подарком, а теперь выясняется, что у компании есть ещё одна симпатичная владелица, которой наш Сашок так легко отписал чуть ли не половину акций. Как ещё это объяснить?

— Он ничего не отписывал, Лера изначально была владелицей акций.

— А ты откуда знаешь?

— Игорь сказал. Кстати, с Игорем она чуть ли не облизывалась при встрече. Не знаю... с Синицким... слишком всё просто. Я бы сказал, что у неё вообще никого нет.

— Так близко знакомы?

— Не то, что бы, просто она чрезмерно независима, чтобы быть просто чьей-то любовницей. Слишком закрыта, сама себе на уме. Знаешь, мы с ней часто обедали в последнее время, так вот, рот у неё буквально не закрывался. Она всё время что-то рассказывала о себе, о делах практически никогда не говорили, а как выяснилось, я о ней ничего так и не знаю. Говорила, что в Италии своё агентство, то ли рекламное, то ли что-то с праздничными поздравлениями связано. Ни о каких мужчинах, ни о каких партнёрах — ничего.

— Так, может, у Райковского поспрашивать? Очень уж она мне интересна. Не люблю, когда в мои дела вмешиваются.

— Тебе-то чего, всё чисто. Да, перерасход средств налицо, но мы-то с тобой понимаем, что искать ей нечего. А насчёт Райковского... молчит он. Я сам уже не один раз эту тему поднимал. Он вроде бы и не скрывает ничего, но и не говорит толком, так, отмахивается. Да, мол, была такая, потом уехала, а теперь снова вернулась.

— Мне, может, и ничего, вот только для тебя она, как я понял, Лера, а для меня так и осталась Валерией Павловной. Это меня прилично напрягает. Она мне не доверяет.

— Она сказала, что больше не имеет к тебе никаких претензий.

— Всё равно. Мне иногда кажется, что девочка приехала сюда с определённой целью,

только вот никак не пойму с какой.

— Она хочет доказать всем, на что способна. — С лёгкостью констатировал Прохоров, он-то уж точно это знал. Слишком явно Лера старалась добиться результата, словно бег на стометровке, когда или ты, или кто-то другой.

— Точно подметил. Только вот кому и что? Нам с тобой точно не нужны её доказательства, вот я и говорю, что Синицкий здесь замешан.

— Думаешь, у них что-то есть?

Прохоров скрипнул зубами и чуть ли не белел от злости и ревности. Такое странное и в то же время необходимое сейчас чувство, когда хочется быть первым, а тебя усердно толкают на последний ряд. Синицкий? Вполне может быть. Только... только он слишком давно и безнадёжно связался с Кристиной. А как Лера отреагировала на упоминание с Крестине? Волновалась, злилась? Да вроде нет. Тогда что? Удивилась? Да, скорее, удивилась, но ни капельки ревности, и глаза не блестели в азарте... нет, всё не так просто, это однозначно. От размышлений оторвал Сомов, который даже присвистнул, смеясь.

— О-о, да ты, парень, влип по полной. Так понравилась? Наверно, тигрица в постели.

— Наверно...

— Не понял, ты что, не спал с ней?

— Даже не знаю, как сказать... кто и с кем спал. Но одно точно: на меня у неё не было никаких серьёзных планов. Как кота паршивого за дверь выставила. — Кулаком по столу ударил и шумно выдохнул, успокаиваясь.

— Запал. — Потянул Сомов.

— Она не так проста, как кажется. Я вот чувствую, что кто-то её очень сильно обидел, поэтому теперь мы видим перед собой эту железную леди.

— И ты решил её утешить и пожалеть? — Не сдержался Сомов и откровенно рассмеялся.

— Едва ли она в этом нуждается. Скорее, её нужно просто вырвать из тех рамок, в которые она себя так удачно загнала. Наверно, ты прав и Синицкий действительно о ней многое знает. Она сказала, что они были хорошими друзьями.

— Друзьями? Как ты себе это представляешь?

— Ну... как? Я так понял, что так же, как и с Райковским. Она очень мило с ним беседовала, улыбалась, ворковала даже, можно сказать. Хотя я уверен, что всё это время они не общались. Не скажу, что им есть что делить.

— Тогда подождём Сашку, что он скажет. Он либо поставит её на место, либо я в этой жизни ничего не понимаю. Сам знаешь, что он выскочек не любит, да и Кристина явно насторожится.

— Вот мне до его Кристины совсем никакого дела нет.

— Понимаю, любовь и все дела. Ладно, не отвлекаю, трудись. Да, и постарайся, чтобы твоих фоток не было, это явно подрывает твой авторитет.

Сомов ещё разок посмеялся, но всё-таки кабинет покинул. Надо работать, только вот никак о работе думать не получается. Лера, Саша, Игорь. Друзья. Может, родители их знакомы, а, может, ещё что-нибудь... Головоломка.

Вскоре началась напряжённая работа, компания готовилась к выпуску плановой коллекции, и этот инцидент практически забыли. Только ежедневные букеты цветов от Прохорова напоминали о памятном событии. Леру они не очень-то напрягали, даже иногда отвлекали: приятно осознавать, что кому-то очень нужна, а в том, что очень, сомневаться не

приходилось. О любви и отношениях он, слава богу, больше не заговаривал, но и оставить одну не спешил. Верный оруженосец, всегда рядом. Предложил свои услуги как водителя, мило, конечно, с его стороны, только вот сплетни о том, что они помирились, по офису ходят, надоедают. В такой суете пролетела неделя и суровая реальность внесла свои коррективы. Началось всё в понедельник.

Уже при выходе из лифта стало ясно: что-то не так. Не галдят секретарши, никто не стоит возле курилки, да и вообще, никого и нигде нет, хотя рабочий день начался. Лера вскоре припомнила, что сама всех просила собраться в зале для показов, чтобы обсудить проблемы новой коллекции, поговорить с дизайнером, но подозрительное чувство тревоги не оставляло. В своей приёмной встретила Машу, и это, кажется, единственный человек, который сегодня решил поработать.

— Маша, здравствуй, а где все?

— Вас ждут.

— Да ты что? За две недели я не припомню такой ответственности. К нам едет ревизор?

— Можно и так сказать.

Мария как-то странно улыбалась, даже не по себе стало, но виду Лера не подала, хотя и насторожилась. Быстро осмотрелась, потопталась на месте, как вдруг опомнилась и приняла невозмутимый вид.

— Не будем заставлять коллектив ждать! — Бодро заявила она и как всегда широко улыбнулась. — Возьми блокнот, будем делать пометки в процессе.

Вот так, в сопровождении своего секретаря, Лера и отправилась навстречу трудовым будням. Как только вошла в зал, так сразу и поняла: никакой рабочей атмосферой здесь и не пахнет. Все дружно стали в круг и что-то задорно обсуждали. Отчётливо был слышен смех, бурное нахваливание чего-то неизвестного, а затем Лера заметила и виновницу нарушения трудовой дисциплины — незнакомую девушку в самом центре, которая активно что-то рассказывала. Со стороны всё казалось абсолютно невинно, чего ещё можно ожидать от женского коллектива, сплетни, обсуждение шмоток, одна перед одной хвастаются. Незнакомая девушка явно пользовалась успехом среди остальных, когда она говорила, все старались умолкнуть. И нельзя сказать, что со стороны это выглядело как уважение, но она явно имела среди присутствующих авторитет. Странно.

— Почему в зале посторонние?

Лера так быстро остановилась, что Маша наступила ей на ногу, правда, та этого и не заметила. Она стояла уже напротив той самой девушки, которая до этого демонстрировала коллективу свои новенькие туфельки, и какие-то непонятные чувства переполняли, сразу чувствовалась необъяснимая агрессия и неприязнь. Девушка встала, тоже с неподдельным интересом принялась рассматривать новое начальство, вот только отвечать не торопилась. Наглость — второе счастье, да и смотрела с вызовом, словно это Лера пришла на праздник без приглашения. И что в этой самой девушке насторожило Леру, она и сама объяснить не могла: миленькая, прилично одетая, вот только взгляд на удивление наглый, с таких сразу хочется сбить спесь. Стояли друг напротив друга, ни одна уступать не собиралась, даже интересно было, кто эта девушка, и что она здесь делает.

— Это не посторонние, это наш креативный директор Кристина Николаевна Волкова. — Спихватилась Маша, когда напряжение повисло в воздухе, правда, Лера так на неё потом посмотрела, словно удивлена увидеть за своим плечом.

— А у нас и такой директор есть? — Продолжала она смотреть на Машу, но уже через

секунду вернулась к виновнице торжества. — А вы, собственно, креативный директор Кристина Николаевна, где находились последние две недели?

— Кристина Николаевна находилась в деловой командировке в Европе. — Суежилась всё та же Маша, чем начинала вызывать у Леры раздражение.

— А что, Кристина Николаевна разговаривать не умеет? Или, может, она не знает, где была?

Реплику госпожа Волкова приняла с достоинством, блеснула своими очаровательными коровьими глазками, Лера всегда имела некое отвращение к таким вот особам, с нежным взглядом, только вот что за ним пряталось, она знала не понаслышке. Хищница с невинным видом — самая опасная соперница.

— Ну, почему же, знаю, просто я не понимаю вашего тона.

Так и есть. Наглая, самодовольная, с завышенным самомнением, только вот с чего это она такая деловая сейчас перед своим начальником рисуется, непонятно. И взгляд не отводит, чем Леру просто бесить начинает. Девочка явно заигралась, только свою явную неприязнь скрывает, умело, надо отметить, а то, что неприязнь явная, Лера чувствует на расстоянии.

— Так, все разошлись по рабочим местам.

В зале заметно народу поубавилось, Кристина при этом стояла на прежнем месте, а Лера так и вовсе руки на груди скрестила, спину до боли напрягла. Могла бы ещё и прищуриться для пущей убедительности, но не стала, причина всё та же: новые морщинки это просто непозволительная роскошь. Ещё разок окинула девушку взглядом, усмехнулась сама себе и широко улыбнулась.

— А вы, Кристина Николаевна, работать сегодня не собираетесь?

— Я и так работаю.

— И что нового вы здесь хотите продемонстрировать? Может, скреативите нам что-то вроде ваших новеньких туфелек из позапрошлогодней коллекции, двадцать восемь евро на распродаже в фирменном магазине?

— Что?

— Идите и работайте! Через сорок минут я жду вас в своём кабинете с отчётом о поездке. Если, конечно, вы работали, а не по магазинам бегали.

Победа с безоговорочной капитуляцией. Таких и надо бить только по больному, а главное у них — это внешность, которой девушка так умело козыряет. Не на ту напала. Что же, надо сказать, что Кристина всё-таки развернулась, чтобы уйти, но какой-то бес внутри заставил её обернуться.

— Вы слишком много на себя берёте, Валерия Павловна.

Тявкнула из-под лавки, и тут же продолжила отступление.

— Стой. — Лера понимала, что девушка явно нарывается, но и себя остановить не могла. Подошла к ней, не поленилась, посмотрела в её наглые глаза, но к своему удивлению ни капли сожаления о сказанном не увидела. — Ты здесь кто?

— Креативный директор. — Резко и излишне напыщенно ответила Кристина.

— А кто здесь я?

— А вы исполнительный директор.

— Так вот и запомни это, и води себя скромнее, иначе быстро укажу тебе на выход. Кстати, он находится там же, где и вход.

Кристина не уходила, даже одну бровь приподняла, ожидая развязки.

— Тебя не было здесь две недели, а этого отсутствия никто не заметил — задумайся. И ещё запомни: теперь всегда последнее слово здесь будет за мной! Свободна.

Вот так. Лера сама развернулась и ушла, уже и забыла о неприятном инциденте, услышала, правда, как с силой хлопнула входная дверь, но этому только улыбнулась, а вот Маша реально настроение подпортила.

— Зря вы так с ней. — Шёпотом проговорила она и по сторонам осмотрелась, словно их подслушивает кто.

— С чего это? Такая обидчивая, будет слезами умываться? Или будет мстить?

Лера не сдержала смехок, было удивительно смотреть, как Маша старается скрыть эту беседу, хотя вроде от кого скрывать-то? Она начальник, высокомерная девушка — её подчинённая, что не понятно?

— Это невеста Александра Дмитриевича. — Всё тем же заговорщицким шёпотом продолжала секретарь, но теперь ещё разок по сторонам оглянулась, на всякий случай.

— Синицкого?

Маша уверенно кивнула, соглашаясь, а Лера разве что рот от новости не открыла. Она и забыла совсем, Прохоров ведь говорил про Кристину, только не уточнил кто она, или он говорил, но она его уже не слушала. Да, кто бы мог подумать... Обернулась в сторону входной двери, словно всё ещё пыталась рассмотреть эту невесту. Быстро прикинула, что к чему, отметила, что такое положение вполне оправдывает её поведение, а потом и вовсе улыбнулась своей удаче: всё оказалось куда проще.

— Интересно... — Выдала она, скорее, сама себе, но на Машу глянула и улыбнулась. — А я-то думала, что я уже не я. Отлично, работаем.

От новости сразу и настроение поднялось, захотелось продуктивно поработать. Претензии были, причём их было много, начиная от музыки, под которую модели ходили по подиуму как сонные мухи и заканчивая вопросами к самой коллекции. Смотрела на девочек и удивлялась, как вся эта каша-малаша могла получиться. Ну, допустим, с музыкой справиться просто: на телефоне есть много подходящих вариантов, одним из них Лера как раз и воспользовалась, но вот от всего остального просто голова шла кругом.

— Кто подбирал моделей?

— Кристина. — Послышалось из зала.

— Я даже не удивлена, жаль, что отпустила. Так, девочки-брюнетки, вам сразу отказ. Тона коллекции тёплые, солнечные вы или перекрашиваетесь, или покидаете нас. Я бы выбрала второе, потому что чёрный вам однозначно идёт. Думайте до конца прогона. Так, девочка под номером семнадцать, шаг вперёд.

Лера долго смотрела, прикидывала, была не на шутку заинтересована в результате, то и дело потирала подбородок.

— Очень холодный блонд волос. Платье сидит идеально, но цвет никуда не годится. Где наш стилист? — Лера осмотрелась по сторонам, пока не подошла женщина, лицо казалось знакомым, но по имени она её так и не вспомнила. — Что думаете?

— Можно перекрасить. — Как-то безразлично отозвалась та и пожала плечами.

Леру это возмутило, она взглянула исподлобья, но промолчала, снова задумалась и пристально рассматривала девушку. Сама была моделью, знает, что к чему. Девушка ей однозначно нравилась, и держится та неплохо, и платье это именно на ней смотрится, на другой не будет иметь вид.

— Волосы портить жалко, красивые, — вздохнула она и втянула в себя воздух сквозь

сжатые зубы, словно сама с собой сейчас боролась, — а если так: плетение с широкими лентами или бантами нужных оттенков... а на руки тоже широкие браслеты, но в тон волос. Кажется, будет интересно.

Стилист согласно кивала и немного оживилась (поздно: Лера уже думала о том, кого взять на эту должность).

— Дальше, где Герман?

При упоминании о дизайнере Лера не поскупилась на гримасу, а когда его увидела так и вовсе глаза закрыть захотелось.

— Герман, а у нас что, коллекция называется лучшие модели прошлых сезонов? Ни одного оригинального платья. Ни одного! А вот эти: седьмой и пятый номер, так они, года два назад были, только в фисташковом цвете. Кстати, фисташковый был лучше. Их обязательно заменить.

Картина в целом была нелицеприятной, и, как говорить, из, сами знаете чего, пулю не слепишь, значит, надо работать!

— Маша, сделай пометки: музыка, стилист, три платья и две девушки-модели. Ты, Герман, платья где хочешь бери, но это заменить. — Напоследок окинула взглядом коллекцию, хорошего увидела мало. — Все свободны, спасибо.

Сама из зала выходить не спешила, смешанные чувства наполняли её. Всё ещё помнила, как впервые сюда вошла, с какими глазами смотрела, как принимала первые решения, робкие, неуверенные шаги в бизнесе. Всё казалось интересным и до безумия сложным. Помнила первый показ, после которого о «Вэл Стил» заговорили, она тогда и сама участвовала в качестве модели, бюджет был смехотворный, каждую булавку считали, переодевались за секунды, потому что на всю коллекцию выделили только четырёх моделей. Но тогда это было счастьем, потому что своё. Потому что душу вкладывали, себя отдавали, и радовались успеху как школьницы. Хотя, они и были школьницами. Она, её подруга Аня, их дизайнер Анжела, которая сейчас трудится в модном доме известного американского бренда. Сама Лера тогда первой сбежала и подвела всех. Ни о ком не думала. Даже удивительно, что дело выдержало такой её шаг. А тогда Лера считала, что всё здесь держится только на ней. Ан нет, и для неё замену нашли, и для их дизайнера. А сейчас и вовсе полный штат сотрудников. За полтора года работы Лера и мечтать не могла о финансовом директоре, о креативном директоре, о толпе помощников, стилистов, визажистов. Всё сами делали, своими руками, поэтому и получалось по-настоящему, а не так, как сейчас. Ностальгия отпустила, но остался горький осадок.

Уже в своём кабинете Лера вновь встретила соперницу. Что ж, девушка явно не промах, внешность вполне подходящая, правда, Лере и в росте уступает и в идеальности пропорций, но мордашка смазливая. Грудь так себе, но натуральная, за Синицкого можно искренне порадоваться, одевается со вкусом... и явно не дура. Только вот совсем не понятно: как она со всеми своими достоинствами так отвратительно работает. Нет, многое можно понять, около двадцати процентов сотрудников попусту просиживают штаны, но она ведь откровенно всё портит, но при этом умудряется всем вокруг нравиться и улыбаться. Девушка умеет втереться в доверие. То, что её здесь любят и уважают — однозначно. Хватило одного только взгляда, чтобы понять: люди за неё горой. Таких особ Лера очень уж не уважала: хотят всем угодить, чистенькими остаться, но при этом думают только о себе. Не понимала, как этого остальные не замечают, ведь такие люди как эта Кристина всего лишь играют свою роль, с каждым соглашаются, каждому уступают. Да,

возможно, благодаря этому их все и любят, но в этой погоне за всеобщим уважением, теряешь себя. Иногда очень хотелось научиться таким фокусам, но прямолинейность и нежелание видеть рядом с собой неприятных людей, всегда брали верх. Вот и сейчас, Кристину она оценила, сделала для себя понятные выводы: интуиция не подвела, не зря внутри всё бушевало при встрече, но вот то, что так же враждебно настроена и сама Волкова, пугало карты. Разговаривать она с ней не стала, настроения не было, да и обдумать нужно было кое-что, забрала папку с отчётами и отправила восвояси. Осталась одна, снова совсем одна.

— Неужели ты ей что-то рассказал?..

В кабинете было тихо, и свой голос показался чужим. Вряд ли можно предположить, что Синицкий пустил любовницу в своё прошлое, но откуда тогда эта агрессия?.. Вызвала Машу, чтобы как-то прояснить.

— Да, Валерия Павловна. — Мило защебетала секретарша и по привычке села к столу.

— Маша, вот, скажи мне, госпожа Волкова, она всегда такая буйная или я заслужила её особенного расположения?

— Даже не знаю, что и сказать... — Виновато улыбнулась секретарь и ведь сразу понятно: она что-то знает, но при этом молчит.

— Говори как есть. Понимаю, она любовница Синицкого, многое может себе позволить, но ведь есть пределы.

Лера почему-то занервничала, так и ждала подвоха, пальцы рук сцепила и внимательно всматривалась в лицо собеседницы, чтобы точно уж ничего не упустить. А вот Маша вдруг выпрямилась, как струна, глаза вытаращила и на неё уставилась. Девушка, казалось, ей крайне удивлена.

— А она не любовница, она невеста. — Заявила вдруг та и примолкла, глядя на начальницу.

— И давно?

— Ну, как, неофициально уже около четырёх лет, а официально они объявили о помолвке, или как там это называется, три месяца назад. Тогда столько шумихи ещё было, пресса, банкет, в самых разных журналах они красовались.

— Так значит... ну, а я ей чем не угодила?

Чем могла не угодить, Лера знала наверняка, только вот сама Кристина об этом вряд ли догадывалась, поэтому такой нюанс стоило уточнить. Маша странно замаялась, опять же виновато улыбнулась, вроде всем известную истину открыть собиралась, и оставалось только надеяться на то, что гонца, который принёс плохую вест, не казнят.

— Всё это только на уровне слухов, но я слышала, что Александр Дмитриевич обещал ей нашу компанию в качестве свадебного подарка.

— Что?!

Вот тут Лере стало реально нехорошо. Она с места своего поднялась, и в эмоциях не поспешила, голову от возмущения назад запрокинула и тяжело выдохнула. В горле запершило, в груди неприятно кольнуло, всё тело охватил непонятный жар. Перед глазами пелена.

Она ходила по своему кабинету взад-вперёд, чувствовала себя как загнанный зверь. Это удар под дых, это землетрясение и цунами вместе взятые. Её компанию, её детище своей шлюхе? Вот так он, значит, решил ей отомстить? Отплатить за разрушенную жизнь. Гад, мерзавец, ублюдок, ненавижу... но вскоре Лера с эмоциями справилась, пелена с глаз спала

и теперь она могла говорить.

— А я вижу, ты не очень-то Кристину Николаевну любишь?

— А за что её любить? Я вообще не понимаю, как она на такую должность попала. А как Александра Дмитриевича окрутила, так это вообще не ясно, вроде и мужик с головой, а всё туда же. Вот, скажите мне, Валерия Павловна, почему именно такие крысы хорошо в жизни устраиваются?

— Сама себя всё время об этом спрашиваю. Ладно, иди, а я пока обдумую...

— А что тут думать, Александр Дмитриевич скоро приедет, он тогда за всех и подумает. Она ведь не просто так на вас рычит, его защиту искать будет, а когда вы на неё сорвётесь...

— Всё будет хорошо.

Мария уже собиралась выходить, даже дверь открыла, как вдруг оглянувшись и с абсолютно серьёзным лицом добавила:

— А я рада, что вы руководите. И дело не в том, как все говорят, вроде как вместе с Прохоровым в этот кабинет пришла бы и его секретарша работать. Просто вы знаете, что делаете, любите своё дело.

— Иди, подлиза. — Махнула на неё Лера рукой, улыбнулась, хотя сил на это оставалось очень мало, но слышать это было приятно.

Все приятные мысли отодвинула последняя новость: Синицкий хочет своей любовнице, а никак иначе Кристину Лера называть не собиралась, подарить её детище, «Вэл Стил». Свинья, сволочь, предатель! Приличных слов для него подобрать теперь нельзя! А вот соперницу Лера недооценила, действительно, крыса! Тут же позвонила подруге, паника поселилась глубоко внутри, номер набирала уже трясущимися руками.

— Ань привет, свободна?

— Для тебя да, но у меня только пять минут. — Подруга как всегда улыбалась, за это Лера её и любила — та умела поднять даже безнадежно упавшее настроение.

— Так, говорю по делу: Синицкий своей шлюхе в качестве свадебного подарка пообещал «Вэл Стил», что мне делать?

— Лер, ну, я же не юрист. А разве он может подарить ей то, что ему не принадлежит?

— Не может, но его адвокат предлагал мне отказаться от претензий на компанию. Компенсацию обещал, золотые горы сулил, но я и подумать не могла, зачем ему всё это понадобилось. Я просто не выдержу, выцарапаю ему глаза.

— Лера, я говорила тебе, что ехать в Россию глупая затея. На своей территории этот *удак, может всё, а ты только нервы себе будешь портить. Возвращайся, Марио о тебе каждый день спрашивает, скучает. А Синицкий без твоего согласия всё равно ничего не сможет сделать. На коленях приползёт, прощения просить будет, а ты тогда и отыграешься.

— Не нужны мне его колени! — Всхлипнула Лера и тут же замолкла, не ожидала от себя такой реакции.

— Лер, Лера, ты что там, плачешь? А ну-ка перестань, иначе я сама приеду и разгоню весь этот цирк! Давай, красавица, я не хочу, чтобы ты вернулась оттуда как в прошлый раз, с разбитым сердцем. Ты только не думай об этом. Действуй по плану. Когда он там приезжает?

— Не знаю, через неделю возможно. — Лера уже слышала, как в трубке появились посторонние звуки, только сейчас вспомнила, что у Ани сегодня показ в Париже, тут же опомнилась и вернулась в свою роль.

— Вот и отлично, как приедет, ты его тут же умоешь!

— Спасибо, удачи тебе.

— Пока, пока.

Аня просто чудо, а не подруга, и не сказала ничего особенного, а боевой дух подняла, настрой вернулся, да и сама Лера понимала, что она здесь главная, просто хотелось, кому-то пожаловаться, чтобы почувствовать поддержку.

Следующая неделя прошла тяжело, на грани войны, можно сказать. Всё, абсолютно всё, чем занималась Кристина Волкова, было обречено на провал. Даже самое простое задание выполнялось из рук вон плохо, а самое страшное, что всё это было сделано не специально. Иногда Лера просто уставала от этих выходов и уже сама бы рада Волкову не трогать, но как же! Та так усердно старалась, что обойти её стороной казалось просто нереально. Так и получалось: ни дня без спора, ссоры, хотя всё чаще появлялось вполне искреннее желание оттащить её за волосы, сучку такую. Так могло продолжаться бесконечно, но, как и говорила Маша, придет Александр Дмитриевич и за всех подумает, именно его Кристина так самоотверженно ждала, радовала только мысль, что все её ожидания напрасны.

Глава 4

В этот день Лера превзошла саму себя: намерено отказалась от привычных облегающих платьев, от вызывающего цвета, от яркого макияжа. Откровенная сексуальность ни к чему, нужно было обаять и добить, быть не стервой, а милой девочкой, слабой и ранимой, которую хочется защитить. Сегодня она остановилась на платье молочного оттенка, в стиле шестидесятых, с широкополой юбкой, в него так же было добавлено красивейшее кружево ручной работы. К платью идеально подходили туфельки на шпильке, длинные перчатки до локтя, но, всё-таки не на вечеринку идёшь — на работу, поэтому от перчаток пришлось отказаться. Волосы собраны в строгую причёску в стиле Одри. Короче говоря, образ — закачаешься. Даже охранник не сразу признал, пришлось останавливаться, чтобы отдельно с ним поздороваться. Это только уверенности предало. Как только из лифта вышла, так и поняла: он здесь. В груди почувствовала неприятное жжение, сердце стало биться быстрее. Он был таким знакомым: и коротко стриженный затылок, и приятный баритон, даже запах его одеколона за десять лет не изменился — всё это навевало неприятные воспоминания, которые переплетались с самыми сказочными моментами в жизни.

Синицкий стоял к лифту спиной, и видеть её не мог, за его широкими плечами виднелась Кристина, она задорно смеялась, поправляла его галстук, прикасалась к его груди, к рукам, ревность взыграла... короче говоря, рисовалась перед окружающими, (не зря ведь на виду стоят, а не в отельном кабинете!). Можно было бы сразу подойти к ним, но много чести! Направилась к стойке ресепшена забрать почту, расписаться в ведомостях. В принципе, с этого всегда начинался её рабочий день, но сегодня делать это было особенно приятно. Секретарь вежливо и достаточно громко поздоровалась, теперь о её присутствии все знают. Только когда почувствовала на себе чужой взгляд, который буквально ощупывал, начиная от ног и заканчивая причёской, сама себе улыбнулась и так же, не поворачиваясь, уточнила:

— Вы ко мне, Александр Дмитрич?

Ответа не удостоилась, чем он, скорее, насмешил.

— Опаздываете, — нараспев проговорила, демонстрируя своё хорошее настроение, — я вас ещё вчера ждала.

Ну, вот, теперь и повернуться можно, чтобы убедиться в правильности своих действий. Знала, что сейчас увидит, и как Кристина его за руку держит, думая, что успокаивает, не даёт сорваться, и как она ждёт, что Лера спасует перед грозным заступником чести и достоинства дамы.

Синицкий стоял к ней в пол-оборота, идеально выбрит, взгляд жёсткий, решительный, но он быстро сменился и стал спокойнее, губы из тонкой линии немного растянулись и стали менее напряжёнными, это, конечно, не улыбка, но тоже приятно. Прямая напряжённая спина выдавала его. Синицкий повёл плечами, шеей, которая, видимо, затекла, всё-таки, сорок лет не за горами, зачем так перенапрягаться...

— Доброе утро. — Проговорила она слишком уж любезно, можно даже сказать, что мило, и улыбнулась так широко, как только могла, но слова свои адресовала исключительно Синицкому. Для Кристины отдельно кивнула головой в знак приветствия и моргнула,

демонстрируя свободу, независимость и полный контроль над ситуацией.

Синицкий так же кивнул в ответ. Надо же, даже говорить отказался, эффект произведён! Кристину что ли боится? Или не хочет её расстраивать и говорить комплименты сопернице? Как ни крути, а на комплименты он никогда не скупился, бабник.

— Прошу. — Лера сделала хозяйственный жест рукой в сторону своего кабинета, но сразу же пошла вперёд сама.

В дверях приёмной остановилась, Синицкого вперёд пропустила, а вот перед Кристиной, раскланиваясь не собиралась: рукой в дверной косяк упёрлась, перегораживая путь.

— А ваш кабинет, Кристина Николаевна, дальше по коридору.

Проговорила всё это слишком вызывающе, даже удивительно, как та сдержаться смогла — взглядом Синицкого нашла, его поддержки требуя, но он промолчал. Лера даже не смотрела на него, сверлила взглядом соперницу, но знала его реакцию наверняка. Кристина стояла слишком близко, так, что её сердцебиение ощутить можно было. И она злилась. Была просто в бешенстве. Губы в тонкой линии, глаза сверкают, ноздри некрасиво раздуваются, а из ушей вот-вот пар повалит, прям Змей-Горыныч, а не девица-красавица. Всё шло по плану, пусть знает своё место. Бедная девушка была уверена, что «жених», тут же откроет свой рот и взглядом, и криком прибьёт нахалку к плинтусу и не позволит оттуда высовываться. Но он молчал...

Маше Лера вежливо улыбнулась, кивнула и предупредила, чтобы та никого не впускала, у них с Александром Дмитриевичем, важное совещание. Маша только кулачки зажала, желая удачи.

Дверь кабинета за собой закрыла и посмотрела на Синицкого: он сидел на диване, интересно, почему за стол не присел, ведь совещание! Хотя, так даже лучше, комфортнее, что ли... Так сказать, беседа в дружеской обстановке. Он по-прежнему молчал, правда, взгляд стал более серьёзным, действительно, что ли разговаривать хочет, или, может боится, что набросится на него?.. Он чего-то от Леры ждал, а она и не растерялась. Небрежно швырнула на стол свой аккуратный клатчик в тон платья, повела плечом, а когда снова посмотрела на него — рассмеялась. Стала посреди кабинета и закружилась, демонстрируя наряд: пышная юбка взлетела высоко, позволяя рассмотреть кружево чулок. Девчонка, не иначе, как тут не улыбнуться? Остановилась, внимательно посмотрела в его глаза и страстным шёпотом спросила:

— Нравится?

Вопроса этого он, кажется, не ожидал. Не то, чтобы засмотрелся, просто растерялся и всё. Стало интересно, как он себе представлял эту встречу, но то, что как-то не так — это точно. Вся его серьёзность на мгновение из взгляда улетучилась, и он немного расслабился, правда, так и не улыбнулся. Побелел, его красивые голубые глаза потемнели и чуть ли не стрелы метали.

— Как всегда... — Ответил весьма расплывчато, а Лера недовольно приподняла одну бровь, заставляя выразить эмоции точнее, а он тут же покорно подчинился, — безупречна.

— Так и знала, что не оценишь. — Обиженно проговорила она и отвернулась. Играла, а он это знал, но всё равно поддался. Тут же оправдываться принялся.

— Я же сказал, что красиво. — В некотором раздражении повторил Синицкий и опустил взгляд в пол... «что, не хватает смелости в глаза посмотреть, предатель?» так и вертелось у Леры на языке, но она смогла промолчать, презрительный взгляд снова сменила

на игривый..

— Знаю, что красиво, но я спрашивала, понравилось ли тебе.

— Понравилось. — Он тяжело выдохнул и замер в ожидании продолжения.

Лера вернулась к рабочему столу, и села прямо на него, демонстрируя красивые ноги, закинула одну на другую, и немного вперёд наклонилась, чтобы быть ближе.

— Врёшь! Когда нравится, ты говоришь: «Я тебя хочу».

Намерено провоцировала, ведь знала, что этим его только нервирует, но удержаться не смогла, пришлось от плана отказаться и импровизировать, но, надо отметить, импровизация удалась. Синицкий снова напрягся, прищурился и нервно запыхтел. Он злился и теперь этого не скрывал. Хотя... нет, он её хотел, Лера уже чувствовала запах напряжения, исходящий от него. Он всегда её хотел. С первой встречи, с первого взгляда, и с тех пор ничего не изменилось. Только теперь он стал слишком чужим, не сразу дрессуре поддаётся, сопротивляется.

— Зачем звала?

— А ты пришёл на мой зов или, может, любовница пожаловалась?

— Лера! — Он неприятно скрипнул зубами и сильно сжал челюсти, но, правда, старался держать себя в руках.

— Молчу, молчу, — ехидно улыбнулась она и приложила пальцы к губам, — звала по делу.

— Кофе не предложишь?

— А я похожа на официантку?

— Понятно.

Ядовито процедил он и резко встал, направляясь к столу. Лера даже не двигалась. Не думала, конечно, что он бросится с жаркими объятиями или с кулаками, но отчего-то зажалась. Он стал рядом, так, что пиджаком касался голого плечика, внизу живота приятно потянуло, захотелось улыбнуться своим первобытным желаниям... Хорошо, что он сейчас её не видит. Немного отклонилась назад, чтобы видеть его лицо, и наиграно облизнула пересохшие губы. Не соблазняла, да и слишком вульгарно это смотрелось. Просто заставляла нервничать, желая выбить из колеи, а он и ведётся... слабый мужской пол. Снял трубку, но потом резко к Лере повернулся и на мгновение засмотрелся, так показалось. Даже дышать перестал, но усилием воли взгляд отвёл, разозлился.

— Как секретаршу зовут? — Сухо, без эмоций уточнил, проговорил это прямо над её ухом, а она так и не повернулась.

— Маша.

— Мария, один кофе, пожалуйста. Без сахара и сливок. — Быстро проговорил он и повесил трубку.

А ведь мог за дверь выйти, попросить то же самое. Вот и думай сейчас, что это: привычки большого босса, или он действительно хотел оказаться ближе. Ясно одно — его такая близость совсем не смущала. Молчали, пока кофе не принесли, только когда Синицкий немного отпил, можно было продолжить.

— Ну, говори, что там у тебя.

— Меня не устраивает наш модельер, я хотела бы его заменить.

Синицкий возмущённо хмыкнул и в раздражении стал по сторонам смотреть.

— Ну, неужели для этого нудно было дёргать меня? Завтра совет директоров, мы всё это обсудим. — Был явно недоволен, предпочёл бы держаться от Леры на расстоянии, но она не

давала, всё ведь понимает лучше его самого.

— Извини, конечно, но ты иногда туго соображаешь, и в оговорённые два часа мы можем и не уложиться, а мне нужна твоя поддержка.

— Допустим. — Вяло согласился, склонив голову набок. — Но что значит заменить? Игорь сказал, что ты добила́сь показа. Когда он там?

— Через шесть месяцев.

— Вот, через шесть месяцев. И на кого ты собираешься его заменить? У тебя есть достойные кандидаты?

— Нет, я бы хотела открыть новое имя.

— Лера, а ты не считаешь, что это слишком рискованно? У нас всего полгода, а ты говоришь о ком-то новом, неизвестном. Даже я, будучи очень далёким от всей этой модной суеты, понимаю, что люди идут на имя.

— Люди идут на бренд!

Вспыхнула Лера и с места подскочила, именно такой реакции она и ждала.

— И наш бренд сделает имя любому, даже начинающему модельеру!

Взорвалась. Всегда такой была рядом с ним, хотелось его переубедить переспорить, вечная борьба, в которой нужно выйти победителем. Только раньше он умел ловко заткнуть её за пояс, а она, как неопытная девчонка шла у него на поводу, а теперь она не девочка, она взрослая самодостаточная женщина, которая знает, что и как говорит, которая знает цену себе и своим идеям.

— Даже не знаю.

Синицкий неодобрительно покачал головой, задумался, конечно, но пока эту идею явно не поддерживал.

— Нет, ну а что мы теряем? Этот ваш Герман, откуда вы его только взяли, всё равно ничего нового выдать не может уже несколько лет. Только и занимается тем, как замаскировать старые модели под новые: то цвет изменит, то бретельку с правого плеча на левое перебросит. Это несерьёзно, Саша.

Вот так, одно простое «Саша» и она потекла, растаяла сама же от своих слов. Нет, не такого она хотела добиться, думала, что ненавидит, что не может простить, а сейчас он так близко и на душе сразу становится теплее. Нужно держать дистанцию, чтобы не сорваться, никакого обращения по имени, только фамилия или официально, по имени и отчеству, чёрт, чёрт, чёрт!

Синицкий смотрел с недоверием, он, конечно, не очень переживал за «Вэл Стил», Лере даже показалось, что сейчас думает над тем, как такой шаг своей Кристиночке объяснит, даже не заметил её терзаний, твердолобый мужлан!

— Хорошо, я подумаю. — Наконец, благосклонно выдал он, и Лере показалось, что его лицо стало чуточку добрее.

— Подумай.

Лера уставилась в пол, чувствовала, как Синицкий хочет её взгляд поймать, но глаза не поднимала, и он сдался первым.

— Что-нибудь ещё? — Спросил он мягче, с какой-то надеждой в голосе, хотя нет, про надежду это слишком, не такой он человек. Возможно, хотел задобрить, угодить, чтобы в конечном результате своей цели добиться. Бизнесмен хренов, всё просчитывает, даже её женскую натуру не упустил.

— Да.

— Мне из тебя всё клещами вытаскивать, Лера? Время!

— Мне нужен личный автомобиль с водителем.

Синицкий странно хмыкнул и тут же растерял всю свою серьёзность.

— Ты машину себе купить не можешь?

— Я водителя найти не могу! — Крикнула Лера и Синицкий тут же примолк. — Я хочу ехать домой и не думать, кто сидит рядом и что он от меня хочет.

— А как ты до этого ездила?

Теперь он был абсолютно серьёзен, её отчаянный крик добрался в тёмные уголки его сердца и вызвал правильную реакцию защитника. Как бы там ни было, но он всегда был за безопасность.

— На такси. — Тихо, виновато выдавила из себя Лера.

Немного слукавила, конечно, последние две недели её Прохоров возил и на все деловые встречи, и домой, если бы ещё не смотрел при этом такими щенячьими глазами, цены бы ему не было! Но Синицкому об этом знать не обязательно, пусть понимает, что он сам должен был об этом позаботиться.

— С ума сошла! А Игоря попросить не могла?!

— Не кричи!

Синицкий с места встал, но никаких резких движений не делал, не приближался, просто ему так думать было проще.

— Хорошо, во сколько ты заканчиваешь, я пришлю машину?

— Мне лучше к обеду, но если не сможешь, то к шести вечера. В крайнем случае, к семи.

— Будет к обеду.

Он крутился, видимо, уйти собирался, но оказалось, что удобный момент подбирает. Опять этот заискивающий взгляд. Лера присела на диван, чтобы не стоять на пути, а он нервно губы облизал и уставился на неё.

— Что у тебя с Кристиной? — Спросил он, Лера взглянула, а в глазах смех.

— Ты ничего не путаешь, Синицкий? — Тут же развеселилась и уже не скрывала улыбки. — Что у ТЕБЯ с Кристиной?

Тон её был более чем вызывающий, даже вдруг обидно стало, что он посмел такой вопрос задать, негодяй. Сколько ещё раз за сегодня он собирается её спровоцировать, а? Видела, как Синицкий напрягся, и всё его благодушие испарилось, решила не нападать, а чётко и ясно обрисовать ситуацию.

— Ты сам всегда говорил, что если человека нет на работе больше трёх дней, и его отсутствия не заметили, то он бесполезен. Так вот, Волковой не было две недели и работает она до сих пор только потому, что твоя протее. Хотя я всерьёз задумываюсь над её увольнением.

— Уймись! — Прикрикнул Синицкий и упёр руки в бока.

— У меня всё.

Резко проговорила Лера и сверкнула глазами, тут же к своему столу подошла, и начала перебирать почту, о которой до этого момента как-то позабыла. Остановилась, только когда поняла, что Синицкий не уходит, а продолжает стоять в дверях. Обернулась и поймала его взгляд. Он смотрел совсем как раньше: с интересом, с заботой, явно увлёкся, поэтому, когда взглядом с Лерой столкнулся, немного опешил. Что на него нашло не понятно, тоже мучился, так ему и надо! Они стояли и смотрели друг на друга, пока Лера в себя не пришла.

— Что-то ещё?

Синицкий головой покачал и тут же ушёл, этот вопрос охладил его пыл, так ему и надо, бабнику. А вот Лере пора было неотложку вызывать: колени затряслись, в глазах потемнело, если бы на стол не опиралась — точно бы рухнула.

Этот его последний взгляд всё испортил! Она всё просчитала, она опережала его на несколько ходов, а теперь все обиды всплыли, всё недосказанное ударило в голову. Она без сил присела на кресло, не могла отдышаться, мысленно перебирала все его взгляды, пыталась вспомнить интонацию, слова, и всё казалось нереальным. Десять лет не виделись, а кажется, только вчера разошлись в разные стороны. И ничего время не лечит... Оно только даёт отсрочку, чтобы вернуться и вступить в вечный бой с новыми силами. А силы эти он одним своим взглядом забрал.

— Валерия Павловна, вам нехорошо?

От волнительных мыслей отвлекла Маша.

— Всё в порядке. Что-то случилось? — Лера сразу оживилась, расклеиваться сейчас было как-то некстати.

— Вам из банка звонят, вы ответите?

— А почему нет?

— Ну, не знаю, Александр Дмитриевич какой-то недовольный вышел.

— Перестань, — отмахнулась — он становится ручным рядом со мной.

— Да уж... я вас соединяю?

— Соединяй! — Решительно кивнула Лера и улыбнулась всем, кто сомневался в её силах.

Глава 5

Нет, Синицкий был не просто недоволен, ему бежать хотелось. Чтобы быть дальше, на безопасном расстоянии. Сам не понимал, как сумел вырваться из её цепких взглядов, уйти из-под её влияния, не слышать её слов и не видеть лица. Давно такого не было. Пронёсся через весь офис, не останавливаясь, никого вокруг не видел, да и не хотел видеть, ему надо побыть одному. Когда вошёл в лифт, заметил, как следом идёт Кристина, но с ней сейчас хотелось говорить меньше всего на свете, головой лишь качнул, советуя не приближаться. Дверь лифта закрылась и теперь хоть падай, хорошо, что пандус под рукой.

В зеркало на себя уставился и замер. А чего ты, собственно ждал? Увидеть всё ту же беспомощную девочку в слезах? Поставить её на место и быстро обрисовать все перспективы взаимного сотрудничества, так? Нет, она уже не та. Кристина каждый день звонила и жаловалась, как Лера её изводит, какая она стерва, какая надменная и бесцеремонная. Поверил ли ты ей? Да, возможно, только вот забыла она сообщить, что Валерия Павловна, ещё и умопомрачительно красива, соблазнительна и, чёрт, такая желанная.

Он не собирался разговаривать, а уж тем более выслушивать — слушать должна была она. Понимал ведь, чего Лера добивается: хочет показать ему, что вернулась, и вернулась для того, чтобы стать первой и единственной. Специально ожидал её в холле, да ещё и с Кристиной под ручку, словно искал защиты, а как услышал, что она пришла, так провалиться сквозь землю захотелось. Только вот девочка всё просчитала гораздо лучше, выждала нужный момент, чтобы обратить своё внимание, а когда взглянула на него, так и вовсе жить расхотелось. Один взгляд, а его будто тисками сжали, да так, что ни вздохнуть, ни пошевелиться, только её глаза видел и понимал, что больше ничего не нужно. А потом остались наедине. Кристина раздражала. Хорошо, что Лера её не подпустила, хорошо.

Она спросила, нравится ли наряд... да, конечно, нравится! И наряд, и то, что под ним. Дикое первобытное желание в ту же секунду зародилось в теле, что происходит, объяснить себе не мог. А о чём, собственно думал? Ещё неопытной девчонкой обуздала его с одного взгляда, а теперь она женщина. Красивая, интересная, знающая своё влияние на мужчин. Мужчины... только сейчас задумался над тем, что рядом с ней были мужчины, какой же он идиот, если позволил ей тогда уйти! Нет, о других сейчас не думать, запрещено! Она вернулась, вернулась к нему, для него, только его! Лера о делах говорила, а он её и не слышал, только смотрел, ощупывал взглядом, то и дело, сравнивая с тем, что было и что стало, и не верил своим глазам. Это не сломленная женщина, это самая прекрасная, единственная на свете, необыкновенная и... что-то подсказывает, что чужая Лера. Как он сможет быть с ней рядом, и не сметь прикоснуться? Как будет смотреть на мужчин, которые увиваются следом, и не сметь их разогнать? Райковский, сволочь, знал, что так и будет, специально сказал, что она такая как и всегда, убью при встрече!

Дверь лифта раскрылась, давая возможность глотнуть воздуха, но легче не становилось, из лифта вышел, а образ Леры так и стоял перед глазами. Молодая, сильная, красивая, а он... Кто он такой? Сорокалетний неудачник, который пустил слюни, как только её увидел? Нет, надо держать себя в руках, иначе всё это очень плохо закончится. Поток глупостей прервал телефонный звонок. Райковский, будь он не ладен.

— С приездом, друг! — Весело отозвался тот в трубке.

— Игорь, я убью тебя! — Прорычал Синицкий, но вспомнил, что вокруг люди и притих.

— Что? Уже навестил нашу красавицу?

— Почему ты мне не сказал?

— А что я должен был тебе сказать? Что у всех встаёт от одного взгляда на неё? Так, ты это и сам знаешь. Лерка красавица.

— Закрой рот, пока у тебя есть такая возможность!

— Что, холодного душа тебя явно не хватает? Ничего, привыкнешь. Знаешь, как тяжело всем остальным с ней работать? О-о... Прохоров с Сомовым мне проходу этот месяц не давали, всё выпрашивали, кто она и что нас связывает, наверно, на взаимность рассчитывают...

Игорь смеялся, давая Саше возможность прочувствовать всю абсурдность ситуации.

— Не беси меня!

— Да ладно, всё понимаю, стояк замучил, так, ты невесте позвони, она не откажет.

— Мать твою, что ты несёшь?

— А что? Теперь не хочешь её? Конечно, она и рядом с Леркой не стояла.

— Всё, готовь гроб, придурок!

Синицкий уже сел в свою машин, и самому смешно стало. Какой же он идиот.

— Ладно, Игорь, я буду через час. Ты собери всех. — Устало выговорил он.

— Что, будешь сотрудников наклонять?

— Ну, хоть кого-нибудь...

Машину с личным водителем Синицкий прислал, как и обещал, к обеду, одно расстраивало: Кристина этого видеть не могла, так как уже отбыла на какую-то встречу. Злорадством обычно Лера не отличалась, но сегодня с удовольствием бы поиграла на её нервах.

Собрание совета директоров началось вовремя, хотя некоторые личности думали его сорвать (всё та же Кристина появилась в самый последний момент, словно герой дня). Лера

промолчала, сегодня ей вообще было не до соперничества, надо было убедить всех в своих способностях, а это не самое простое дело, да и Синицкий явно не в настроении.

— Всем здравствуйте, не будем отвлекаться и приступим сразу к делу. — Начала Лера, требуя тишины, а как только всеобщее внимание было направлено в её сторону, продолжила. — На повестке дня несколько вопросов, я начну с основного: меня не устраивает работа нашего модельера, я бы хотела найти ему замену, причём уже сейчас.

Вот после этих слов начался откровенный гвалт, на Леру все смотрели как на умалишённую, приводили доводы и пытались убедить, но ни одного стоящего голоса она не услышала. Особенно старалась Кристина, которая, как и вчера Синицкий, начала рассказывать про имя, про заслуги, про уровень мастерства.

— Судя по бурным эмоциям, мне следует перечислить все пункты собрания, чтобы ни о чём не забыть. Ещё у меня есть вопросы к поставщикам тканей. Я изучила их прайс-листы, меня не устраивают цены. Стоимость товара откровенно завышена и по статистике на тридцать процентов больше допустимой, если учитывать среднюю стоимость таких же тканей в аналогичных компаниях. Договор у нас долгосрочный, поэтому предлагаю искать пути к его расторжению, Александр Дмитрич, — Лера так внезапно произнесла имя Синицкого, что у того и глаз дёрнулся, — от вас мне нужны юристы.

— Будут юристы. — Буркнул тот, старался в её сторону не смотреть, а Райковский над всей этой ситуацией откровенно потешался.

— Отлично! Далее предлагаю обсудить предстоящий показ: кроме того, что модельный ряд не готов, есть множество нюансов, которыми почему-то никто не занимается. Это относится к музыке, к пригласительным билетам и другим именно организационным вопросам. Предлагаю это поручить нашему креативному директору Кристине Николаевне.

— Но это не мои обязанности! — Встрепенулась та и сразу обернулась на Синицкого.

— С сегодняшнего дня ваши.

— У меня много других дел!

— Мы не в детском саду, Кристина Николаевна. Мне всё равно, кому вы поручите этим заниматься, спрос всё равно с вас.

Лера даже привстала, поедая соперницу взглядом, а после и вовсе решила не садиться — декламировать стоя было куда удобнее, можно было переходить с места на место, при этом не видеть её постной физиономии. Когда все пункты были перечислены, она села на своё место, откинулась на кресле и немного отъехала на нём от стола, дабы узреть всех. Посмотреть было на что, делёжка началась нешуточная, не было слышно только Синицкого. Лера в это время тоже предпочитала отмалчиваться, только изредка напоминая, что ещё не успели обсудить. Вскоре всех заинтересовало, почему молчит главный акционер, и Кристина озвучила мнение большинства:

— Саша, ты почему молчишь?! — Это было сказано с неким возмущением, она взяла его за руку и настойчиво заглядывала в глаза. — Скажи что-нибудь, ты ведь понимаешь, что она сошла с ума!

— Саш, действительно, галдёж надоел жуть, давай ты озвучишь своё мнение, и мы определимся. — Выдохнул Райковский, не скрывая усталости.

— Александр Дмитрич, — заинтересованно ухмыльнулась Лера, так же требуя его мнения, и теперь вернулась за стол. Глаз с него не сводила, чем заметно нервировала, только Райковскому ничего не надо было объяснять, он единственный в курсе событий.

— Я всем настоятельно рекомендую с Валерией Павловной согласиться. По всем

пунктам.

Вот и всё. Он даже комментировать ничего не стал, просто сдался без боя. Акционеры примолкли, а Кристина смотрела на него гневным взглядом.

— Отлично! Мнением большинства, так сказать. На этом предлагаю наше собрание закончить. Обеденный стол для тех, кто потратил особенно много нервных клеток, уже накрыт. Нет! — Тут же опомнилась она. — Ещё один вопрос остался нерешённый. — Лера сделала глубокий вдох, так как тяжесть недовольных взглядов утомляла. — Лицо компании. Я не вижу смысла продолжать работу с нашей моделью, она ничего из себя не представляет. Я предлагаю Розанну Соловьёву. У кого какие мнения?

— Соловьёву? Это которая в пятёрке лучших топ-моделей мира уже несколько лет? — Подскочила на месте Кристина.

— Именно.

— К вашему сведению, Валерия Павловна, — ехидно и довольно ухмыльнулась та, — она не будет с нами работать.

— Да? И откуда такая уверенность?

— Я уже несколько лет пытаюсь наладить с ней контакт, и если раньше она ссылалась на занятость и плотный график, то в последний раз, когда я перешла к конкретной сумме, чётко сказала, что именно с нашей компанией работать она не будет ни за какие деньги. — Она прищёлкнула языком, Райковский подавил в себе смешок, а Лера широко улыбнулась.

— Ну, если больше возражений нет, то через три недели Соловьёва будет в Москве, и мы подпишем с ней контракт. Для вас Кристина, будет отдельная работа: найти фотохудожника, с которым мы работали два года назад. Мне нравится его подход и его работа. Соловьёва под его объективом будет просто необыкновенно смотреться.

Из зала заседаний Лера вышла первой, слышала за своей спиной возмущённые вздохи, но предпочла их проигнорировать, только слова Синицкого чётко расслышала, который своей «любимой», напомнил, что Валерия Снежная её непосредственный руководитель. Теперь оставалось только два варианта: либо пан, либо пропал, а это значит, началось время бурных действий.

— Лера, — Синицкий вошёл в кабинет и застыл на проходе — она приводила в порядок макияж. На столе уже стояла сумочка, рядом лёгкий шифоновый шарф — дополнение к сегодняшнему образу, — уходишь?

— Да, я ещё не обедала.

— Я вчера забыл тебе ключи передать, вот. — Он разжал кулак, и на указательном пальце осталась висеть неприметная связка.

— Положи на стол.

Сказала, а он стоит, даже не думает шевелиться, словно ждёт, что она подойдёт к нему, прикоснётся... чего ждёт, спрашивается?..

— Я сделал всё, как ты хотела.

— Да, и это было единственно верное решение. Или ты благодарности ждёшь?

— Ну что ты. — Нервно развёл руками, скривив при этом постную физиономию. — Я жду ответных действий.

— Не утруждайся, я не собираюсь облегчать тебе жизнь.

— Лера...

— Валерия Павловна, — без стука забежала Маша, правда, получила тяжёлый взгляд от Синицкого и продолжила нерешительно, — вам девушка звонит, представилась как подруга

Аня, что сказать?

Лера в некой панике глянула на Синицкого и немного замялась, отвела взгляд.

— Скажи, что я сейчас включу свой мобильный.

Маша вышла, а Синицкий так и стоит, только теперь ключи снова в кулак зажал, недовольно поглядывает исподлобья.

— У тебя всё? — Не выдержала Лера.

— Всё!

Ключи он с силой швырнул на стол и тут же из кабинета вышел, а Лера вздрогнула, когда тяжёлая связка брякнула по гладкой поверхности. На обед ехать передумала, аппетита и так не было, а Синицкий его испортил окончательно. Ане в деталях обрисовала подробности, а она, в свою очередь сделала вывод, который и без этого вертелся на языке: он будет наш! Конечно, наш, а чей же ещё. Договорить не дал Прохоров, который без стука вошёл в кабинет, правда, садиться без приглашения не спешил. Только когда Лера кивнула, немного расслабился.

— Ну, всё, у меня люди, я тебе перезвоню.

— Красиво ты всех сделала. Секретом поделишься?

— Ты о чём?

— Я о совете директоров. Честно признаться, не ожидал.

— Дай, угадаю, ты захотел поделиться впечатлениями? — Пыталась съязвить Лера, но Прохоров оставался всё так же непреступен.

— Знаешь, а я ведь был практически уверен, что у тебя с Синицким что-то есть.

— В смысле?

Лера напряглась, но старалась этого не показывать, ещё чего не хватало.

— Ну, я думал, у вас отношения.

— А теперь, значит, так не думаешь?

— А теперь я и не знаю, что думать. Ты сказала, что я герой не твоего романа, но на самом деле крепко взяла меня за горло, знаешь ведь, что нравишься.

Лера кивнула, соглашаясь, хотя всё ещё не улавливала связи между сказанным, едва заметно улыбалась, давно про себя отметила, что получает удовольствие, когда мужчина перед ней унижается, но в то же время не могла отделаться от мысли, что таких мужчин не любит.

— Думал, что Синицкий тебя усмирит, да и Кристину его ты обидела. А вот сейчас сидел и наблюдал, как такой серьёзный и решительный человек, впервые за восемь лет нашего знакомства покорно молчал, устремив взгляд в сторону. Кивал и соглашался. Так, вот, если ты меня держишь за горло, то его явно взяла за яйца. — Прохоров с некоторым призрением наклонился к столу, чтобы посмотреть Лере в глаза.

— Фу, Вова, как грубо. Ты делаешь из меня какого-то монстра.

— Нет, я не о том. Просто хочу понять, какой же тебе мужик нужен?

— Какой? А такой, чтобы меня вот здесь держал, — Лера покрутила своим кулачком прямо перед его носом, — чтобы к ногтю прижал, в моральном плане, конечно, чтобы одним взглядом сказал мне то, на что у остальных словарного запаса не хватает. Вот какой мне нужен мужчина.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— И такой есть? — Спросил Прохоров, едва сдерживая смех недоверия. Он и правда, уже не мог представить себе подобного. Синицкий всегда был для него авторитетным

мужчиной, а перед Лерой он сидел как мальчишка, боясь лишним движением вызвать её недовольство.

— Представь себе.

— И водителя своего он тебе прислал.

— Я же сказала, мы друзья. Я попросила, он мою просьбу выполнил.

— Даже не знаю, хорошо ли иметь таких друзей, как ты. В моих услугах, значит, больше не нуждаешься?

— Можно и так сказать.

Она улыбнулась в надежде, что толкать речь неудачливый любовник закончил, он понимающе встал и подошёл ближе к дверям.

— И всё-таки я не понимаю, что вас связывает.

— Я и сама уже этого не понимаю. Ладно, иди, я сегодня очень устала, а ещё две встречи впереди.

Прохоров только головой кивнул. А после его ухода Лера позволила себе задуматься: неужели она на Синицкого так влияет? Вот, честно, не заметила. Или просто не хотела замечать... А, может, у него такая стратегия? Ведь точно знает, что он не кроткий, а самый что ни на есть дикий зверь, которого только выпустишь из клетки, так он проглотит тебя со всем содержимым. Странно, но время разобраться во всей этой ситуации ещё есть.

Работа отнимала много сил, а на сегодня ещё запланирован переезд. Сразу же отправилась в гостиницу за вещами, а оттуда прямым курсом в родную квартиру. Перед входом в подъезд сердце неприятно ёкнуло: в этом доме прошли самые счастливые полтора года её жизни. Территорию двора теперь было не узнать, всё в цветочках, клумбочках, специально отведённое место для парковки. Новая кодовая дверь поддавалась не сразу, а точнее, совсем не поддавалась. Пришлось ожидать кого-нибудь из жильцов.

На помощь пришёл немолодой мужчина, он странно Леру осмотрел, но когда она вошла вместе с ним, спорить не стал. Дверь квартиры тоже сменили, теперь она была металлическая, с несколькими видами замков, поставлена на сигнализацию. Пока возилась с незнакомыми замками, на шум вышла соседка по лестничной площадке. Женщина сначала стояла тихо и, казалось, вышла по своим делам, но потом всё же окликнула.

— Девушка, вы кого-то ищите? — Строго поинтересовалась она и подошла ближе, уже с опаской присматриваясь.

Слегка хриловатый старческий голос Лера узнала сразу — это была ещё подруга её матери, Анна Семёновна, женщина жила здесь с момента постройки дома и знала всё и обо всех.

— Анна Семёновна, это я, Лера. Вот, не могу открыть...

— Лерочка, ты как здесь? — Женщина на секунду растерялась, но потом вежливо добродушно улыбнулась и вызвалась помочь. — У меня такая же дверь, — пояснила она, — а ты как, насовсем? Я уж думала, что твой квартиру продал, сто лет здесь никто не появлялся.

— Пока не решила, насовсем, или так... будет видно.

Анна Семёновна что-то ещё говорила, хотела пройти внутрь, но Лера невежливо закрыла перед ней дверь, ссылаясь на усталость и необходимость разобрать чемоданы. На несколько секунд она прислонилась к двери, переводя дух, только тогда решилась свет включить. На удивление, в квартире абсолютно ничего не изменилось. Даже антикварные вазочки, которые ещё её мать собирала, стояли в правильном порядке и в полном комплекте. Как-то смешно стало, сам Синицкий их, что ли, выставлял?.. В шкафу полно одежды,

аккуратно развешенной по вешалкам, по цветам разложены полотенца, постельное бельё, обувь — всё на месте, только вот лучше бы этого здесь не было. Всё вызывало жуткое отвращение, хотелось побыстрее от всего избавиться.

Вещи раскладывать не стала, так как было просто некуда, так и оставила не распакованный чемодан, на кровати спать было противно и пришлось ютиться на диване. В этот момент Лера даже пожалела, что прямо сегодня переехала, не сменив предварительно всю мебель и гардероб, а по большому счёту и ремонт сделать не мешало бы.

Кое-как переночевала, а уже на следующее утро отправилась в трёхнедельную поездку по провинции в поисках самородка, который достойно представит «Вэл Стил» на предстоящем показе в Нью-Йорке. На деле всё оказалось гораздо сложнее, чем в мечтах. На кастинги приходили какие-то бездарности, которые иногда и шить-то не умели, не-то что уж моделировать, и уже на второй неделе своей поездки, Лера начинала впадать в отчаяние: ни одного стоящего лица, ни одной идеи. Настроение резко падало, хотелось взорваться, но сдержалась, всё-таки люди творческие, капризные, любой негативный отзыв может привести к краху.

Буквально на последних днях на глаза попались эскизы молодой девушки, она ещё даже своё швейное училище не окончила по специальности дизайнера женской одежды. Самой девушки не оказалось, но её работы превзошли все ожидания: несмотря на юный возраст и отсутствие опыта, работы были вполне зрелые и состоявшиеся, девушка чётко имела представление о стиле и красоте, только вот её самой почему-то не оказалось. А, как выяснилось гораздо позже, она и вовсе неставляла этих работ, папка с эскизами оказалась в стопке с кандидатами абсолютно случайно.

Глава 6

— Я хотела бы пообщаться с автором работ. — Не скрывая своей заинтересованности, оповестила Лера и в нетерпении устремила свой взгляд на руководителя группы.

— Это невозможно. На сегодняшний день, в связи с вашим приездом, занятия были отменены, но вы можете встретиться с любым другим конкурсантом. — Вежливо, но как-то слишком настойчиво ответили ей сотрудники администрации. Что же, такой метод Лере был знаком. Ближе к ней протиснули несколько папок с эскизами, возможно, среди них и было пару интересных идей, но свой выбор она уже сделала. И не собиралась возиться с любимчиками или «блатными», ей был важен конечный результат, а не престиж в процессе.

Адрес достать оказалось сложнее, чем это можно себе представить, но нет ничего невозможного. Лера с трудом добилась желаемого и уже через час стояла под заветной квартирой. Дверь открыла приятная молодая особа, которая в ту же секунду округлила глаза и потеряла дар речи, оказалось, что, кто такая Валерия Снежная, девушка знала с самого детства.

— Этого просто не может быть. — То и дело твердила девушка, она до сих пор не верила, что в её замшелой съёмной квартирке сидит сама Валерия Снежная, её кумир и человек, который хоть и косвенно, но открыл ей дверь в мир большой моды ещё много лет назад.

— Ты меня смущаешь, — засмеялась Лера, — давай поговорим о деле, ведь у меня не так много времени.

— Да, конечно, извините, просто... просто, это какой-то розыгрыш, боже, я не верю.

Девушка не скупилась на эмоции, даже всплакнула пару раз, когда Лера упомянула о работе. Честно говоря, в первые мгновения подумала, что ей придётся работать черновой лошадкой на имя известного модельера, но она и этому была бы рада, а когда дошло, что станет первым человеком, а не просто золушкой, так, и вовсе дар речи потеряла.

— Так, подождите, вы говорите про какие-то эскизы, но я не понимаю... я ничего и никуда не отдавала.

— Да, это я уже поняла, но, видимо, в колледже у тебя есть доброжелатели, которые и вложили твои работы в стопку для конкурса.

— Ну, может быть... а какие работы?

— Ну, не знаю, мне показалось, что эскизы не очень свежие, преобладают лёгкие ткани тёплых оттенков, в основном платья.

— Так, это же после первого курса, — девушка взглянула несколько растерянно, — подождите, я сейчас.

Девушка выбежала и начала шуршать бумагами в соседней комнате, Лера не сдержала любопытство, направилась следом и, войдя, увидела настоящую творческую мастерскую. Стены были увешены эскизами, на вешалках огромное количество одежды. Преимущественно платья. Ткани, конечно, дешёвые, но работа просто идеальная. Итальянские дизайнеры могут только позавидовать такому шву, мелькнуло в тот момент в голове. Обратила внимание на швейную машинку, которая буквально выбивалась из общего интерьера. Слишком дорогой она была, нет, конечно, не для Леры, а для самой хозяйки.

Машинка не на компьютерном управлении, но все необходимые функции присутствуют, на соседнем от неё столе оверлог, старенький, но надёжный. Рядом коробка с вышивальной машинкой распакованная, но, видимо, хозяйка использовала её редко. В комнате творческий беспорядок, но назвать его беспорядком в полном смысле этого слова просто нельзя. Наконец, девушка нашла то, что искала и обратилась к Лере, дрожащими руками протянула ей толстенную папку и с полными надежды глазами ждала приговора. Заметив такую нервозность со стороны молодого модельера, Лера доброжелательно улыбнулась, предложила перейти в ту комнату, где они сидели до этого, и только тогда принялась рассматривать её работы. И, к своему удивлению, не могла оторвать от них взгляд. Просмотрев только несколько эскизов, не удержалась и уточнила:

— Ты кому-нибудь это показывала?

— Нет, я это делала не для конкурсов и не для диплома, просто в глубине души надеялась, что когда-нибудь смогу добиться успеха и показать свои идеи всему миру.

Она ломала пальцы, кусала губы, бледность кожи и румянец от нервозности — это то, что смогла увидеть Лера, когда оторвала взгляд от бумаг.

— Эй, эй, подожди, твои пальчики нам ещё пригодятся, — смеясь, оповестила она, — не буду скрывать, ты меня не просто заинтересовала, ты меня убила всем этим. — Лера закрыла папку и потрясла ей перед настоящим художником. — Хватит страдать и гнобить себя здесь, я хочу, чтобы ты работала у меня. Наши юристы уже готовят контракт, я им позвонила, пока до тебя добиралась, поэтому отказа не принимаю. А если у тебя ещё остались хоть малейшие сомнения на мой счёт, уточню: ты едешь не просто попробовать свои силы, работать — ты едешь побеждать и начнёшь ты свой путь там, где все остальные его заканчивают — в Нью-Йорке. Вопросы есть?

— Вы смеётесь надо мной?

Рассмеявшись, Лера добавила:

— Собирайся, но судя по тому, что у меня в руках, тебе нужно захватить только предметы личной гигиены. Всё остальное, ты сделаешь себе сама.

Работы, которые попали к Лере случайно, оказались самыми первыми, ещё «сырыми» и были сделаны для поступления и завершения первого курса, а вот то, что она увидела сейчас, заставило теперь её саму округлить глаза. Именно эта девушка оказалась тем самым самородком, который она так искала. В ту же минуту, Валерия приняла решение и уже готовилась к поездке в Москву с новым ведущим модельером своей компании — Светланой Говорцовой. Дорога домой оказалась намного веселей и проще, на душе было легко, а на лице сияла улыбка — это безоговорочная победа. Для Светы уже была арендована квартира со всем необходимым, в том числе и комната для работы с самым современным оборудованием. Света радовалась как девчонка, которой, в сущности, и являлась, а для Леры было приятно стать человеком, который помогает исполнить мечты.

По приезду в Москву, в голове закрутился такой азарт, что ни о каком доме не могло идти и речи. Лере не терпелось показать мастеру её рабочее место, да и самой нужно появиться в офисе, чтобы навести там порядок. Одна Кристина чего стоит: за две недели не ответила ни на одно рабочее письмо, и не прислала макет пригласительных. Наглость высшей степени, не иначе. Сопроводила Свету в святая святых, познакомила с коллективом, по крайней мере, с той его частью, с которой молодой мастерице придётся работать, оставила осваиваться, а сама принялась за дело. В своём кабинете, получила от Маши макет пригласительных билетов и чуть не упала в обморок. Тут же решила посетить Волкову. На

подходе к кабинету секретарь чуть ли не дорожку ей перегородила (вся в непосредственного начальника — нахалка), сообщила о том, что просили никого не впускать, но от этого стало только интереснее и, как оказалось, не зря.

С небывалым для себя напором, Лера приблизилась к нужной двери, открыла её и ахнула: в кабинете, даже не запираясь на ключ, сидели Волкова и Синицкий. Провокационных поз ещё не наблюдалась, но, зная последнего, и они были не за горами. Страстные любовники и не заметили, что теперь в кабинете не одни. Синицкий сидел в кресле, Кристина у него на коленях. Жаркие стоны, мерзкие причмокивания влажных губ, его рука под её блузкой, как же всё это отвратительно!

— Что здесь происходит?

Тон Леры был достаточно сдержанным, даже будничным, но высоко приподнятая бровь говорила о многом. Кристина быстро подскочила, а Синицкий так и остался сидеть на кресле, только галстук немного подтянул, при этом хитро улыбался. Знал же, гад, что всё спокойствие — не более чем результат тренировок и контроля над собой, знал, что внутри у Леры всё бурлит и пенится. Как сдержалась и самой не понятно, но сдержалась.

— Я вижу, твоя поездка закончилась раньше? — Не мог не заметить он и тут уже вспомнил о роли большого босса.

— Поздравляю, со зрением у тебя всё отлично. — На Синицкого Лера сверкнула глазами, а вот для Кристины оставила всё своё возмущение, которое только подкрепилось увиденным. — Ну, теперь, по крайней мере, я понимаю, чем вы занимались в моё отсутствие, Кристина Николаевна, хоть бы красный фонарь над входом повесили.

— Что? Стучаться вас не учили?! — Попыталась возразить та, чем только усугубила.

— А я не к вам в спальню вошла, милочка, а в рабочий кабинет своего сотрудника, только вот не понятно, каким местом вы до сих пор здесь работали. Вот. — Швырнула на стол пригласительный билет. — Это не пригласительные, а билет на «шапито». Переделать в течение рабочего дня, и мне на стол.

Приказной тон, строгий взгляд, никаких эмоций на лице, из колеи выбивало только поведение Синицкого. Он молчал, окидывал Леру ледяным взглядом и при этом держал свою Кристину за руку. Гад, предатель, моральный урод! Он ещё и издевается, да что он о себе возомнил! Потом ещё Волкова, заручившись его поддержкой, снова решила выступить.

— Эта работа рекламщиков. — Уверенно заявила она и задрала подбородок. — Пусть они её и выполняют!

— Да? Хорошо, я уволю тебя и за эти деньги найму лучших рекламщиков города. — Лера сделала два шага вперёд, упёрлась обеими руками в стол и проговорила низким внушительным голосом:

— Одно из двух: либо на моём столе через три часа лежит нормальный пригласительный билет, либо твоё заявление на увольнение. Время пошло.

Сразу после своих слов, развернулась и из кабинета вышла, перед собой видела только взгляд Синицкого — взгляд превосходства. За своей спиной слышала его слова: «я разберусь» и стало совсем не по себе.

И десяти секунд не прошло, как он уже стоял в её кабинете.

— Детка, не много ли ты на себя берёшь? — Сходу начал он, Леру при этом бесцеремонно дёрнул за руку, поворачивая к себе. Вот и его истинное лицо, недолго держался, милый.

— Я имею на это право.

Лера оказалась прижата к своему столу, не в буквальном смысле, конечно, но чтобы от него отойти, придётся оттолкнуть Синицкого, а он это обычно принимает как вызов. Что же, так даже лучше, можно и поиграть, если он такую тактику выбирает. Пришлось на стол присесть, даже ногу на ногу закинуть, так, что верхняя попадала как раз между его ног. Не долго думая, Лера этой ногой погладила ногу Синицкого, поднимаясь всё выше, ещё чуть-чуть и упрётся в его пах; «мальчик нервничает, мальчик хочет... покажи мне своё желание, дорогой, я хочу это увидеть» — так и крутились в голове пошлые мысли. Его просто нужно вывести из себя и, судя по всему, осталось совсем не долго. При этом эротично и нахально улыбнулась — он отошёл. Жаль, хотелось бы продолжения.

— Ты зачем приехала? — Зло прошипел он и сжал зубы, выглядело это устрашающе, но свою улыбку Лера прятать не собиралась. Мальчик хочет правды, что же, стоит подумать, что ему ответить...

— Я приехала, чтобы забрать своё. — Кратко. В точку. Но так, чтобы он ничего не понял.

— Ты ничего не получишь. — Сквозь зубы проговорил Синицкий и почернел от злости.

— А ты всё деньги делишь...

С издевательской улыбкой проговаривала Лера, но говорить хотелось всё меньше, эта его злость её только возбуждала, делала похотливой, в голове играли картинки отнюдь не приличного содержания.

— Ты меня слышала?

— А я не о деньгах, не о твоём состоянии. — Лера похотливо улыбнулась, не сдержала порыв и облизнула пересохшие губы, провела указательным пальцем по его щеке. — я о тебе, милый.

— А ты, часом, не сумасшедшая?

— Кстати, ты уже сказал своей подстилке, что свадьбы не будет?

Синицкий промолчал, но ноздри его раздулись так, что, казалось, пора бежать. Он медленно приблизился и склонился над её ухом. Шумно дышал и в слова постарался вложить все те эмоции, которые бушевали в душе.

— Закрой свой рот и держись от Кристины подальше.

— А то что? — Вызов, однозначно. Лера не сдержалась и звонко рассмеялась своим мыслям. — Тогда ты со мной разведёшься, да? Я готова, только тебе придётся делиться, надеюсь, ты об этом помнишь?

— Лера, чего ты хочешь, зачем ты приехала?

— Обидел ты меня, Саша. Жила я себе спокойно, никого не трогала, а тут, как гром, среди ясного неба: в одно не самое приятное утро меня разбудил звонок адвоката. Пригласили в контору, сунули под нос бумажку, говорят, муж мой любимый развестись со мной хочет. — Синицкий снова замолчал, жевал губами, прогонял слюну сквозь зубы, всё, что угодно, только бы не сорваться, тяжело вздыхал. — А ведь можно было самому приехать, сказать, мол, так и так, люблю, не могу, я бы может и смирилась, а тут, извини. Да ещё и в бумажке, на которой меня просили расписаться, было указано, что при разводе каждый остаётся при своём. Не нагло, как считаешь?

— Ты ни на что не имеешь право. — Выделил он каждое слово. Да, милый, деньги это твоё больное место... будем бить по нему, если не можешь по-другому.

— Саша, перестань, — смеясь, отмахнулась от него Лера, — ты ведь не этот бред подготовил для судьи? А на твоих условиях развод без суда не пройдет. Я даже вижу

заголовки в газетах: «Громкая помолвка Сеницкого и Волковой недействительна!» или «Сеницкий хочет оставить свою жену без средств к существованию!», вот смеху то будет!

— Не зли меня! — Он подошёл вплотную и больно схватил за запястья, притягивая к себе. Дышал прямо в лицо и жаром дыхания обжигал. В глазах злость, скулы играют, его руки сжимаются всё сильнее, причиняя боль.

— Половина Саша, половина, иначе никак. И вообще, может, я не готова расстаться с тобой? Может, у меня ещё чувства к тебе не угасли, а?

— Лерка, ну, ты чего, — зло смеясь, отпустил её руки Сеницкий, надёжно схватил Леру за затылок, наклоняя её голову к своим губам, — ты что, считаешь, что если уехала далеко-далеко, я не знаю, сколько мужиков тебя имели, так, что ли?

— Спорный вопрос, кто кого...

— Да, — соглашаясь, кивал он, было видно, что на пределе, — я и забыл, с кем имею дело... ты ведь бесплатно никак, благотворительностью больше не занимаешься.

— Вот именно.

Что же, гадостей друг другу наговорили, правда, вопрос так и не решили, ничего удивительного. Только противно от себя самой.

— Слушай, Саш, а зачем тебе столько денег, чего ты за них держишься? — Лера, наконец, сдвинулась с места и теперь ходила по кабинету взад-вперёд, поглядывая на закипающего Сеницкого. — Или ты семь жизней прожить собираешься, а? Да ещё и «Вэл Стил» прикарманить решили... Не жирно вам двоим-то? Унесёте ли?

— У меня будет семья и дети, я всё делаю для них.

Лера остановилась совсем рядом с Сеницким, заглядывала в глаза, а в них злость и пустота, которую он на неё направляет.

— А может, и у меня дети?

— Таким шлюхам, как ты, противопоказано иметь детей.

Сквозь зубы процедил он и тут же получил хлёсткую пощёчину.

— Вон из моего кабинета!

Рукой Лера указывала ему на дверь, Сеницкий тут же вышел, а она так и стояла с вытянутым указательным пальцем, пока от напряжения рука не затряслась. Ладонь горела огнём, но более всего было в душе. Чтобы не закричать, пришлось изо всех сил зажать рот ладонями, теперь колотилось всё тело. Дыхание шумное, частое, с собой никак не получалось справиться. Она понимала, что Сеницкий не хотел этого говорить. Сказал это случайно, в порыве злости, но сердцу, которое теперь сжималось от боли этого не объяснить. Она убеждала себя, что всё не так, он вовсе так не думает, просто хотел уколоть сильнее. Наверно, она просто не готова к этому разговору, она просто не готова возвращаться в то время, когда всё началось.

Просто очень больно и пусто. На какой-то момент выпала из реальности, осталась одна во всём мире. Нужно было плакать — со слезами выходит обида, нужно было закричать — с криком выходит боль, но Лера так и не заплакала, удержалась. После нервного срыва напала невыносимая усталость, до дивана еле дотащила ноги, откинула голову и так замерла, закрыв глаза. Хотелось спать. Из сумочки достала телефон и набрала номер единственной подруги.

— Анька, ты в Москве?

— Два часа назад прилетела?

— Нужно встретиться.

— Давай после девяти, раньше никак.

— Давай в десять в караоке-баре.

— Что-то случилось?

— Расскажу при встрече.

Набрала ещё один номер.

— Ты мне нужен.

Вот и всё, больше не осталось сил и желания действовать, один, всего лишь один откровенный разговор с ним привёл к упадку, за десять лет она не испытывала такой отвратительной боли, как за две минуты с ним... нужно только дождаться вечера. И всё будет.

Нужна была разрядка, только так, чтобы окружающих не шокировать. Привычка собираться в караоке была у девушек ещё со школьной скамьи. Школа, конечно, здесь совсем ни при чём, подруги уже тогда были востребованными моделями, поэтому и развлекаться было принято в каком-нибудь модном месте, да так, чтобы и внимание привлечь, и при этом под статью не попасть. Так вот они и пристрастились: можно и лишний негатив выплеснуть, и мальчикам поулыбаться, а можно и в историю влипнуть, о которой потом со смехом будешь вспоминать.

На работе находиться стало невыносимо, Лера вскоре забрала Светлану, отвезла её на съёмную квартиру, из последних сил выслушала восторженные вопли, и отправилась домой. Правда, там тоже легче не стало, стены и неприятные воспоминания давили на мозг. Из квартиры Лера вышла, чтобы отдышаться, а тогда уже пришла идея обратиться за помощью к Анне Семёновне.

— Добрый день, я могу войти? — С искусственной улыбкой Лера протиснулась в двери соседней квартиры, женщина ещё помнила, как бесцеремонно её выставили за дверь и визиту не обрадовалась.

— Добрый, что-то случилось?

— Не то, чтобы. Понимаете, я бы хотела обстановку в квартире сменить, вот, не знаю с чего начать. К тому же и мебель, и вещи в квартире все новые, мы ведь там практически не жили после ремонта. Может, вам что-нибудь нужно?

Лера стояла на пороге и виновато улыбалась. Когда двенадцать лет назад к ней переехал Саша Синицкий, они действительно сменили всю мебель, обстановку, сделали ремонт, а потом Лера уехала, и в квартире никто не жил. Ультрасовременная обстановка того времени и сегодня прилично смотрелась, а Анна Семёновна женщина не из зажиточных, такого и сейчас себе позволить не могла, поэтому и согласилась посмотреть. Пока по квартире ходили, осматривались, Лера и про одежду свою вспомнила.

— Знаете, а ведь вашей внучке наверно в пору будут мои платья.

— Да, уже семнадцать вертихвостке. — Задорно отозвалась соседка.

— Если хотите, можете и сейчас их забрать. Одежда разная, Лера открыла шкаф для демонстрации, — о, и шубка есть. Вы же меня знаете, а здесь многое я даже и не одевала ни разу, а что не новое, можно и на даче носить...

Женщина внимательно осмотрела вешалки, повертела в руках белую песцовую шубку, несколько раз заглянула Лере в глаза, откровенно не понимая причину, по которой можно отказаться от такого богатства. Большинство одежды было всё ещё с бирками, либо с чехлами из химчистки, а то, что, как она сказала, носить на даче, редкая красавица позволит себе на приём одеть.

— Не жалко, Лера?

— Для хороших людей, как говорить... к тому же, это молодёжный стиль, а я уже не девочка.

С улыбкой заметила Лера и странно вздохнула.

— И всё-таки жалко, что вы расстались. — Моргнула Анна Семёновна и посмотрела на Леру в упор. — Такая красивая пара была. Сашка твой, засранец, тогда, после твоего последнего визита, всех своих девок разогнал, да. Борьке твоему всё прохода не давал. Что не поделили — не скажу, но там чуть ли не до драки дошло. Хорошо, дядя Миша из тридцать восьмой их расцепил. А потом полгода ещё ходил сам не свой, похудел весь, запустил себя, я уж думала и не выберется, любил тебя сильно. Друг его не один раз приезжал, тут такие скандалы бывали, о-ох. И милицию на них двоих вызывали, думали, поубивают друг друга, а потом ничего, помирились, Сашка за ум взялся. Не жалко тебе его?

— Его нет. Себя жалко, что столько лет на него потратила.

— Да сколько? Вы, наверно, после свадьбы и двух лет не прожили.

— Да, но это не значит, что для меня всё прошло бесследно.

— А-а, ты про то, как он тебя довёл? Да, конечно, не прав он был, но и ты могла бы не рубить с плеча, сама понимать должна, что он специально девок именно сюда водил, чтобы ты знала. И всё равно ведь тебя любил. Со стороны-то оно виднее.

— Да уж, я оценила. Только его любовь дорого мне обошлась.

— Да перестань, — женщина махнула рукой и усадила Леру на диван, — ты же понимаешь, мужики они такие, им надо показать, что всё хорошо, а на самом деле, места себе не находят.

— Да, отличный способ показать, как ему плохо — устроить из моего дома притон.

— Как умеет, так и показывает. Женщина на то и женщина, чтобы видеть то, что они скрывают.

— Да, конечно... Одежду брать будете? — Оживилась Лера и скорее с дивана подскочила.

— Ну, не хочешь, не говори, а одежду возьму, сама знаешь, какие нынче цены, а Ленка моя такая же худышка как ты будет, возьму.

За три захода одежда была перенесена в соседскую квартиру, договорились так же о кровати (Анна Семёновна до сих пор спала на старинном диване), о коврах, которые Лера никогда не любила, оставила только диван и кресла, потому что гарнитур ещё родители покупали на каком-то аукционе за баснословные деньги. Шикарные шторы пока решено было оставить, так как их просто не на что заменить, шкафы и полки вроде не расстраивали, а с сантехникой слишком долго возиться, поэтому её менять никто и не собирался. Сразу стало легче дышать, правда, и в комнатах теперь было пусто. За суетой и время пролетело, нужно было собираться на встречу с подругой.

В баре было полно народу, хорошо, что Анька столик заранее заказала, вспомнила, а то бы у барной стойки пришлось тесниться. А взрывной характер подруги и паршивое настроение самой Леры в совокупности, привели бы к непредсказуемому финалу.

Глава 7

— Лерка, привет, не узнала. — Бесцеремонно хлопнула её по спине подруга так, что та чуть коктейлем своим не подавилась, смеясь, повернулась и так же оценила изысканный наряд.

— Я так изменилась за три месяца?

— Ну... не знаю, разве что в девочку-студентку поиграть захотела, а так.

— Не хотелось выделяться.

Настроение было ни к чёрту, даже платье выбирать не было желания, поэтому Лера выбрала более чем демократичный наряд: белую майку без рукавов, подчёркивающую грудь и силуэт в целом, и невзрачные потёртые в некоторых местах джинсы, потёртости конечно, дело рук дизайнеров и модельеров, но чувствуешь себя реально ближе к народу. Так же в комплекте модные спортивные туфли белого цвета, так и есть — студентка, больше двадцати не дашь!

— Ага, — улыбнулась Аня, — рядом с тобой я, в своём шикарном платье, буду блеклым фоном.

По лицу подруги Аня быстро прикинула, что к чему и, не церемонясь, сразу заказала пару коктейлей посерьёзнее... для начала.

— Ну и дура! — Констатировала Аня, выслушав Леру. — Ты что, не знаешь, что ему ответить? Я тебе сразу говорила: сюда ехать, только себе нервы портить. Этому твердолобому всё нипочём. О чём ты только думаешь?

— Ну, почему, — Лера ехидно улыбнулась и навалилась на столик, чтобы быть к подруге поближе, — его девочка рядом со мной ни в какое сравнение не идёт, он уже локти кусает.

— Кто, Синицкий?

— Да! Ты бы видела, как он на меня посмотрел при первой встрече. Не сразу, конечно, он самоотверженно держался, но когда уходил, глянул так, что у меня и коленки затряслись. Он хочет меня, он скучает, и, поверь мне, теперь это дело нескольких недель, не более.

— Хорошо, допустим, но зачем тебе это? Ты его простишь? Или так, перепихнёшься пару раз, и пошлёшь его куда подальше?

— Ещё не решила, будет зависеть от его настроения, но твоя идея в целом мне нравится. Хочу, чтобы он один остался, правда, хочу. А потом я его подберу, а потом... — Мысли в голове путались. — А что будет потом, я решу потом.

— Лера, ну что, что в нём есть такого, чего в других мужиках нет? Ну, понимаю, если бы на твоём месте другая была: мужчина он видный, богатый, в меру козёл, да и внешностью его природа не обидела... но ведь при твоём выборе он просто один из многих, ничего выдающегося. Я права?

— Права. Причём по всем статьям. Но... я тебе никогда не говорила, сейчас скажу... потому что на трезвую, никогда не признаюсь. — Лера неприятно ухмыльнулась и посмотрела пьяными глазами из-под густых полуопущенных ресниц. — Ты права, и у меня были мужики, которым Сашка и в подмётки не годится. Я сейчас говорю о положении, состоянии, внешних данных... ну, и о способностях в постели. Были такие, от одного упоминания о которых у меня трусики мокрыми становятся и в памяти играют картинки, но... но, но, но. Только с ним я чувствую себя собой. Настоящей. Именно такой, какая я есть, и мне не надо притворяться, кого-то обманывать. Рядом с ним у меня душевный покой, словно я целая, а не расколотая пополам чаша. И, веришь, нет, ни один из мужчин не дарит мне такие ощущения. Ни один.

Хмель уже давно ударил в голову, Лера задумчиво улыбнулась, подпирая голову рукой, затем недобро хмыкнула и подняла глаза к подруге.

— Фиг ему, а не прощение. — Лера скрутила перед подругой красивенную дулю и сунула прямо под нос, держала так несколько секунд, пока Анька не стукнула по руке, отталкивая кукиш подальше и обе рассмеялись.

— Лерка, ты уже невменяемая, пошли домой.

— С ума сошла, мы только пришли! К тому же, у меня ещё встреча. Деловая. — Последнее слово Лера произнесла со вкусом, ей нравилось роль бизнес-вумен, да и вообще нравилось заниматься делом. В Италии, она хоть и руководила своим рекламным агентством, но делала это через «не хочу». Это был подарок её любовника Марио, ему нравилось, когда Лера улыбалась, а улыбалась она, когда была в азарте за работой, только со сферой деятельности не угадал, но зато Лера смогла натаскаться в плане руководства крупной компанией. Сейчас ей этот опыт как нельзя кстати.

— Ой, и с кем ты такая готовенькая будешь встречаться? Не со мной ли?

— Анька, ты чего, мы ж с тобой уже встретились! Я же говорю: по делу.

— Ну, ну.

— Вот, знаешь, он так смотрит на меня, молчит в моём присутствии, словно показать хочет, как я ему важна.

— Кто, Синицкий? — Перебила Анька, а Лера на это скривила кислую мину, глаза уже были совсем пьяные, и её то и дело пробивало на смех.

— Нет, блин. Кто ещё меня волнует? Конечно, Сашка! И понимаешь, раньше я думала, что он так показывает, что виноват, готовится ошибки свои признать, покаяться, а сегодня так выходит: просто хочет развестись, при этом всё к рукам прибрать. Вот и молчит, думает, что я уступлю. А хрен ему, а не развод!

— Да зачем он тебе сдался? У тебя что, денег мало? У тебя кавалеров мало? Да ты пальцем щёлкни и полмира у твоих ног, а ты с этим недоделанным возишься. Он никогда не ценил тебя, я это сразу тебе сказала, и Борьку тогда отвадил, а он бы в отличие от недоделанного, тебя на руках носил.

— Не называй его так, — Лера некрасиво икнула, прямо на последнем слове и от смеха прикрыла рот ладошкой.

— Он, гад, вспоминает...

— Не называй его так, он всё-таки ещё муж.

— Я бы на твоём месте такой скандал ему закатила, что костей бы потом не собрал, а ты...

Анька обречённо махнула на подругу рукой, как на недалёкую, и тут же кивнула проходящему мимо молоденькому официанту, призывая того снова наполнить бокалы. В зале кто-то исполнял сопливую душещипательную песенку, которую в простонародье так и называют — медляк. Аня тут же сделала страшные глаза и подняла их к потолку, только расплакаться напоследок и остаётся! Подвыпивших девушек уже заметили солидные мужики с животами по колено. И всеми силами старались попасть в их поле зрения, а как только добились результата, подошли.

— Девушки вы танцуете?

Мужчина нагло облокотился на Лерин стул, заглядывая ей в лицо, иногда переводил взгляд на Аню.

— Нет, мужчина, но если я не сверну шею, глядя сейчас на вас, то обязательно спою!

— С удовольствием послушаю. — С медовой улыбкой наклонился тот ещё ближе.

— И я!

Рассмеялась Анька, вспоминая их последнее посещение подобного поведения, а когда Лера спокойно оттолкнула опостылевшего ухажёра, уперевшись ему ладошкой прямо в лицо, и вовсе загоготала. Лера тут же махнула официанту повторить, а сама из-за стола поднялась.

— Ты куда?

Анька чуть со стула не упала, пытаясь поймать подругу за руку, а та лишь приложила палец к губам, заставляя молчать. Неуверенными шагами направлялась к сцене, хотелось веселья и расслабухи. Народ в этот вечер собрался довольно-таки скромный, все пели в основном у своих столиков, а Лера решила блеснуть — вышла прямо на сцену, уверенно вскинув голову. Недалеко от сцены уже стоял тот самый лысый здоровяк, который только что пытался их склеить и расчёт у него весьма надёжный. Две нетрезвые девушки, которые решили набраться в стельку, вскоре не смогут сопротивляться и тогда можно будет отыграться и за прилюдное оскорбление, и за всё то, что они ещё успеют натворить. А как только народ услышал знакомые аккорды песни Дениса Майданова «Ничего не жаль», так и вовсе сцену облепили, особенно мужики. Валерия Снежная с юных лет привлекала к себе мужское внимание, а потом и вовсе приковывала их рядом с собой, давая надежду на продолжение, своей внешность пользовалась часто и не всегда честно. Так и сегодня, готова была улыбаться всем без исключения, даже самым мерзким созданиям противоположного пола, каких в баре оказалось запредельно много. Хотелось глотка воздуха, какого-нибудь красавчика, а вокруг топтались только сморчки и гоблины.

— Тысячу сто поколений мечта на развес,

Тысячу сто поколений любовь и война.

Каждый рождается с мыслью достать до небес,

И нам с тобою сейчас как во все времена

Пела Лера уверенно, хорошо поставленным голосом, только иногда язык заплетался, что и не мудрено, учитывая количество выпитого за, без малого, два часа отрыва. Пела и представляла, как выскажет Синицкому всё, что о нём думает. Это будет война не на жизнь, а на смерть, больше она не намерена бежать от него, сломя голову и поджав хвост, она готова принять удар.

Ничего не жаль, ни штыков, ни роз,

Если за мечту, если всё всерьёз.

Ничего не жаль, ни огня, ни слов,

Если за мечту, если за любовь.

На припеве ей дружно аплодировали, а особо бойкие успевали тянуть руки. Слова песни, а на самом деле слова её жизни, и за свою любовь она готова была отдать всё, а может даже и больше, она достойна быть счастливой!

И кто бы мог подумать, что именно этот бар на сегодняшний вечер выберут и Синицкий с Райковским, да ещё и зазноб своих прихватят

— Саш, слышишь, твоя любимая песня. — Улыбнулась Кристина. — И поёт её девчонка хорошо.

Синицкий обернулся и тут же замер, понял, что про девчонку Кристина точно загнула, хорошее настроение на этот вечер его покинуло, всё внутри сжалось и захотелось выть. Леру он сегодня обидел. Да не просто обидел, а ударил по самому больному, до сих пор не понимал, как язык повернулся такое сказать, а потом он просто ушёл. Знал ведь, что нужно всё объяснить, нужно извиниться. Какой сволочью себя в тот момент ощущал, словами не передать. А теперь видит, как она, невменяемая, крутит задом перед толпой разгорячённых мужиков, а как на таких особей действует Лера, понимал хорошо. И чем закончится этот вечер, уже примерно представлял.

— Напоминает кого-то.

Не успокаивалась Кристина, которая сидела лицом прямо к сцене, внимательно всматривалась, пока не замерла, потягивая безалкогольный коктейль.

— Это что, наша Валерия Павловна? — С неуверенностью пробормотала она. — Ничего себе набралась... Игорь, смотри, это же Снежная.

Растерянный взгляд Кристины блуждал между сидящими за столом, только немного отойдя от шока, она смогла позлорадствовать, пока все молчали.

— Думать наивно, что кто-то устанет в бою,

И Бескорыстно подарит счастливую даль...

Пела она, а Синицкий чувствовал себя так, словно Лера ему всё это в лицо говорит, только ему одному. И видел, как больно ей в этот момент, что она чувствует и о чём думает. Проклинал всё на свете и в первую очередь себя самого.

— ... Знай, в жизни есть шанс остаться любимым,

Но вот вопрос, что за это придётся отдать.

Поёт Лера и видит перед собой пустоту, пока в один момент не почувствовала сильнейший эмоциональный взрыв: он здесь, такой родной и такой любимый, он спасёт её, как всегда спасает, вот этот взгляд уверенных чёрных глаз и она плывёт, хочет ему улыбнуться, но не может, теперь поёт только для него. А он стоит перед сценой и полностью посвящает себя её боли.

— А поклонников-то сколько, сегодня она точно одна ночевать не будет!

Синицкий тут же повернулся в нужную сторону, а Лера, между тем, действительно уже улыбалась одному из мужчин. Перед последним припевом был недолгий проигрыш, и она наклонилась со сцены, с мужчиной о чём-то успела переговорить, Синицкий всё это видел и, зная свою жену, догадывался о чём. Она с микрофоном немного наклонилась и подалась вперёд. Заметил, как незнакомец пристраивается рядом, а Лера уже готова повиноваться ему во всём, смотрит ему в глаза, а он пожирает взглядом её. В горле повис ком, который невозможно прогнать, во рту и вовсе пересохло, резко поднялась температура тела, мозг закипает, а в висках пульсирует так, словно молоком кто-то барабанит.

— Ничего не жаль, ни минут, ни слёз,

Дотянись до звёзд, дотянись до звёзд.

На разрыв аорты прокричали они вместе в микрофон, Лера с размахом водит двумя пальцами по горлу, Синицкий знает, что для неё означает этот жест, Лера на пределе, она готова взорваться, и поэтому последние слова не просто спела, а прокричала. Громкий мужской голос явным южным акцентом заставил Синицкого передёрнуться. Теперь он будет диктовать условия, а Лера в своём состоянии ничего не сможет ему ответить. Допеть она решила одна.

— Поймаешь?! — Громко прокричала Лера в микрофон по окончании песни и тут же бросилась в объятия этого самого мужчины. Тот её поймал, заставляя соперников расступиться, ловко перехватил и уже держал на руках, а она только одним пальчиком указывала, в какую сторону нужно двигаться к её столику. Синицкий видел, как мужчина бесцеремонно лапал его жену, как смотрел на неё, как губами прикоснулся к её шее, чёрт! Он сейчас убьёт их обоих. Лера в эйфории запрокинула голову, а второй рукой успевала помахать всё ещё аплодирующим поклонникам.

— Ты куда? — Опомился Синицкий, как только вернул взгляд к своему столику. Кристина уже тащила подружку выйти.

— Пойду, поздороваюсь. — Отшутилась та, но сама при этом направилась в

противоположную сторону.

— Слушай, а мне даже интересно, что ты ей сказал? — Со смехом уточнял Игорь Райковский, тут же отвоёвывая внимания друга от другого столика.

— Ты о чём?

— Ну, как же, Кристина сказала, что Лерка вас застукала.

— Так и сказала: застукала? — Зло оскалился Синицкий.

— Нет, сказала она по-другому, но мы-то с тобой хорошо понимаем, что застукала. Так, что сказал? Мне показалось, что это не просто песня, а вызов.

— Ничего не сказал, поругались.

Синицкий был не в духе, да ещё и Лера теперь решила весело провести ночь, внутри всё похало, а Кристина только подначивала.

— Саш, вы видели, — начала она, как только к столику приблизилась, — к Валерии Павловне с подругой человек шесть подсело. Кто это, чеченцы, что ли?

— Да какая разница, чёрные и всё! — Прикрикнул Синицкий и Кристина решила больше эту тему не заводить.

А Лера в это время активно знакомилась с вновь прибывшими, кому щёку подставляла, с кем просто рукопожатием здоровалась, но всем весело улыбалась, и только успевала подзывать официанта, чтобы тот бокалы менял.

— Лера, тебе хватит. — Заботливо обращался к ней мужчина, он уже успел положить руку на спинку её стула и прижимался до неприличия близко, шептал прямо на ухо.

— Да перестань! — Погладила она его по груди

— Что-то случилось? — Не успокаивался тот? — Посмотри на меня.

Он требовательно повернул лицо Леры к себе, придерживая за подбородок. Смотрел в глаза, прищурился, понимая, что происходит.

— Тебя кто-то обидел?

Несмотря на широкую пьяную улыбку, глаза Леры заблестели от слёз.

— Арсен, дорогой, ты в принципе можешь представить себе человека, который меня обидит?

— Права, — согласился тот, кивая, — представить не могу, но то, что кто-то постарался — это точно. Скажи, кто он, и я отрежу ему голову.

— Какой ты у меня кровожадный, — Лера потрепала друга за щёку и уткнулась носом в шею, стараясь не расплакаться, только рядом с ним она чувствовала себя женщиной. — знаешь, а мне иногда жаль, что ты женился... тебя очень не хватает.

Лера от мужчины отпрянула и тут же потянулась за вновь наполнившимся бокалом, но он за руку её тут же оттянул.

— Тебе хватит! — Приказным тоном проговорил он, а Лера снова сверкнула уже влажными глазами, но, играя, улыбалась.

— По чуть-чуть. — С надрывом в голосе проговорила она, пальцами показывая, что означает эта дозировка.

Арсен знал её слишком давно, чтобы не поверить всей этой игре, и она понимала, что он всё заметит, но продолжала храбриться. Не хотелось здесь, у всех на глазах заливаться слезами, пусть даже её поддержит самый настоящий и самый мужественный мужчина на свете.

За тем, что происходит за противоположным краем стола, Аня наблюдала молча,

прекрасно знала, что Арсен на подругу действует лучше любого успокоительного и позволила им побыть наедине, хотя в шумном и закуренном баре это было сложно. Но эти двое, когда были вместе, всегда ощущали себя единым целым. Когда Лера начала петь, Аня не на шутку испугалась, тем более выбор песни чётко рисовал настроение подруги, а окружившие сцену полупьяные мужики и вовсе заставляли ломать голову, размышляя над тем, как отсюда придётся выбираться. За их столик уже присели друзья наглого лысого первопроходца, который в это время дежурил у сцены, и с азартом втирали, как же девушкам повезло встретить сегодня таких отличных парней. «Да уж, повезло не то слово, хоть бы ноги унести» — мелькнуло в ту секунду в голове.

Лера на сцене в это время под самый длинный проигрыш песни повернулась к залу попой и активно ей крутила, заводя и возбуждая толпу, слышались пошлые присвистывания, время было хвататься за голову. Один из настойчивых парней надёжно уцепился в Анино предплечье, отвлекая её внимание на себя. Девушка уже успела обложить подругу самым изысканным матом, который знала, когда увидела, как Лера начала активно махать рукой в сторону входа. Явно кого-то приветствовала. Сама туда повернулась и о боже, неужели её подруга додумалась подстраховаться: в дверях стояла толпа армян, глазами они сканировали зал, а потом так же ответили Лере приветствием. Она указала им в сторону нужного столика, оказалось, тоже успела заметить компанию мужланов, которые пристроились возле Ани. Вот, наконец, можно вздохнуть с облегчением, тем более, среди движущихся к их столику мужчин, Аня уже успела разглядеть знакомые лица. Только вот незваные гости ещё не уловили всю трагичность ситуации, вместе с лысым и мордатым поклонником Леры, их было всего трое, против шести грозных, черноглазых красавцев. Как только Горячие парни подошли, никаких дополнительных объяснений не потребовалось, мужланы даже извинились, кто бы мог подумать, что умеют, и тихо попятились назад. Вместе с вновь прибывшими, стол быстро заполнился не только напитками, но и самыми разными закусками, теперь-то уж точно в гордом одиночестве им с Леркой скучать не придётся. А потом Арсен прямо на руках доставил Леру к столу, они о чём-то шептались, и Аня смогла отвлечься на себя любимую и выискать среди мужчин пару на сегодняшний вечер.

— Пошли лучше потанцуем.

Арсен дёрнул её за руку, не давая прикоснуться к бокалу. Все желающие уже спели, ди-джей включил лёгкий итальянский мотивчик, приятную тягучую мелодию, которая обволакивала своей нежностью, можно было прижаться друг к другу и смотреть глаза в глаза. Все движения страстные, властные, выдавливают её боль наружу, а он принимает её и взамен отдаёт ощущение свободы.

— Смотри, как танцует, он так глазеет, словно на Валерии Павловне одно нижнее бельё.

На проходах было пусто, танцевала только одна пара, поэтому взор Кристины снова вернулся к интересующей теме, она с завистью рассматривала парочку, отмечала их прикосновения, на расстоянии чувствовалось напряжение между их телами.

— А ты и взгляд разглядела? — Посмеялся Райковский.

— А там и смотреть нечего, вон, как зажимаются. — Кивнула в сторону танцующих, но Синицкий оборачиваться не стал, кулаки только сжал сильнее, знал, если обернётся, не выдержит. — Хотя, чего это я, после того, что она с Прохоровым выкинула ничему вообще удивляться не стоит.

— О чём ты?

Синицкий заинтересовался, даже замаскировать свой интерес забыл.

— О том, что она с Прохоровым переспала. Это все знают. — Удивилась Кристина и глянула на улыбающегося Райковского.

— Да, я тоже слышал.

Подтвердил тот и Синицкий стиснул зубы. По взгляду стало ясно: его тоже стоит посвятить, Кристина даже улыбнулась такому интересу — отличный повод досадить Снежной, которая в глазах её жениха чуть ли не идеал нравственности.

— Это ещё до моего приезда произошло, мне только потом девочки рассказали, — предупредила она. — Так случилось, что Прохоров, чтобы Валерии Павловне отомстить за её назначение, поспорил, будто переспит с ней в ближайшее время, а потом ещё и снимки подтверждающие предоставит, а она об этом узнала. Сразу же все его ухаживания приняла и уже через неделю они легли в одну постель. А на следующее утро снимки обнажённой Снежной были разосланы всем сотрудникам, без исключения. — Синицкий сжал кулаки, мечтая разобраться с Прохоровым, но Кристине ещё было что добавить. — А чуть позже выяснилось, что Прохоров тут ни при чём, а это сама Валери Павловна так сделала.

— Что за бред?

— А она сама в этом призналась, когда Прохоров клялся, что это не он. Оказалось, что Владимир Сергеевич успел влюбиться и о споре своём и думать забыл. А когда она ему это рассказала, будто всё знала, то по офису разлетелись уже его фотографии, причём в самый интимный момент. Смеялись все, а он продолжал ходить и уговаривать Валерию Павловну простить его, представляешь? Наш чистоплюй Прохоров, после такого позора продолжал за ней бегать.

— И что? — Напряжение Синицкого не спадало, глаза уже налились непонятной злостью, но Кристине всё только на руку.

— Ничего. Я, конечно, акта примирения не видела, но то, что потом они всегда вместе приезжали и уезжали — это правда. И на сделки вместе, и домой, и утром на работу. Да-а, а казалась такой приличной.

— А теперь что, неприличная?

— А ты сам не видишь? В стельку пьяная, подцепила в баре первого встречного мужика и наверняка с ним уедет. Да и подружка её хороша, смотрите, как улыбается остальным. Кстати, кто это, лицо знакомое?

Кристина, кажется, задумалась, а Игорь и Саша одновременно посмотрели в сторону интересующего столика.

— Да ты что, не узнала? Это же та самая модель, Розанна Соловьёва, они с Леркой подружки закадычные. — Выдал Райковский, словно это ни для кого не секрет.

— Так просто? Подружки? А я-то думала. А ещё такое лицо сделала, словно я недоразвитая, когда объясняла, что Соловьёва эта ничего общего с нами иметь не желает. Теперь-то всё ясно!

В этот момент Райковский неприятно скривился и потёр ногу под столиком, видимо, предварительно получил по ней от Синицкого, чтобы не трепался.

— О, уходят! Мало ей сегодня не покажется! — Ухмыльнулась Кристина на Леру, которая направлялась к выходу в сопровождении четырёх мужчин.

Тут уже Синицкий не выдержал, коротко кинул Райковскому грозный взгляд, а сам направился вслед за уходящими. Перед собой ничего не видел, а когда компания на улицу

вышла, и вовсе бегом бросился вдогонку, чувствовал, что сердце вот-вот остановится. Если с Лерой что-то случится, он себе этого никогда не простит. Догнал их уже на улице, они спокойно стояли у входа, обсуждали кто и на чём поедет. Леру резко за руку дёрнул, останавливая, а на мужчин смотрел предостерегающе.

— Ты думаешь, что творишь?! Поехали, я отвезу тебя! — Зло проговорил, не сводя глаз с сопровождающих.

Но и Арсен не растерялся, тут же Леру спрятал за свою спину и шагнул вперёд.

— Руки приberi!

— Она поедет со мной. — Не успокаивался Синицкий и снова взглянул на Леру, которая с лёгкостью наблюдала за происходящим. — Иди сюда.

— Девушка сама решит.

— Эта девушка уже пол-литра назад ничего решить сама не могла!

Со стороны картина жуткая: нависающий Синицкий, противостоящий ему Арсен. Последний явно уступал и в росте, и в габаритах, но Лера знала наверняка, что в драке он опасен и бесстрашен. Арсен был парень хоть и крепкий, чуть выше самой Леры ростом, спортивный, широкий в плечах, но от двухметрового Синицкого точно бы не один раз получил. Ситуацию усугубили так называемые братья Арсена: на улицу вывалились не только его друзья, но и ещё несколько человек близкой национальности, назревал межрасовый конфликт. За спиной Синицкого так же появилось несколько бравых молодцов и, казалось бы, пусть этот гад по морде получит, вот только остальных жалко, поэтому Лера изящно выскользнула из-за плеча друга и своими руками прикрыла его сжатые кулаки.

— Ребята, ребята, вы чего? — Шутя пыталась выговорить она. — Это же Сашка, мой большой босс, он всегда знает как лучше.

Синицкого тем временем она уже толкала от толпы подальше, а всем остальным, не участвующим в конфликте, широко улыбнулась и предложила примирительную за её счёт.

— Арсен, не волнуйся, он меня отвезёт. — Говорить пыталась спокойно и уверенно, чтобы уж точно никаких сомнений не оставалось.

— Ты точно его знаешь? — Он пытался поймать пьяный взгляд, но ничего не выходило.

— Всё хорошо.

Лера улыбнулась, хотела уже развернуться, когда Арсен крепко схватил её за затылок и притянул к себе.

— Позвони, как доедешь. — Быстро шепнул ей на ухо он и тут же отпустил. В сторону Синицкого полетел недобрый и строгий взгляд, который, скорее всего, был расценён не правильно и мужчины снова спешили надуть грудь колесом.

— Идём. — Развернула Лера Синицкого за руку и увела в сторону. — И куда мы вообще идём, машина твоя где?! — С неподдельным возмущением вспомнила она, и ту же муж повёл её в нужном направлении, противоположном, надо сказать.

По дороге до автомобиля непрестанно читал лекцию по поводу её аморального поведения, иногда даже прикрикивал, но лёгкие усмешки в ответ на всё это заставили замолчать. Он не мог понять, как можно так опрометчиво поступать.

— Тебе что, жить надоело? Ты хоть думаешь, что они могли с тобой сделать?!

— Синицкий, не зуди, я вот ещё не проснулась, а голова уже раскалывается, и всё это из-за тебя. Тебе меня не жалко, так чего я себя жалеть буду. Я живу так, как хочу. И трахаюсь с кем хочу. И я не понимаю, что тебя в этом не устраивает?

Синицкий резко развернулся и схватил своими ручищами за хрупкие женские плечи,

сильно тряханул, приводя Леру в сознание, но когда снова увидел её смеющиеся пьяные глаза так же резко и отпустил. Усадил в машину и повёз домой, бросив ещё несколько грозных взглядов в её сторону, но Лера уже его не замечала: уткнулась лбом в стекло и, казалось, уснула.

Глава 8. Двенадцать лет назад

— Когда я вижу, как ты танцуешь, малыш ты меня волнуешь. Когда ты смотришь так серьёзно, малыш, я тебя люблю. Когда ты робко меня целуешь, малыш ты меня волнуешь. Но не могу, не могу, поверь, не могу.

Весёлые девичьи голоса звонко разливались по всему залу только что открытого караоке-клуба. Девушки были слегка под шафе, строили друг другу рожицы и красиво двигались в такт музыке. Из толпы выделялась одна особо развязная, и слишком уж активная, с длинными каштановыми волосами. Она не казалась пьяной, но старалась полностью соответствовать подругам. Вызывающие движения, стреляет глазками, но при этом никого конкретного не выделяет и вряд ли хочет зацепить. Компания молоденьких девочек-моделей из пяти человек, уже давно приглянулась серьёзным мужчинам в углу зала, но только теперь они решили подойти и познакомиться. Когда мужчины приблизились к столику, оказалось, что такое же желание возникло не только у них: с противоположной стороны зала к этим же девушкам направлялась другая группа мужчин в кожаных куртках, с бритыми затылками. Девчонки в это время продолжали петь и веселиться, ещё не ощутив того напряжения, которое повисло с обеих сторон от них. Как только прозвучали финальные аккорды, девушки начали усаживаться за свой столик, и оживление в зале теперь не заметить было нельзя.

Это было беспокойное время, когда бандитские группировки уже успешно переквалифицировались в бизнес-артели, но её участники всё ещё продолжали жить по законам джунглей. Так было и в этот раз, причём мнение девушек, которые вовсе и не собирались ни с кем знакомиться, не учитывалось в принципе. Уже через минуту вокруг столика образовалось плотное кольцо из противоборствующих сторон, небольшая словесная перепалка быстро переросла в драку, девушек от себя старались не отпустить, но и уступать их никто не собирался. Женские крики, звон бьющихся бутылок, паника...

Лера из плотного кольца выскочить не успела, смогла только голову руками прикрыть, и глаза закрыла от страха. Вокруг стойкий запах алкоголя, мужские тела сдавливают со всех сторон, тяжёлые кулаки, раз за разом пролетают в сантиметре от её головы, громкие крики и маты перекрывают друг друга. Как вдруг чья-то сильная рука, резко потянула её в сторону. В ту же секунду в лицо ударил поток холодного воздуха, мужчина, идущий впереди, тянул за собой и не оборачивался, они шли через кухню, к чёрному ходу. В том, что это был именно мужчина, а не парень, Лера почему-то была уверена, хотя видеть могла только широкую спину. Не пойти с ним и попытаться выдернуть руку, в голову ей не приходило, то ли шок от только что произошедшего, то ли страх, от понимания того, что так она вряд ли сможет от него уйти. Он двигался широкими уверенными шагами, не останавливался, и только выйдя на улицу и пройдя так несколько зданий вдоль дороги, Лера смогла опомниться: она идёт за незнакомым мужчиной в неизвестном направлении, только тогда свою руку на себя дёрнула, останавливаясь.

— Хочешь назад?

Грубо рывкнул тот и потащил Леру к автомобильной стоянке.

— Садись. — Приказным тоном проговорил мужчина и чуть ли не силой втолкнул её в

машину. Сопротивляться может и стоило бы, но как-то спорить не хотелось, больно уж грозный у него голос.

Мужчина сел за руль и резко сдвинулся с места, смотреть на него Лера опасалась, внутренний голос подсказывал, что это может быть один из тех, кто затеял драку, а значит, лучше помолчать. Но всё это доводы здравого смысла, которому сознание вскоре подчиняться перестало, первый шок отпустил, и Лера затряслась от страха.

— Останови машину. — Дрожащим голосом прошептала она.

Мужчина не отреагировал, даже не глянул в её сторону, тогда она попыталась дёрнуть за руль, но оказалось, что пристёгнута ремнём безопасности, и никакого усилия приложить не удалось. Самое интересное, что то, как она пристёгивалась, из памяти стёрлось напрочь. В панике она начала отстёгивать этот ремень, вторая рука хваталась за дверную ручку, машина дёрнулась и остановилась.

— Тебе жить надоело?! — Снова крикнул мужчина, и теперь уже всё своё внимание направил на неё.

— Куда ты меня везёшь? — Прокричала Лера в слезах и из машины выскочила, отошла на несколько шагов, и остановилась. Сквозь слёзы не было видно, где они находятся, куда идти — не понятно, зачем — тоже, девушка поёжилась от холода, прикрыла лицо руками и отвернулась от проспекта. Стояла так, пока не почувствовала присутствие мужчины за своей спиной.

— Скажи адрес, и я отвезу тебя домой. — Ровным тоном произнёс он.

— Как я могу поехать домой? Вот так? — Кричала Лера, попутно демонстрируя свои трясущиеся руки.

— И что же мне тогда с тобой делать? — С лёгким смешком уточнил незнакомец и положил широкие ладони на её плечи. Дрожать Лера тут же перестала, по крайней мере, от холода. Она вообще замерла, понимая, что никто ничего плохого делать ей не собирается, но чего тогда он от неё хочет — не понятно. А, может, и собирается, но строит из себя добренького дяденьку. Вот чёрт, она одна неизвестно где стоит с неизвестным ей мужиком, и теперь он надёжно держит её за плечи! Страшно. Просто страшно, больше пока ничего в голову не лезет.

Она нашла в себе силы и повернулась, первое, что увидела — это огромные смеющиеся голубые глаза. Даже не сразу поняла, кто это, до этого момента казалось, что рядом совсем другой мужчина: страшный и опасный. А оказалось — вполне милый, симпатичный человек, со светлыми волосами, которые в свете фонаря казались немного золотистыми, возможно, выгорели на солнце, только габариты действительно оказались внушительными. Он был около двух метров высотой, широкоплечий, сбитый такой, вряд ли накачанный, скорее всего, просто такое телосложение. Он стоял совсем рядом и улыбался и всё это в то время, когда Лера буквально открыв рот его рассматривала. Когда насмотревшись, она перестала издавать непонятные звуки, и вообще вся подобралась, встряхнула головой и расправила плечи, он улыбнулся. Так заразительно, ну просто ангел во плоти... и откуда у таких суровых мужчин берётся такая очаровательная улыбка? Словно и не он на неё только что кричал.

— Саша. — Он протянул руку и немного приподнял брови, когда Лера замешкалась и не сразу ответила на этот дружеский жест.

— Лера... — Робко проговорила она и тут же округлили глаза. — А ты кто?

— Наверно, случайный прохожий.

Саша улыбнулся улыбкой Чеширского кота, чем сразу отбил всё недоверие к своей

персоне.

— Ну что, Лера, домой мы не хотим... что тогда?

Напряжение неожиданно спало, веки стали тяжёлыми, ничего этой улыбке Лера противопоставить не смогла, поэтому тут же сдалась и пожала плечами.

— Я не знаю.

— Тогда пойдём со мной.

Саша снова взял за руку и потянул на себя, но Лера встрепенулась и напряглась, а как только врезалась в огромное и горячее тело, подняла к нему глаза, а в них по-прежнему смех.

— Куда?

— Есть здесь одно местечко, — он хитро улыбнулся и глазами пытался что-то внушить, — тихое, так сказать. Посидим, ты успокоишься.

— А потом? — Всё с тем же недоверием уточнила Лера. Недоверие это мягко сказано, весь рассудок и здравый смысл просто кричали о том, что доверять этим глазам нельзя, да и кто он такой, чтобы просто так тратить своё время на обычную прохожую. Не верила, ни единому слову не верила, но отказаться не смогла.

— А потом будет потом. — Весело отозвался он, отлепил её от своей широкой груди и немного подтолкнул вперёд.

Пошла. И понимала ведь, что идти не стоит, но интуиция по этому поводу молчала, а нездоровый азарт, который зародился глубоко внутри, жаждал приключений на одно место. По дороге Лера выяснила, что новый знакомый Саша к браткам из бара отношения не имеет, он просто ей помог, без всяких «но» и без корысти. А сейчас вроде бы по своей доброте душевной пытается снова помочь: отвлечь от грустных мыслей. Конечно, доброта душевная, только глазки буквально пожирают её, наверняка уже успел оценить и грудь, и задницу, и мордашку смазливую. Такие экземпляры, как он, в принципе ничего просто так не делают, а уж тем более для красивый и беззащитных девушек. Но Лере он нравился, вот, просто так, на первый взгляд, только по его внешним данным, да и не испугался, когда решил её защитить, а ведь мог и сам серьёзно влипнуть. На вид ему было лет тридцать, может, чуть меньше, но вёл он себя как студент: лёгкий и открытый в общении, быстро нашёл к Лере подход, и через полчаса, глядя со стороны, их можно было принять за лучших друзей. А сама Лера так быстро переключилась на нового знакомого, что и забыла, что дома ждёт бабушка, из-за которой, в принципе, и нельзя было появляться в состоянии паники. Они уже сидели в баре, по-прежнему что-то бурно обсуждали, Лера ловила на себе его пытливые и не всегда скромные взгляды, но никакого рукоприкладства не было, и это радовало. С четырнадцати лет она работала в модельном бизнесе, и за три года достаточно общалась с мужчинами, чтобы понимать, что им нужно и как они этого добиваются. Саша же, умудрился выбиться из сложившегося стереотипа, чем сразу привлёк внимание и заработал свой второй плюсик (первый был, когда он спас Леру в баре). Вот так, слово за слово, и договорились до того, что поспорили, кто больше выпьет.

— Я не пью, потому что не пьянею. — С уверенностью заявила Лера и прищёлкнула языком. Представила, какой обезьяной может выглядеть со стороны, но вошла в раж и остановиться не могла, а новый знакомый останавливать её и вовсе не собирался, рассматривал как редкий экземпляр и потешался, не скрывая этого.

— Сейчас мы это и проверим. — Так же уверенно ответил Саша, правда, слишком уж хитро улыбнулся, было заметно, но отступать некуда.

— Только глупо пить просто так, если спорить, так спорить, только вот на что?

— Предупреждаю сразу, с барышень я денег не беру.

— Значит, на желание.

Лера тут же протянула руку для закрепления спора, но Саша с ответным жестом помедлил. Можно было потешить своё самолюбие и подумать, что прикидывает, справиться ли, но Лера всё ещё рассуждала здраво и понимала, что он пытается принять решение, связываться ли с девчонкой вроде неё или поскорее отвезти ту домой и продолжить вечер в другой, не менее приятной компании. Что ж, у нового знакомого тоже азарт играл, руку он всё-таки протянул, правда, сжал её настолько крепко, что стало не по себе. А когда резко на себя потянул, заставляя полностью поддаться его воле, Лере пришлось в барную стойку руками упереться, чтобы не свалиться со стула, и прямо в ухо выдохнул, то и вовсе страшно стало, что всю эту игру затеяла.

— Только не обещаю, что моё желание будет приличным.

Его шёпот пробирал до мозга костей, мелкая дрожь прошла вдоль позвоночника и потерялась где-то внизу спины, но нужно было держать марку, и с этим Лера отлично справлялась. Да и что такого страшного он может захотеть? Секс? Вполне возможно, только вот эта мысль не дошла до места назначения и вообще, в первый момент показалась вполне интересной, и даже заманчивой. А что, почему нет? Да и хочет он её, видно же, только скрывает, или не скрывает, а просто не показывает это так явно. Ощущала себя как-то странно, осмысливая всё это, словно и не она, а совершенно чужой, незнакомый человек, но от таких мыслей приятно потянуло внизу живота. Ощущение, надо сказать, не новое, но от этого не менее интригующее.

— А я не волнуюсь, оно тебе не пригодиться. — Оттолкнулась от него, в глазах азарт, прикусила губу, специально, чтобы подразнить и он попался, его зрачки расширились, и дыхание едва заметно сбилось с выстроенного ритма, но тут же он опомнился и снова ей улыбался.

Она первая с силой стукнула по барной стойке, привлекая внимание, и соревнование началось. Что пили, для Леры оставалось загадкой, Саша договаривался: вроде и не водка, но такой же мерзкий напиток, обжигающий все внутренности. После третьей рюмки в своих силах усомнилась и тут уже не понятно, то ли это именно этот напиток так на неё действует, то ли усталость сказывается, то ли практиковаться ей следовало не на шампанском. Одним словом, её понесло.

— Так не честно, ты в три раза больше меня, значит, и выпьешь больше.

— А чем ты думала, когда спорила?

Широкая улыбка посетила его лицо, и, казалось бы, к чёрту весь этот спор, хорошо ведь сидят, но нет, гордость не позволит сдаться без боя, тем более, Саша уже готов уступить и выпивать двойную порцию за один подход. На том и согласились, только вот Лере это мало чем помогало, она так и чувствовала, как сознание покидает её неразумную голову. Они перекидывались острыми шуточками, игра взглядов трезвых людей уже давно бы заставила покраснеть, вокруг собралась толпа зевак, которые были в курсе дела и старались подбадривать непримиримых соперников. По поводу чего собрались, все знали, вот только мало кто мог объяснить, что такая юная девушка, с шикарными каштановыми волосами, собранными в аккуратный хвост, в элегантном платье с весенним узором, в туфлях на высоком каблуке, делает в этом злачном месте, да ещё и в компании подозрительного типа. Объяснить это действительно никто не мог, но от этого становилось лишь интереснее, тем более с каждой рюмкой девушка становилась развязнее, не скупилась на выражения и уже не

казалась такой милой, как в самом начале спора. Наверно теперь она больше подходила этому месту, этой компании и тому напитку, который так легко глотала. Когда в глазах реально начало двоиться, Лера сдалась.

— В меня больше не влезет, честно. — Она жалобно посмотрела, но должного эффекта этот взгляд не произвёл, соперник остался невозмутим. — И вообще, ты жульничал!

— Каким это образом?

— Ты наверняка хролон... хронический алкоголик, и это для тебя вообще не доза.

— А какая разница, если ты не пьянеешь? — В азарте Саша наклонился слишком близко, так, что их губы практически соприкасались. Почувствовали это оба, но никто не пошёл на попятную.

— И всё равно ты жульничаешь! — Раздосадовано повторила Лера, и больше ничего объяснять не утруждалась.

Вновь его улыбка... голубые глаза. Он быстро расплатился, схватил свою очаровательную соперницу в охапку, и они вышли на свежий воздух. Алкоголь сделал своё дело, Леру развезло не на шутку, и после нескольких неудачных попыток защекотать этого жулика, её было решено повесить на плечо, как куклу, чтобы не мешалась.

— Да стой ты...

Сначала Лера слышала свой смех, то, что он её сомневаться не приходилось, слишком уж близко раздавался. Только потом глаза открыла и увидела, как Саша возится с ключами от квартиры, другой рукой пытается придержать её, но не совсем удачно, поэтому уже начинает нервничать и тормозить её сильнее.

— А мы где?

Трезвость мышления вернулась так же быстро, как и покинула её голову. Незнакомая входная дверь, чужой подъезд и огромная цифра, обозначающая восьмой этаж.

— В подъезде, но если ты несколько секунд постоишь ровно, то будем в квартире.

Саша скорее ворчал, чем злился, но делал это забавно, настолько, что Лера даже не удосужилась прояснить, зачем он её сюда привёл, постаралась постоять самостоятельно. Дверь в неизвестность распахнулась, хозяйственный жест рукой и она уже в квартире. Саша включил свет, он оказался слишком ярким, в отличие от приглушённого подъездного и Лера рванула к выключателю, но снова не рассчитала силы и угодила прямо в распростёртые объятия. Через секунду, она была прижата к стене мощным мужским телом. Поняла это не сразу, а как только почувствовала, что лампочка больше не слепит. Глаза подняла и увидела перед собой его губы, наконец-то он не улыбался, но и не целовал. Склонился ещё ближе, так, что их носы уже соприкасались, но по-прежнему не целовал, дышал ровно и уверенно, словно и не хочет ничего, в глаза ему заглянула, а он и разрешения не ждёт, просто хочет, чтобы она первая сделала шаг. Нет, не угадала, он просто проверяет, стоит ли она на ногах, уже в следующую секунду Саша отстранился, но отойти не успел, Лера за распахнутый ворот рубашки притянула его назад, а он лишь головой покачал. Неодобрительно, но явно не расстроено.

— Малыш, ты меня волнуешь...

(К слову, это был первый и последний раз, когда Саша обратился с нежностью, точнее говоря, не по имени, а вот так просто, «малыш». Потом он говорил Лерка — когда злился, Лерчик — когда подлизывался или просто был в хорошем настроении. Но сейчас не об этом). Губы свои приоткрыл, криво улыбнулся, но так и не поцеловал. В голове прыгала

мысль, что ей всё это кажется и эта близость, и его дыхание, а иначе как объяснить, что он медлит? Снова посмотреть в его глаза не получалось, казалось он вот-вот рассмеётся и отправит спать, теперь это было дело чести, точнее говоря, бесчестия — не струсить, ведь не струсил, когда спорила с ним, теперь-то чего?.. Казалось бы, так просто: несколько миллиметров разделяют их губы, дыхание уже сливается в одно... Только сейчас почувствовала, как его руки сильно сжимают ягодицы, до этого казалось, что он едва-едва придерживает за талию, а может... так и было?.. Но сейчас точно ягодицы.

— Сама или тебе помочь?

Было сказано без смеха, но прозвучало как вызов, а в мозге, отравленном алкоголем, этот вызов сработал как красная тряпка на быка. Нужно было его обнять... когда эта мысль посетила голову, Лера поняла, что не знает, где сейчас её руки, попыталась ими пошевелить и ощутила, как те затекли, спрятавшись за спиной (сколько же так они стоят, что руки успели онеметь?). Они были тяжёлые, практически неподъёмные, и оттого в движении не было ни капельки нежности или романтики. Руки неподъёмным грузом опустились на его шею, пальцы вцепились в его волосы, которые оказались удивительно мягкими наощупь. Странно, но от этого прикосновения Лера задрожала сама, словно уже что-то интимное познала. Саша всё ещё ждал её поцелуя, не торопил, не давил, но его губы были так близко, что никакой здравый смысл, даже если бы хоть капелька его всё ещё оставалась, не помог бы. Первое робкое прикосновение, (его даже невинным назвать можно, если бы не происходящее далее), она едва прижалась к нему губами, даже на губы не попала, а коснулась уголка рта, так они замерли, он по-прежнему выжидал. Потом пришлось открыть глаза, чтобы убедиться, что всё правильно, что он не смеётся. Один взгляд этих голубых глаз и о любых сомнениях можно забыть. Пристальный, прожигающий, заставляющий замирать, задерживая дыхание.

Лера почувствовала, как его руки поднимаются по телу выше, волна жара поднимается за ними следом, вот он провёл языком по её нижней губе, взгляд при этом не отпускает, словно гипнотизирует. Не романтика, нет, просто момент, требующий особого внимания, и он закончился. Грубый, глубокий поцелуй, на который даже должной реакции не последовало, она просто его приняла и только сейчас поняла, что всё это уже не игра. Его жадные губы впиваются в её, язык исследует её рот, словно решил устроиться там надолго, подготавливает почву, что ли, секунда на вздох и ещё один, более глубокий поцелуй, который не даёт опомниться и всё больше погружает в безумие. Его широкие горячие ладони исследовали тело, поцелуй долгий и страстный, он не отпускает ни на секунду, словно потерять боится. Приятное тепло прошлось по ягодицам, даже не сразу понятно стало, что это его руки. Что-то непонятное, наверно, вездесущий здравый смысл, пытается выяснить где же платье, но нет, платье на месте, только Лера точно помнила, что они слишком узкое, чтобы вот так просто подпустить чужие руки так близко. Как только рука упёрлась в её бельё, Саша улыбнулся, только Лера не сразу уловила смысл этой улыбки, а когда большой палец проворно проник к её влажной разгорячённой плоти, стало ясно: она мокрая, мокрая настолько, что несчастные трусики можно выжимать. Лера не раз от подруг слышала об этом тревожном и таком явном показателе женского желания, и о том, как оно заводит мужчин, что ж, теперь сможет удостовериться в этом на собственном опыте.

Он нежно поглаживал влажные складки, никаких резких движений, хотя на романтика был похож слабо, скорее всего, просто боялся спугнуть чрезмерным напором, хотя для себя Лера уже чётко осознавала, что вряд ли что-то может её сегодня испугать, тем более, когда

она под таким количеством допинга. Завтра, вполне. Может, она даже будет об этом сожалеть, но сегодня... сегодня ни за что! Через несколько минут стоять в проходе Саше надоело, он дёрнул Леру на себя, отрывая от стены, к которой она, казалось, уже приклеилась. Шли, не прерывая поцелуй, даже отдышаться было некогда, вот-вот сознание потеряешь. Он расстегнул молнию на платье, груди стало легко и свободно — справился с бюстгальтером, так быстро и ловко, что некоторые девушки бы позавидовали. Он осторожно расправил платье ближе к плечам, оголяя спину, целовал шею, на несколько секунд спустился к груди, Лера послушно откидывала голову назад, демонстрируя интересующие его участки своего тела. Прикосновения его языка... наверно они были приятными, но когда он довольно грубо и безжалостно прикусил сосок, оттягивая его, из горла вырвался громкий стон.

Не было больно, хотя, наверно сразу было, но ощущение, которое поселилось после, когда он этот сосок отпустил, было незабываемым. Лера чувствовала, как наслаждение чёткой волной направляется от её груди к самому низу живота, заставляя его поджаться и судорожно подтянуться. Одна его ладонь успокаивающе гладила спину, другая тяжело опустилась на бедро, и грубо поднялась вверх. Как раз на талии и обнаружилось платье, которое никак не желало находиться в коридоре, оно сгрузилось в широкую линию и сейчас казалось самым, что ни на есть лишним атрибутом. Большой палец подцепил кружевное бельё, стягивая его ниже, при этом вся остальная ладонь тесно прижимала нежное тело ближе к его паху. Очень странно, но никакой опасности Лера при этом не ощущала, хотя ей было просто не до этого. Она надёжно вцепилась обеими руками в его широкие плечи только для того, чтобы не упасть с высоких каблуков, которые опасно покачивались, ведь под напором мужского желания приходилось отступать. Трусики безвольно упали на пол и их благополучно переступили. Наконец, дошли до кровати, и, наверно, можно было уже расслабиться, но Лера неожиданно для себя напряглась. Она вдруг почувствовала, что теперь абсолютно голая, и в полуметре от неё раздевается этот мужчина, с которым познакомилась несколько часов назад. Она смотрит, как ловко он снимает рубашку, расстёгивает брюки, или это джинсы, непонятно только то, почему её сейчас волнует, какой конкретно это атрибут одежды. И он снимает трусы это... наверно это должно быть страшно, но нет, это жутко возбуждает, Лера тут же почувствовала жар, который подкатил к её лицу, нет, только не это... она смущается... Кто бы мог подумать! Хорошо, что Саша не включал свет, очень не хотелось сейчас глупо выглядеть. А потом он зачем-то мучает её ноги... ах, да, босоножки, куда же без них? И вот он наклонился и уверенным движением развёл её колени в стороны. Пора бы начать паниковать, но его поцелуй отбил это желание. Несколько ловких движений, он на секунду отстранился, но Лера уже не поднимает голову, слышен шелест фольги... Какая же она дура! Хорошо, что сейчас рядом мужчина, а не сопливый ровесник, Саша и о безопасности позаботился. Чертыхнулся пару раз, наверно, что-то не так, но потом вернулся к её губам. Его рука опустилась к лону, с первого раза нащупала комочек наслаждений, и пальцы уверенно надавили. Сказать, что ощущение новое, это ничего не сказать, кроме всего прочего, оно до ужаса приятное, всё тело разом заныло, и она выгнулась навстречу его пальцам в надежде быть ближе, ощущать его тело, его прикосновение. Несколько успокаивающих лёгких поцелуев, которыми он осыпал её шею, грудь, живот, а потом его движение, которое вызвало такую же резкую боль.

Наверно, она даже простонала на выдохе, но этого точно не заметила, только обхватила Сашу руками сильнее. Вовсе не оттого, что хотела почувствовать его поддержку или что-то

иное в этом роде, нет, всё куда прозаичнее — нужно было схватиться хоть за что-нибудь, только бы перетерпеть это чувство боли. Он сделал ещё пару неуверенных движений, после чего над Лерой немного приподнялся, заглядывая в глаза. Неприятно ухмыльнулся, после чего прогнал ком из горла и легко так, непринуждённо заметил:

— Ты не против, если мы обсудим это завтра?

«Ага, конечно, как раз с этого утро и начнём... надейся! Помашу тебе ручкой и фамилии не спрошу» — подумала Лера при себе. Ответить вслух не смогла, но наверно согласие как-то отразилось на её лице. После чего Саша едва заметно улыбнулся и продолжил, только уже не так грубо, не так резко. Да и вообще, тот факт, что он после количества выпитого, а выпил немало, заметил это «событие», уже говорит о многом, а то, что ещё и в позы не ставил, делает его просто героем. Иногда он недовольно кряхтел и останавливался, было понятно, что именно поза его и не устраивает, но потом понимающе улыбался и с новыми силами рвался в бой, только ножку Леры повыше на поясицу закидывал.

Вскоре сознание уже отказывалось работать, но Саша ещё полон сил и его этот факт вряд ли смутил, поэтому Лера и не могла потом вспомнить, было ли это раз... или, может, подвиг был многократным. Чётко помнила только напряжение, которое сконцентрировалось где-то глубоко, как только его пальцы коснулись клитора вновь, а потом это напряжение резко вырвалось наружу, заставляя тело судорожно сокращаться. В любом случае, секс был, а это уже факт.

Глава 9. Двенадцать лет назад

То, что свои силы в плане ухода ранним утром Лера переоценила, она поняла слишком поздно — когда гостеприимный хозяин квартиры пытался её разбудить. А будил он не слишком нежно, точнее говоря, ни о какой нежности вообще речи не шло: Саша самым наглым образом срывал с неё одеяло, приговаривая при этом что-то вроде «пора на выход». Говорил он, конечно, не так, но её мозг уловил именно такой смысл, а это означало одно: оказала услуги — и до свидания. Вскоре, правда, штурм прекратился, и стало тихо, можно было прислушаться и к себе. Было обидно, но чувство обиды отнюдь не первым послало импульс в мозг. Первыми отозвались мышцы внутренней поверхности бедра, которые просто кричали о том, что они устали трудиться прошлой ночью, ведь Саша так уютно устроился, и они с непривычки слишком долго были в напряжении и теперь гудели. Потом, наверно, должна была подступить тошнота, но глаза Лера раскрыть так и не смогла, положение тела не изменила, так что тошнота может и подождать. Следующее, что почувствовала — это как Саша взял её на руки и куда-то понёс, «наверно, на лестничной площадке решил оставить» — мелькнуло в голове. Неправдоподобно, конечно, но чего можно ожидать от первого встречного, который вместо «доброе утро», говорит «собирайте вещи, мадам». Пока её несли на руках, несмотря на тревожные мысли, Лера поддалась искушению и уткнулась носом в прохладные влажные волосы, действовала инстинктивно: подалась на запах какого-то приятного парфюма, то ли шампунь, то ли одеколон. Не знала наверняка, действительно ли она улыбнулась, почувствовав его тепло, или всё это происходило лишь на уровне подсознания, но было приятно, такое чувство удовольствия ни с чем не спутать. Всё прояснилось, когда резко обдало холодом — этот садист включил ледяной душ, вот тогда-то Лера точно проснулась, причём мгновенно. Отбиться от сильных рук не удавалось, поэтому и вырваться на свободу шансов не было. Он безжалостно направлял ей в лицо струи ледяной воды, заставляя задыхаться, отворачиваться, что угодно, только бы в себя пришла. Выход из

душевой кабины перекрыл своим могучим телом, руками удерживал в положении стоя, не позволяя уклониться.

— Ты с ума сошёл?!

— Что? Проснулась? — С издевательским смехом проговорил Саша и уже тогда пустил воду чуть теплее. — У тебя двадцать минут, потом приду и проверю, не уснула ли обратно. — Бесцеремонно рассмеялся он, и дверь кабинки захлопнул.

Остаться сейчас наедине с самой собой было не самой лучшей идеей, чувство стыда, наконец, посетило голову, да наверно и не только голову, но и всё тело, потому что оно горело так, что и холодная вода не могла его остудить. Всё, что сейчас хотелось сделать — это смыть с себя запах секса, вот только чувство греха с себя не смыть. Нет, с грехом Лера явно перебарщивала, это лишнее слово и его из списка преступлений на сегодня можно вычеркнуть, только вот стыдно от этого меньше не стало. С досадой она отметила на себе несколько синяков, особенно пострадали бёдра. Поаккуратнее не мог, что ли? Вроде и не сопротивлялась она, ан нет, это просто необходимость: свои отметины оставить на память. Следующим разочарованием стало отсутствие геля для душа. Мужской, конечно, был, но если Лера вздумает им воспользоваться, точно от бабушки просто так не уйдёт. Шампунь тоже имел слишком резкий запах, а вот обычного мыла под рукой не оказалось. Из душевой кабинки Лера вышла минут через пять, кожа была хоть и влажной, но уже чувствовалось, как она стягивается от жёсткой воды. Сейчас бы молочко для тела или хотя бы простейший крем, но вряд ли что-то такое может оказаться в его ванной комнате, поэтому единственное, что оставалось — это вытереться мягким полотенцем (а оно, на удивление, действительно оказалось до нелепости мягким).

Дома бы она рухнула на кровать, свернулась калачиком, и долго ещё лежала бы в таком положении, но здесь даже на это у неё нет дозволения, пора освободить жилплощадь. Мокрые волосы просушила полотенцем и завязала тугой хвост (на наличие в этой квартире фена и не надеялась, а судя по скудному набору банных принадлежностей, жил Саша один), дверь открыла, осмотрелась и быстро прошмыгнула в спальню, закрыла за собой замок.

Саша, судя по звону посуды, находился на кухне, что, конечно же, хорошо, вряд ли Лера пережила ещё одну демонстрацию своего обнажённого тела, вполне достаточно и утреннего бонуса. На кровати обнаружила аккуратно разложенное платье и бельё, даже немного смутилась, когда задумалась, с какими мыслями Саша всё это делал, да и вообще, зачем он это делал. Быстро оделась и уже собиралась с духом, чтобы покинуть место преступления, вдруг подумала, что Саша захочет её остановить и сказать какую-нибудь гадость, или не гадость... всё, что он сейчас может сказать будет воспринято в штыки, хотя бы оттого, что она для него девушка на одну ночь. Мимо кухни прошла быстро и даже подумала, что незаметно, туфли, аккуратно пристроенные на полке для обуви, взяла в руки и принялась отпирать замки.

— Лера, не ломись, всё равно не откроешь. — Послышалось из кухни и стало невероятно стыдно, снова залилась краской.

Саша появился в проходе и тут же потащил за собой, на свет божий, спасительная темнота коридора закончилась.

— Садись, я кофе сварил.

Саша стал у окна, прислонившись к подоконнику, сам уже держал в руках малюсенькую кофейную чашечку. Лера села на заранее подготовленный для неё стул, но кофе пить не спешила, он её вообще интересовал мало, хотелось поскорее уйти, но призрачные надежды

на это таяли с невероятной скоростью. Она чувствовала на себе изучающий взгляд (нашёл время!), словно вчера не насмотрелся, чертыхнулась про себя и с вежливой улыбкой посмотрела на первого в своей жизни мужчину.

— В чём дело? — Ехидно, но, не прекращая улыбаться, уточнила Лера.

— Любуюсь. Это татуаж?

— Что?

— На лице, татуаж? Выглядит очень естественно, тебе идёт.

— Спасибо.

— И ресницы не красишь?

— Зачем? Они и так красивые, разве нет?

— Красивые. — Кивнул он и улыбнулся, наверно хотел подбодрить, но получилась слабо и эта улыбка отдалась очередной порцией жара на лице.

На этом первый поток глупостей Саши иссяк, и почему он вообще начал об этом говорить? Да, Лера не пользуется косметикой, перманентный макияж она всегда считала лучшим решением для девушки, которая на съёмках и показах от косметики опухала. Красивая линия губ и бровей, естественная подводка на глазах, а длинные, густые и жгуче-чёрные ресницы — прекрасное ко всему дополнение. К тому же, лишних хлопот не бывает: встала утром и уже красивая, это особенно нужно как раз в таких случаях, когда важно не упасть лицом в грязь. Как сегодня, например. Возмущало лишь то, что он это не смог рассмотреть вчера.

— В вечернем свете ты выглядишь взрослее, а сейчас ребёнок ребёнком. — Саша довольно рассмеялся, заметив нужное ему смущение и уже бодрее продолжил: — Тебе восемнадцать хоть есть, ребёнок?

Спросил он всё это с такой интонацией, словно ответ ему, в принципе, уже известен, да и от Леры он ожидал очередного эмоционального взрыва, возмущения, после чего, по законам жанра, она должна надуть губы и пояснить, что восемнадцать ей исполнилось несколько месяцев назад. Вот только Лера не надула губы, не возмутилась и вообще молчала, подтянула к себе чашечку с кофе, словно его пить собирается, покрутила, но так и не подняла. Улыбка медленно сползала с его лица.

— Лера?..

Ну вот, уже в голосе нотка неуверенности, за которую можно зацепиться, только цепляться не хочется, хочется поскорее отсюда сбежать и больше никогда не появляться. Лера гордо вскинула голову, открыто посмотрела в глаза и ровным тоном пояснила:

— Нет, восемнадцати мне ещё нет.

В ответ услышала лёгкий смешок.

— Ты сейчас серьёзно?

— Да, а что, есть разница?

— Представь себе, есть... статья другая.

— Какая ещё статья, перестань.

Несмотря на всю видимую непринуждённость разговора, и тон и взгляд Саши изменился, открывшимися обстоятельствами, он остался не очень доволен. Сам виноват!

— Почему ты мене не сказала?

— Я не обязана перед тобой отчитываться и вообще... открой дверь, мне пора!

Лера засуетилась, чем сразу себя сдала, всю свою нервозность и взвинченность, до этого терпела, а сейчас подскочила и постаралась принять вид посерьёзнее, но куда там. Теперь,

когда этот субъект считает себя вправе учить её жизни, спешить явно некуда. Саша одним лишь взглядом смог осадить всё возмущение, но дело было не в его серьёзности — взгляд был заинтересованный, он снова с ног до головы решил осмотреть Леру, да так в этом преуспел, что она себя голой под этим взглядом почувствовала. Вдруг ей так стыдно стало, ну прямо до слёз. И дело вовсе не в том, что она с ним переспала, более того, прикинув в уме, что к чему, Лера пришла к выводу, что если бы это знакомство затянулось подольше, то результат был бы тот же, правда, уже с другими чувствами. А вот сейчас смущает то, что она переспала с ним по пьяни, выставила себя девушкой облегчённого поведения, доступной и безотказной. Стало неудобно, да и выпускать её никто не собирался, пришлось обратно присесть за спасительный стол и отгородиться от любопытного взгляда. Локтями в стол упёрлась, но только лишь для того, чтобы прикрыть ими грудь, и при этом не привлечь ещё больше внимания. И вот именно это заставляло покраснеть под его взглядом, почему-то казалось, что сейчас он вспоминает, что было ночью, а через секунду она уже его окинула оценивающе. Правда, это заставило смутиться ещё больше: только сейчас Лера заметила, что Саша стоит в одних штанах. Футболку наверно замочил, когда с ней в душе боролся, да так и не переоделся. На шее и волосах ещё виднелись капельки воды. Его грудь привлекла больше внимания, чем она могла от себя ожидать, уже понимала, что Саша поймал этот её взгляд, но продолжала смотреть как зачарованная. Свободная от волос, рельефная, она выглядела очень эффектно, уже не было того ощущения о его тучном телосложении. Саша следил за своим телом, это бесспорно, подкачанные руки, сильный пресс, мощная шея... А ещё, ещё он очень красив, вот правда, вчера не рассмотрела, а сегодня такое открытие для себя сделала. Черты лица правильные, а глаза... глаза просто удивительного, чистого голубого цвета, ну, прям взгляд не отвести.

— Дать бы тебе сейчас по шее! — Наконец, выдал он и в некотором негодовании поставил чашку в раковину, она неприятно ударилась обо что-то металлическое, а, возможно, и разбилась. — Куда только родители смотрят?..

— Они карьеру строят.

— Оно и видно.

Его возмущению, а, точнее говоря, презрению, не было предела, такое чувство, что его кто-то обманывал! Что скрывать, ему вчера не было интересно, сколько его спутнице лет, чем она занимается, кто родители. Важно весело провести время, а сейчас в нём, видите ли, отцовские чувства проснулись!

— И нечего было меня сюда тащить!

Давно известный факт: лучшая защита — это нападение, а нападать, казалось, было за что.

— Интересно! — Ехидству этого мужчины просто нет предела, даже в такой ситуации пытается выкрутиться. — И куда, по твоему мнению, тебя нужно было доставить, если свой адрес ты называть отказалась, ссылаясь на бабушку, которая тебя больше на улицу не выпустит, в гостинице ты в таком состоянии никому не нужна. На улице тебя, под подъездом надо было посадить? Вот была бы забава для местных алкашей!

— Однако моё состояние тебя ничуть не смутило.

— Ну, извини, милая, на семнадцать ты точно не выглядела!

Вот теперь он разозлился и, спрашивается за что? Ему никто претензий не предъявлял, сам захотел поговорить, а теперь ещё и оскорблять принялся. Лера отреагировала молниеносно, не раздумывая вскочила, даже не переспрашивала и не спорила, просто стала

под входной дверью и всё. Саша вышел через минуту, за это время успел прийти в себя и успокоиться. Стал напротив Леры и ждал, пока она посмотрит, уже и улыбаться начал, бабник.

— Ну, извини, я не хотел тебя обидеть, правда. Ты очень хорошо выглядишь, просто ведёшь себя слишком уж по-взрослому, оттого и впечатление такое производишь.

Улыбка была виноватая, правда, легче от этого не становилось, а тут ещё и похмельный синдром подкатил, разболелась голова, и захотелось расплакаться.

— Открой дверь. — Максимально спокойно пыталась выговорить Лера, но его руки потянулись не к замку, а к её лицу. Лёгкое, едва ощутимое прикосновение, заставило поджать ягодицы и всем телом вжаться в стену. Его пальцы аккуратно провели по щеке, опустились на шею, грудь, ещё немного и он приставать начнёт, мало ему, видите ли, показалось.

— Я тебе не шлюха!

Руки его оттолкнула, своими руками ему в грудь упёрлась, почувствовала прохладную кожу под ладонями, и вдруг таким жаром окатило, что самой неудобно стало за эти ощущения. Руки тут же отняла.

— А разве я это сказал?

— А что ты сказал? Не успел проснуться, как на улицу меня выгоняешь!

— Какую улицу, ты чего? Ты сама под дверями стоишь.

— Да? А с какими словами ты будил меня?

— С какими? — Саша хитро улыбнулся, знал ведь, что Лера ничего не помнит, руки на груди скрестил и сам сделал шаг назад. — Лера, ты на часы глянь, почти два уже. Я просто переживал, вдруг тебе куда-нибудь нужно.

— Открой дверь.

Никакие оправдания её не устраивали, а когда о времени так деликатно напомнили, то и вовсе бежать захотелось, всё-таки бабушка ждёт. Саша замки открыл, дверь перед Лерой распахнул, но когда она выйти попыталась, рукой дорогу перегородил. И рука у него оказалась такой красивой, мужской, и ни капельки женственности, как у некоторых, Лера в неё грудью упёрлась, не ожидая такого подвоха.

— Ты обиделась на меня?

— Я о тебе уже забыла. — Фыркнула в ответ и руку его вперёд толкнула. — И кофе у тебя отвратный.

Высказала и бросилась вниз по лестнице, словно гнался за ней кто-то, а гнался за ней только Сашин смех, который ещё и добавил, что кофе у него отличный, а вот её настроение действительно не очень.

Из подъезда выбежала, пересекла двор, потом почему-то захотелось оглянуться, а когда это сделала — поняла, что не знает, из какого дома она вышла несколько минут назад, даже страшно стало. Попыталась поскорее все дурные мысли из головы выкинуть, по дороге домой набрала подругу Аню, уточнила, не звонила ли ей бабушка.

— В общем, если она сейчас позвонит, скажи, что я у тебя ночевала, а сейчас домой пошла хорошо?

— Хорошо, а где ты ночевала?

— Анька, не сейчас, правда. Расскажу при встрече.

Самое странное, что Аня, ничуть не удивилась такому звонку, словно Лера её об этом через раз просит, вот только всё это Лере показалось, так как Анька явилась к ней уже через

пятнадцать минут, с тортиком к чаю для бабушки и со свободными ушами для свежих новостей.

— Вот сплетницы, ночи вам мало было. — Пожурила девочек бабуля и тут же скрылась в кухне заварить чай. А подружки засели в комнате и, от греха, заперли дверь на ключ.

— Рассказывай. — С нездоровым азартом кивнула Аня и устроилась на кровати поудобнее.

Рассказала Лера всё в подробностях, но не только оттого, что похвастаться решила, но и, так сказать, опытом поделиться с подружкой. Они вдвоём из своего модельного агентства не целованными ходили, все остальные девчонки давно нашли себе спонсоров и теперь бед не знали. А теперь, значит, Анька одна оставалась.

— Так вот, куда ты вчера делась...

Аня хитро прищурилась, до этого не перебивала, слушала внимательно, только иногда позволяла себе улыбнуться. Вчера в баре они вместе были, только когда заварушка вся эта началась, в разных сторонах оказались.

— И что, он у тебя номер взял?

— Какой номер, Аня? Гульнул и хватит, ты не представляешь, как он смотрел, когда узнал, сколько мне лет. Таким взглядом окинул, словно я его жениться заставляю. В общем, я сомневаюсь, что мы ещё увидимся. Да и сама не хочу.

— О-ох, — Аня прикрыла рот рукой и округлила глаза, — а что ты теперь Боре скажешь? Он ведь тоже поцелуями долго сыт не будет.

— Вот знаешь, о Боре я сейчас вообще не думаю. И это странно. Вот, честно, пока ты не сказала, я о нём и не вспоминала. Это говорит о том, что я шлюха?

— Это говорит о том, что ты дура! Он отличный парень, тебе многие завидуют, а ты не думала.

— Было бы чему завидовать-то...

— Ну, он перспективный, согласишься, ещё год, два и его в приличную клинику работать пригласят, а там, с его-то умениями, о-о-о... дорога далеко лежит. А как смотрит на тебя, а? Как на объект обожания.

— Вот это меня как раз и пугает.

— Да, а тебе нравится, когда о тебя ноги вытирают? Так, что ли? Понравилось сегодня, небось? Ну, смотри, так всю жизнь и будут вытирать. Каждый получает то, чего хочет! (Вот именно эти Анькины слова Лера вспоминала, когда через два года из Москвы сбежала. Так и есть: каждый получает то, чего хочет. Наверно, она это и заслужила.)

— Я не знаю, чего хочу...

В дверь вежливо постучала бабуля, напомнила об остывающем чае, и о разговоре пришлось забыть.

Уже через несколько дней и вовсе не до этого было: Лере предложили сфотографироваться на обложку одного модного журнала, а это был билет в высший свет. Через месяц озорные глазки смотрели из каждого киоска, нашли они и Сашу.

— Так, девочки, через пять минут показ, покажите, на что способны!

Опытный модельер волновался как в первый раз, подгонял последние штрихи, внимательно осматривал аксессуары, правильность причёсок, всё должно быть идеально. Уже выстроил девушек в нужной последовательности, послышалась музыка, пора.

Ничего особенного, показ как показ. Лера почему-то чувствовала непонятную усталость, была раздражительна и придиричива к себе и к окружающим, всех заражала своим

дурным настроением.

— Ты чего на людей бросаешься, подруга?

— Да не знаю! — Лера с досады швырнула одну туфлю в декорации, закрыла глаза, успокаиваясь. — Такое чувство, что случится что-то. Арямо изнутри всю выворачивает.

— Ты что... беременна?

Стоило бы округлить глаза, но как-то не до этого, сама на мгновение испугалась.

— Нет.

— Ху-у, а что тогда?

— Просто так, наверно. Всё ведь хорошо...

В том, что всё хорошо Лера уже уверяла себя не первый раз, но помогало слабо, так и хотелось на кого-нибудь выплеснуть свои эмоции, только не на кого было, поэтому и бесилась. В гримёрку вошла и на пороге застыла: девочки бурно обсуждали просто невероятное событие, причина тому роскошный букет роз, а невероятное это событие именно потому, что цветы эти Лере и предназначались.

— Кому это такая красота? — По привычке поинтересовалась она, к цветам склонилась, чтобы вдохнуть аромат и тут же направились переодеваться.

— Так, это тебе... — Послышался чей-то растерянный голос за спиной.

Все знали, что Лера относится к списку неприкасаемых, к тому самому списку, в который входят любовницы уважаемых людей и «золотая молодёжь», у неё как раз второй случай — папа уже второй год возглавляет посольство России в Италии. Так вот, к таким «особенным» личностям, подкатывать мало кто решался, а зная взрывной характер Леры, ей никогда эти букеты и не передавали, только вот сейчас отлаженный механизм сбил.

— Цветы Лёвчик принёс.

Донеслось из толпы и Лера, забыв про переодевание, направились к своему агенту Лёве. Правда, в коридорах его не нашла, а скандалить в зале не решилась, пришлось проглотить свою обиду и вернуться. Быстро переоделась, вещи собрала и уже собиралась уходить, когда с Лёвой и столкнулась. Он стоял у столика с закусками (и нет в этом ничего удивительного, поесть на халяву он всегда горазд). Вновь всё внутри закипело, забурлило, даже и не заметила, что тот не один стоит. За руку его подхватила и быстро предложила выйти, пока она себя ещё сдерживает.

— Привет. — Послышался смешок за спиной.

Голос Лера не узнала, поэтому и повернулась абсолютно спокойно, глаза быстро пробежались по фигуре мужчины, оценивая дорогую обувь, красивый светлый костюм, а потом увидела голубые глаза, которые смотрят на неё в упор и смеются. Тогда в миг про Лёву забыла, даже не заметила, как тот ловко из её объятий вывернулся и скрылся в толпе.

— Ты?

— А ты кого хотела?

Саша произнёс эти слова с особой двусмысленной интонацией, сразу во рту пересохло, кровь прилила к щёкам, и теперь реально захотелось подышать. Лера неожиданно растерялась, ничего сказать не могла, опомнилась, только когда Саша её на улицу вывел. Небрежно держал её под руку, точно так, как она Лёву несколько минут назад.

— Как ты меня нашёл?

— Я соскучился.

— По нарам тюремным ты соскучился? — Огрызнулась Лера, когда поняла, что Саша приближается, уже нависает над ней, желая поцеловать.

— По тебе. — Абсолютно спокойно отозвался тот, на грубый тон не обратил внимания, невинно улыбнулся и даже не думал отступить. На своей коже Лера уже ощущала его дыхание, аромат одеколона, который почему-то показался родным.

— Что ты хочешь?

— Станный вопрос. Ты мне должна.

Его игривый тон не просто возмущал, он убивал наповал, взгляд наглый, улыбка во все зубы, а он ещё и по спине поглаживать успевает... и как Лера сразу его не рассмотрела?!

— Ты с ума сошёл?

— Вовсе нет. Помнишь, мы с тобой спорили, — его голос стал сладким настолько, что воздух вокруг становился липким, он смотрел прямо в глаза, и выдыхал в губы, — так вот, ты должна мне желание.

— Что?!

— А что? Я, как истинный джентльмен, уважаю твою попытку перепить меня, — тут он откровенно рассмеялся, чем испортил интимный момент, — и именно поэтому сначала исполнил твоё желание. А теперь, будь добра, исполни моё.

— Что?

— А что? Имею право.

— Моё желание? У тебя совесть есть?

Лера настолько сильно возмутилась этому заявлению, что забыла, насколько близко стоит к мужчине, который знает, что и как с ней делать, его наглости можно было только позавидовать. Даже сейчас, когда она почти кричит, он смирно стоит и ухмыляется. Он играл в свою игру, взрослый и опытный, на несколько шагов вперёд мог просчитать все слова, все эмоции, делал всё не спеша, смаковал. Стоял совсем рядом, вдыхал аромат её духов, но не прикасался, точнее говоря, в его прикосновениях не было ничего подозрительного, теперь он оставил в покое её спину и нежно придерживал за локоток, совсем как при первой встрече. Только взгляд, улыбка и горячее дыхание, которое уже слишком явно Лера ощущала на своей коже.

— У меня есть парень. — Увидела, как довольно улыбнулся Саша, и решила исправить. — То есть, мой любимый молодой человек.

— Любимый? А это уже интересно. — Саша теперь явно прикасался, обхватил Леру за талию, прижимая к себе ближе, и шептал на самое ухо, так, что поток воздуха от его губ приятно щекотал кожу, и по ней то и дело проносилась мелкая дрожь. — Что-то мне подсказывает, что я знаю тебя немножко глубже, чем твоё парнёк. Поехали со мной.

Он тоже перестал играть, дрожь в голосе на последних словах выдала желание, его грудь высоко поднималась на вздохе, прижимаясь к её груди, губы прижались к виску, нос спрятался в локонах волос.

— Решил на мне жениться?

— Думаешь, стоит?

— А почему нет? Сам же говорил, статья.

— Из меня получится плохой муж.

Лера кивнула, соглашаясь и нервно улыбнулась. Чему улыбалась и сама не знала, то ли тому, что он всерьёз воспринял её слова, то ли тому, что он этого не испугался. Саша отошёл от неё на один шаг, чтобы посмотреть в глаза, смотрел внимательно, практически неотрывно, потом как-то нерешительно протянул руку, приподнимая её подбородок.

— Только давай договоримся: свадьба будет не раньше, чем тебе исполнится

восемнадцать.

Показалось, что не шутит, и это уже пугало всерьёз, он продолжал смотреть и анализировать реакцию, а Лера вдруг снова принялась оценивать его внешний вид. И, надо сказать, не нашла ничего на первый взгляд отталкивающего. Выглядел Саша вполне достойно, презентабельно, хотя это не то слово, которым нужно описывать мужа, — ему безумно шёл этот костюм песочного цвета. Вдруг Лера заметила в нём упущенную ранее серьёзность и, хоть он и не переставал улыбаться как Чеширский кот, глаза его иногда оставались безучастными. Совсем как сейчас. Отвечать она ему ничего не собирается, но и не уходит, сама не знает, чего ждёт. А он выжидает, пока она всё это переварит, не смеет мешать. В реальность вернул бодрый голос Бори прямо у Саши за спиной.

— Малыш, а я тебя везде ищу.

Словно не замечая, он минул соперника и отвёл Леру в сторону.

— Привет.

Лера всё ещё не могла отойти от шока, это внезапное появление любимого запутало её ещё больше, чувствовала себя, словно нашкодивший котёнок, вела себя, к слову, так же. На секунду выглянула из-за широкого мужского плеча и увидела улыбающегося Сашу, он игриво подмигнул, одними только губами ещё раз напомнил ей про желание и ушёл, а внутри всё замирало. Почему-то показалось, что она помнит каждое его прикосновение, каждый поцелуй, хотя достоверно знала, что помнить этого не могла, а совсем рядом стоит Боря, который ни о чём не подозревает, что-то с энтузиазмом рассказывает, но Лера ни единого слова не слышит. Боря вообще отличный парень, красивый, спортивный, выпускник медицинского института, талантливый хирург. Если вот так просто смотреть, то и не найдёшь, к чему прицепиться, всем хорош, и Леру любит давно. Они живут в одном доме, раньше учились в одной школе, но из-за разницы в возрасте в пять лет и разности во взглядах на жизнь, практически никогда не общались. Только когда Лера из забавной девчушки превратилась в привлекательную девушку, они, наконец, сошлись. Было это два года назад, как раз, когда родители из страны уехали, да так быстро сблизились, что и сами не заметили. Только вот с интимом как-то не получалось, в ком точно Лера была не уверена сказать однозначно нельзя, но спешить не хотелось, всё ждала чего-то... пока не дождалась своего принца, который лишил девственности по пьяни, и наверняка, так же как и Лера, половины вечера и ночи не помнит. Вот и вся любовь.

— Лерочка, ты меня слушаешь? — Боря нежно потрепал её за щёку и улыбнулся. — Тебе надо отдохнуть, ты вся напряжённая. У меня отпуск в следующем месяце, может, съездим куда, а?

— Борь, не сейчас.

— Поехали домой, а то мне кажется, что ты всё сказанное пропустила мимо ушей.

Он всегда её понимал, он всегда принимал её точку зрения, если бы спросить об этом у человека, который Бори не знает, то его назвали бы слабохарактерным, но таким он не был точно. Пробивной парень, прирождённый лидер, только Лере всегда и во всём уступал. Сразу выделил её перед остальными, и не оставил шансов желающим с ним подружиться. При всём при этом, был не ревнив, любил смотреть на Леру на подиуме, восторгался, называл королевой. Кстати, не он один называл. Как только Лера пришла в модельный бизнес, её сразу же заметили. Видели в ней то, чего она не замечала в себе сама, только через много лет смогла согласиться с этим и сказала «да, у меня есть характер», а сейчас она ещё рассказывала всем о своей удаче и умении оказаться в нужном месте в нужное время.

Следующая встреча с Сашей не была долгожданной: он объявился уже на следующий вечер, прямо у её подъезда. Из машины навстречу вышел и сразу улыбается, знает ведь, что его улыбка с женщинами делает, а что уж про таких молоденьких девочек говорить... бабник, одним словом.

— Привет.

— Привет.

Как себя вести правильно Лера не знала, поэтому решила просто поддаться на его улыбки, плыть по течению, а там уже разбираться со всем, если, конечно же, успеет.

— Прекрасно выглядишь. Уделишь мне минуту?

— Ух ты, как скромно. В этот раз обойдёмся без непристойных предложений?

— Язва. — Игриво потянул Саша и теперь действовал более решительно, смог приблизиться и даже приобнял, правда, руки его Лера быстро от себя убрала.

— Что тебе от меня нужно?

— Всё то же. Моё желание.

— Понятно. — Лера даже не хмурилась, она не была удивлена его предложению, но кивала и улыбалась достаточно нервно, продолжения отношений не хотела, знала, что ничего хорошего не выйдет, но вот сказать об этом прямо как-то не решалась. А может и хотела, но и себя и его обманывала. Саша был ей интересен, проблема лишь в том, зачем она ему сдалась.

— Ну, раз понятно, садись в машину. Нечего перед соседями мелькать.

— Какой заботливый, надо же! Так понравилась?

— Не то слово, вот, хочу узнать какая ты на трезвую голову.

Саша немного отступился, открывая дверь автомобиля, а Лера не сдержалась и дала пощёчину. Ударила, а потом испугалась, и ведь знала, что права, и что он её сейчас оскорбил, но его взгляд пронзил насквозь. Сначала тут же развернуться и уйти думала, но уйти не смогла, стояла перед ним, вся съёжилась и он этот страх наверняка почувствовал. Зыркнул так серьёзно, со злостью, но постарался выдохнуть спокойно.

— Я даже не спрашиваю за что. Садись.

Кивнул в сторону машины и Лера послушно села, сердце бешено колотилось, почему-то казалось, что он теперь захочет отомстить, каким образом — не важно, главное цели добиться. После первой ночи Саша ей казался простым как пять копеек, рубаха-парень, всегда улыбчивый и с хорошим настроением, натура у него такая была, лёгкая. А теперь всё по-другому: машина представительского класса, дорогой костюм, наручные часы известной марки, очки в красивой и дорогой оправе, которые он надевал, когда садился за руль. Теперь с ним нужно вести себя осторожно, хотя бы до того момента, пока не поймёшь, кто он такой и какую степень влияния имеет.

За рулём Саша на Леру не отвлекался, даже на секунду взгляд на неё не переводил, что напрягало, она так же старалась на дорогу смотреть, но то и дело забывала об этом и смотрела то на его руки, сильные, надёжные, с длинными и ровными пальцами, то на губы, на выражение лица. Как он крутит руль, как передачи переключает, потом взгляд остановился на его коленях, и Лера покраснела, и дело, конечно, было не в коленях. Точнее, и в них тоже, но не только. Сам тот факт, что она с таким азартом изучает его, разглядывает, заставлял задуматься и признаться: он ей интересен, причём не только как посторонний или просто знакомый. Она чувствовала мужчину рядом с собой, и не понимала почему раньше не испытывала подобного со своим парнем, неужели дело только в сексе — вряд ли. Когда

спустились на стоянку одного из торговых центров, Лера и вовсе растерялась, её голову не покидала мысль, что Саше нужен только секс, именно секс... а что, собственно, она ещё могла бы ему предложить? А теперь подземная стоянка... это его месть? Саша заглушил мотор и только тогда впервые за всю дорогу на Леру посмотрел.

— Идём? — Уточнил он, наверно заметил, какими стали её глаза.

Не дожидаясь ответа, из машины вышел, Лере подал руку, предлагая помощь, а она её беспрекословно приняла. Спрашивать и уточнять не могла, ей в голову никакого толкового объяснения таким его действиям не приходило. Когда в лифт вошли и остались наедине, глаза к его лицу подняла и так замерла. Они и на стоянке, в принципе, одни были, но не было такого ощущения, как в лифте, когда замкнутое пространство и он так близко.

— Зачем мы сюда приехали? — Тихо спросила, когда Саша её взгляд отпустил.

— Сюрприз. — Он усмехнулся и ненавязчиво придвинул Леру к себе. — Могу я сделать тебе подарок?

— Подарок?..

— Или ты ко мне хотела? Так, я вроде тебе ничего не должен.

Саша смеялся и снова над её наивностью и смущением. Лера действительно краской залилась, и не думала даже, что разговоры о сексе... нет, даже не так: невинные намёки, могут вызывать такую бурную реакцию, ведь прежде, эта тема была самой, что ни на есть будничной. Или это именно он так влияет?

Пока смущалась и думала, что ответить, дверь лифта уже открылась, Саша вышел первым и на буксире потянул за собой, руку её держал уверенно, а когда почувствовал лёгкое сопротивление, тут же к себе подтянул и приобнял. Он шёл по торговому залу и внимательно всматривался в витрины и вывески, пару раз останавливался, чтобы оглядеться, словно искал что-то, но найти не мог. Наконец, довольно выдохнул, причём сделал это намерено, напоказ, чтобы Лера это поняла, и они вошли в ювелирный. Саша быстро окинул взглядом многочисленные прилавки, улыбнулся девушкам-продавщицам и безошибочно подвёл Леру к витрине с кольцами.

— Выбирай. — Легко отмахнулся он от её непонимающего взгляда и стал за спиной.

Лера растеряно посмотрела на кольца, потом на продавщицу, которая уже спешила продемонстрировать товар дорогим гостям и робко оглянулась назад. Саша только улыбнулся, руки на плечи ей положил и подвёл к витрине поближе. Она не знала, что сказать, если честно, то на витрину эту смотрела, а за ней всё расплывалось, и не думала что-то рассматривать или, как он сказал, выбирать, просто хотелось закрыть глаза, а потом их открыть, убедившись, что это просто сон. Продавец уже что-то рекомендовала, потом уточнила, для какого случая выбирают кольцо, вот тогда-то Лера точно проснулась.

— Для помолвки. Хочу сделать предложение своей девушке. — Услышала она Сашин голос и тут же к нему обернулась.

— Ты с ума сошёл?.. Я пошутила... Не нужно...

Продавец глянула на странную парочку, а Саша ей шутливо моргнул, извиняясь, отвёл Леру немного в сторону.

— Чего ты так испугалась? Я же сказал: подарок.

— Я... я не собираюсь за тебя... и вообще... с чего ты взял?

— Ничего я не брал. Сказал же: ты мне желание должна. Так вот, — на всякий случай, чтобы слова точно дошли до места назначения, Саша приподнял её подбородок и смотрел прямо в глаза, — я хочу купить тебе кольцо.

— Ты сказал...

— Я знаю, что я сказал. Но я ведь не принуждаю тебя, правильно? Я делаю тебе предложение, а ты будешь думать.

— У меня парень...

Лера только успевала растеряно разводить руками, воздуха не хватало, она вообще не могла вспомнить себя вот такую беспомощную, а тут и слов нет.

— Я помню. Так, — он немного Леру встряхнул своим бодрим тоном, — давай не будем мучить девушку, вернёмся и выберем кольцо, все комментарии и объяснения оставим на вечер, если ты, конечно, не против.

Вот это «если ты, КОНЕЧНО, не против», было сказано особым тоном, таким, чтобы Леры и желания быть против не осталось, и естественно они пошли выбирать. Кто бы мог подумать, что это занятие окажется таким утомительным! Лера была готова согласиться на первое предложенное кольцо, только бы сбежать поскорее, но Саша был настроен решительно, отметал один вариант за другим, пока Лера сама не втянулась и не стала спорить, рассуждать. А он только этого и добивался. Выбрали что-то невероятное, как по красоте, так и по цене. Лера никогда не была поклонницей украшений, как их носить не знала, а теперь на её пальце кольцо с огромным камнем, вот так просто, просто подарок фактически незнакомого человека.

— Никогда его не снимай. — Шепнул Саша, как только вышли из магазина.

— Но я не могу...

— Я прошу тебя.

— Но я не могу!

— Вот и я говорю, не снимай, — он широко и очень добро улыбнулся, остался доволен, — мне будет очень приятно.

И действительно, Лера снимет его всего один раз, в самый страшный день в своей жизни и больше не оденет никогда, но пока она об этом и не догадывалась, иногда отводила ладонь от себя подальше, чтобы полюбоваться на блеск камня.

— Спасибо. — Еле слышно, но очень искренне произнесла она.

— Поужинаем?

— Саш... если честно, мне пора домой... меня бабушка ждёт и...

— Я отвезу.

Самое замечательное в Саше было то, что он всегда знал, когда нужно поспорить, когда надавить, и так же знал, когда нужно тихо согласиться, вот как в этот раз. Но как только в машину сели, Лера вновь задумалась, опомнилась и посмотрела на него, держась за кольцо.

— Не снимай. — Более убедительно произнёс Саша и завёл машину.

— Ты обещал объяснить.

— Лера, я хотел поговорить в спокойной обстановке, на бегу как-то не то получается.

— Не будет спокойной обстановки, я сейчас хочу. Скажи один раз, но так, чтобы я тебя поняла. — Видела, что Саша недоволен, да и сама осознавала, что разговор в машине, на стоянке — это не то, что им сейчас нужно, но этой недосказанности не выносила. — У меня есть парень, и я его люблю, и тебя я совсем не знаю...

— Успокойся.

— Что?

— Успокойся, ты себе сейчас пальцы повыкручиваешь.

Он положил свои ладони на руки Леры, ладони был тёплые и сухие, сразу как-то

спокойнее стало, хотя повод волноваться тоже был. Саша снял свои очки, заглушил мотор, напряжённо пожевал губами и резко выдохнул.

— Давай на чистоту?

Лера кивнула, соглашаясь, смотрела внимательно, чтобы не упустить ни одну деталь, сразу заметила, какой сконцентрированный взгляд у него стал и как он напрягся.

— У тебя есть парень, как ты говоришь, любимый. Но сейчас ты сидишь в моей машине, я держу тебя за руки и чувствую, как бьётся твоё сердце. А это значит, что в нём тебе чего-то не хватает. Чего именно — дело твоё, возможно, ты и сама не знаешь, что не так, но поймёшь. Правда, не сразу, а через год, может, больше, но это может быть уже слишком поздно. Я тоже не идеал, но на данный момент для тебя интереснее, чем он. Мне ты нравишься, настолько, что я готов сделать тебе предложение, но ты не готова, поэтому предлагаю пока общаться, дружить, что там мы ещё себе позволим... А когда ты примешь решение, мы это обсудим.

— Здорово излагаешь. А с чего ты взял, что мне от тебя что-то нужно?

— Ничего тебе не нужно. — Усмехнулся Саша и посмотрел прямо в глаза, приближаясь. Наклонился к губам и прошептал, едва их касаясь. — Тебе просто любопытно.

— Отвези меня домой.

— Ты пришла ко мне, ты меня хотела. Может, ты сама и не помнишь, но это так. И я тебя хочу, но я готов остановиться, если ты скажешь нет.

Саша уже прижался губами к её губам, провёл большим пальцем по щеке, потом рука опустилась на грудь и с силой её сжала. Лера затаила дыхание и молчала, просто не могла разобраться в чувствах, а пока разбиралась, Саша сам принял решение, отпустил её и вернулся в водительское кресло. Крепко зажмурил глаза и потёр их пальцами, затем одел очки, и машина тронулась с места.

— Домой. — Тихо, но с явной досадой пробормотал он себе под нос и надавил на педаль газа.

У подъезда Лера подняла взгляд к окнам, что она там увидела, было не ясно, но девушка напряглась, бросила на Сашу затравленный взгляд.

— Мне пора.

— Я провожу.

— Не надо, я сама. — Лера неловко улыбнулась, но Саша уже из машины вышел и отказа не принимал.

— Я провожу. — Более настойчиво проговорил он и первым вошёл в подъезд. Лифт не работал, и пришлось подниматься по лестнице, Лера шла впереди, а Саша угрюмый и недовольный отсчитывал ступеньки.

— Вот моя квартира.

Развела руками, вроде как и попрощаться надо, но нужных слов ещё не подобрала, поэтому отдала такое право мужчине: руки засунула в задние карманы джинсов, губу немного прикусила, а Саша лишь улыбался ей в ответ. Через несколько секунд молчания его взгляд стал пристальным, и он сделал два шага к Лере, та, в свою очередь, отступила и вжалась в стену.

— Мне пора. — В панике произнесла она и от его губ увернулась. Саша не шевелился.

Не известно, сколько бы так стоял, гипнотизируя, если бы не широко распахнутая дверь квартиры, которая, открываясь, врезалась в плечи.

— Предлагаю войти и не веселить соседей.

Из-за двери раздался жёсткий женский голос. Саша оглянулся и тут же сверкнул своей фирменной улыбкой: за дверью стояла женщина лет шестидесяти, худощавая, в строгом костюме и со строгой причёской. Её идеально ровная спина и немного высокомерный взгляд тут же выдавал в ней человека советской закалки, возможно, учительницу в школе.

— Добрый вечер.

— Добрый. — Кивнула женщина и сделала шаг назад, открывая проход. — Лера, ты тоже можешь войти.

— Привет, бабуль.

— Зинаида Тимофеевна. — Женщина протянула руку, крепкое рукопожатие Сашу прилично поразило, но подобное говорить он не стал.

— Очень приятно, Саша.

— По имени и отчеству, если можно.

— Александр Дмитрич. — Послушно кивнул он. — Извините, я без цветов, не ожидал, что познакомимся.

— Ничего, главное, что рот для чаепития захватили.

Вроде и шутка, но было как-то не смешно, Саша понял, что его приглашают, и закрыл за собой дверь. Когда развернулся в просторной прихожей, Лера уже стояла рядом с бабушкой, он невольно окинул эту парочку взглядом и отметил, что бабушка, даже будучи на каблуках, на голову меньше внучки, а Зинаида Тимофеевна, правильно расценив его взгляд тут же пояснила:

— Это она в свою мать такая каланча вымахала. Проходите.

Минув длинный коридор, оказались в огромной светлой кухне, с массивным круглым столом по центру и аккуратно расставленными рядом с ним стульями.

— Лера, займись чаем. — Тихим, но, тем не менее, приказным тоном, проговорила Зинаида Тимофеевна и теперь всё своё внимание уделила гостю.

— Судя по обновлению в ювелирном гардеробе Лерочки, вы, Александр Дмитриевич, пришли к нам с серьёзными намерениями.

— С самыми серьёзными. — Подтвердил он и усмехнулся Лериному кулачку, который красовался за спиной Зинаиды Тимофеевны.

— Зря, она всё равно не оценит. — Женщина глянула в упор и тут же пояснила: — Ни ваших трат, ни ваших намерений. Возраст ещё не тот.

— А я не тороплюсь.

— И правильно. Я так понимаю, что о свежести и невинности этого цветочка вам рассказывать уже не стоит, сами можете мне многое рассказать, поэтому сразу к сути. Лера вертихвостка ещё та, вся в свою мать, так что исправить это уже невозможно, придётся смириться.

— Ба...

— Мне зелёный. — Не поворачивая головы и не удивляясь внезапно встрявшей внучке, ответила женщина, заставив ту замолчать. — Александр Дмитриевич, нам предстоит серьёзный разговор.

Беседа, вопреки предупреждению, оказалась вполне дружеской. Женщина не спрашивала ни о материальном состоянии, ни о роде деятельности, в основном её интересовали именно взгляды на жизнь. Внучку свою она не нахваливала, но всякий раз строгим взглядом прерывала поток её очередной глупости, гостя же слушала внимательно. А под конец вечера и вовсе предложила ему главенствующую роль, предлагая самому выбирать

тему для разговора. Смотрела на него, не отрываясь, ловила каждое слово и каждый взгляд. Саша так же в долгу не оставался, не спасовал и не растерялся, пользовался своим обаянием и умением кружить головы. После двухчасовой беседы, с гостем распрощались.

— Надо брать.

Констатировала Зинаида Тимофеевна и, не поясняя, отправилась в свою комнату. А вот Лере предстояла бессонная ночь, реакция бабули оказалась более чем непредсказуемой, но комментировать свой ответ она будет только с утра, после чашечки бодрящего кофе, поэтому оставалось набраться терпения.

— Так, что там? — Не стерпела Лера и прервала завтрак.

— А ничего. Хороший парень, мне понравился.

— С чего ты взяла, что я замуж за него собралась? Мы только познакомились.

— Да, да, подробности своего знакомства, пожалуйста, не рассказывай.

— У меня есть Боря.

— Милая, а разве я спорю? Но твой Боря хороший друг, не более.

— Да? И чем он так плох?

— Не плох, Лерочка, не плох, просто он другой, вот и всё.

— Он нормальный!

— Да, только слишком молодой и слишком глупый. Поверь мне, те, кто женятся по любви, быстро расстаются. Нужно головой думать, потом не так больно будет.

— Больно?

— Именно, девочка моя. Знаешь ли, разочаровываться в людях, которым доверял как самому себе гораздо больнее, чем в любом другом человеке.

— Предлагаешь мне брак по расчёту? Уже справки навела?

— Детка, мне одного взгляда хватило, чтобы этого твоего Сашу понять.

— И что он?

— Он не будет тебя ломать, не будет строить и перевоспитывать. Этот человек живёт с открытыми глазами и видит, кого хочет привести в свою семью. И он никогда, слышишь, никогда не потребует от тебя того, чего ты ему не обещала. Он тебя слушает, он уважает твоё мнение, хотя оно редко бывает правильным.

Зинаида Тимофеевна говорила уверенно и чётко, это мнение уже успело улечься в её голове, и было не раз проанализировано, и внучку она собиралась настроить в том же направлении.

— И ты всё это поняла с первого взгляда?

— Почти. Боря же твой, ничего не видит и не слышит, он кивает головой и соглашается с тобой во всём, только бы бурю в стакане воды не мутить. Но это скоро изменится, и он покажет свой характер.

— А Саша бабник. — Лера тут же уткнулась взглядом в стол, но бабуля не подвела.

— Ещё какой! Только в твоих силах это изменить, если, конечно, тебе это нужно.

— Ты считаешь, он мне подходит?

— Х-м, ни в коем случае! Вы разные! Но он сильный мужчина, легко сможет тебя усмирить. И в решающий момент, он всегда будет на твоей стороне, а это очень важно. Он сначала для тебя живёт, и только потом для себя и не каждый мужчина на это способен, и не с каждой женщиной. Ты верь мне.

— Вообще-то он ничего подобного не говорил.

— Лера, кроме того, что слушаешь, нужно ещё и смотреть, а ты об этом забываешь,

поэтому у тебя есть я. Замуж тебе ещё рано, невероятно рано, ты к семейной жизни не готова, не нагулялась, но упускать такого мужчину нельзя, он этого не простит.

После разъяснительной беседы Лера сделала правильные выводы, хотя, если по правде, то их выводы совпали, поэтому и принимать никаких решений не пришлось. Вскоре она всё объяснила Борису, тот, хоть и не понял, но смертную обиду не затаил, решили остаться друзьями, а вот с Сашей началась новая, почти семейная жизнь.

По настоянию Зинаиды Тимофеевны жили в квартире Леры, а сама бабуля, благополучно передала внучку в руки Сеницкого и решила молодым не мешать — отправилась наводить порядок в семейной жизни сына в Италии. Семьи у Леры и Саши, как таковой не было, была забота, было уважение, не было только секса. Первое время Лера этого факта не понимала, потом обижалась, потом возмущалась и приставала сама, пока Саша, почти при пытках, не признался, что клятвенно обещал Зинаиде Тимофеевне к внучке не прикасаться до свадьбы. Глупо наверно, Лера, по крайней мере, именно так и считала, но Сеницкий и бабуля друг друга поняли.

Через полгода состоялась громкая свадьба, по всем правилам: с белым платьем и фатой, с толпой приглашённых и родственников, с подарками и лимузином. Фамилию мужа Лера отказалась брать наотрез, и вообще долго смеялась, когда слышала её. Дело, конечно, не в самой фамилии, а в соотношении фамилии с самим Сашей, с его внешностью. Ну, не похож он на Сеницкого ни каким боком, вот отец его, профессор философии, похож, а он — нет. Если о птичках рассуждать, то он мог бы быть Орловым, Соколовым, ну, на крайний случай, Вороновым, а он Сеницкий! Вот оттого Лера и не меняла фамилию, чтобы людей не смешить. Среди всей этой традиционной свадьбы не хватало лишь венчания, и опять же, Зинаида Тимофеевна постаралась, приговаривая при этом, что так разводиться будет проще. А свадебным подарком невесте стала покупка акций сегодняшнего «Вэл Стил». Приобретение было совместным, но идея именно Сеницкого, который ещё в первые дни знакомства, разговаривая с Лерой о будущем, выяснил, что она хочет открыть своё дело в сфере моды. Так он исполнил её первую мечту. Лера его маленькую хитрость оценила и подарок приняла с удовольствием, знала ведь, что тот просто собственник. Ну, не хочет он смириться, что его любимую жену будут какие-то фотографы, импресарио рассматривать, пусть уж лучше она ими командует. В бизнесе он был её личным учителем, давал советы, так и началась семейная жизнь.

Глава 10

К дому подъехать не удалось, пришлось парковаться на проспекте. Разговор всё никак не начинался, Лера молчала, а, возможно, и спала.

— Лера, прости, я не должен был этого говорить, я так не считаю.

В ответ тишина, Синицкий только за руль крепче схватился, эмоции сдерживая.

— Лера, ты спишь?

Снова тишина. Он взглянул на хрупкие женские плечи: Лера так и сидела полубоком, уткнувшись лбом в стекло. До боли сжалось сердце и захотелось до неё дотронуться, просто дотронуться, как раньше, и чтобы она обняла в ответ. Он смотрел и даже не подозревал, что точно так же сжимается и её сердце. Лера не спала, она просто не хотела этого разговора, только не сегодня, не сейчас, сейчас нет здравого смысла, остались только эмоции, которые нужно скрыть. Он снова затронул болезненную тему, и теперь хотелось плакать, но она только закрыла глаза, сдерживая слёзы, и старалась дышать ровнее, чтобы не всхлипнуть, иначе сорвётся. Пока он молчал, успела успокоиться.

— Мы уже приехали? — Тихо спросила она, и потянулась. — Куда ты меня привёз?

— Въезд во двор загорючили, там машина прямо на проезде заглохла. Придётся идти пешком.

— Тогда я пошла.

На мужа даже не взглянула, из машины вышла и покачнулась, небольшая выбоина в асфальте оказалась непреодолимым препятствием, и пришлось осмотреться. Как раз в это время, Синицкий уже спешил на помощь.

— Накинь пиджак, холодно.

— Я тя умоляю...

Лера пьяно хмыкнула и руки Синицкого от себя быстро отодвинула, но идти самостоятельно не получилось, даже не заметила, как он уже на руках её нёс.

— Ты много на себя берёшь, дорогой. — В ответ на непонимающий взгляд, Лера только рассмеялась, покрепче обхватила его за шею и положила голову на плечи. — Когда ты смотришь так серьёзно, малыш, я тебя люблю. — Тихо пропела она и снова рассмеялась: Синицкий заволновался, она это знала, чувствовала, и это его волнение Леру просто взбесило. Он быстро открыл дверь, ловко справившись с замками, и вошёл в квартиру первым. Лера в квартиру ввалилась.

— Ты живая? — Бормотал он, поднимая её с пола.

— А ты здесь зачем стоишь?!

Оказавшись в его объятиях, Лера немного расслабилась и повисла на его плечах, несколько секунд молчания, потом его шумное дыхание уже резало слух. Руки сильно сжали с боков, погладили по спине, опустились к ягодицам.

— Лера... — Прошептал он.

— Знаешь что, Синицкий, — Лера начала так громко и чётко, что весь интимный момент потерялся в обыденности, — я может, и шлюха... может, я и сплю с мужиками только за деньги... может, я сегодня перебрала, но мне хватит ума выставить тебя за дверь. Убирайся.

— Лера, прости меня... я не хотел, чтобы так получилось.

— У-би-рай-ся! И помни, что я тоже имею право на личную жизнь! И трахаться я буду с кем захочу! И мнение твоё по этому поводу мен не интересно!

Она кричала и не боялась разбудить соседей, вытолкала Сашу за дверь и задрожала.

— Всё, всё, всё, всё, всё, Лера, всё, хватит. — Тихо твердила сама себе.

Только надумала поплакать, как в комнате зазвонил телефон.

— Слушаю.

— Лера, ты дома?

— Дома.

— Что с голосом, мне приехать?

— Нет, Арсен, отдыхай, встретимся завтра.

— У тебя точно всё в порядке?

— Всё хорошо, я люблю тебя.

— И я.

Она стояла на коленях перед диваном, сжимая в руке телефон, плакать вдруг перехотелось, на лице появилась саркастическая улыбка.

— Значит, ты всё-таки по мне скучал... дорогой муж.

Громкий смех раздался в пустой квартире, и стало легко и спокойно. Лера вскарабкалась на диван, накинула на плечи тёплый плед и так уснула.

Следующее утро началось очень рано, но спать совсем не хотелось. Лера выбрала своё лучшее красное платье, самое откровенное, самое соблазнительное, помада в тон, лакированные туфельки на высоченной шпильке — она готова побеждать! Несмотря на то, что настроена была на любовь, о делах тоже забывать не стоит, сегодня напряжённый день, до показа остаётся меньше недели, многое ещё нужно успеть. А ещё и контракты по поставкам тканей, договор с Соловьёвой и много-много мелочей.

— Валерия Павловна, к вам Арсен Багатын.

— Проводи, Маш.

Арсен Багатын лучший друг и настоящий мужчина, тот самый, который когда-то помог увидеть жизнь, когда, казалось, её уже не было. С тех пор они всегда вместе, правда, видаться удаётся всё реже.

— Арсен, привет. Ты один? Надо было просто курьера прислать. — Лера вышла из-за стола, чтобы поприветствовать друга, а теперь ещё и партнёра. — В аэропорт не опоздаешь?

— Успею как-нибудь. Хотел убедиться, что у тебя всё в порядке, с тех пор, как ты в Москве, у меня сердце не на месте.

— Глупости, всё глупости.

— Посмотри мне в глаза. — Арсен приподнял её подбородок и долго всматривался, до глубины души достать хотел, и то, что он там увидел, его порадовало. — Мне кажется или я что-то пропустил? Вчера грустила, а сегодня?

— А сегодня у меня всё хорошо!

Лера, не скрывая своего настроения, развернулась в его объятиях, на секунду задумалась, а потом прижалась спиной к его груди, закинула голову на его плечо и закрыла глаза. А когда открыла, непонимающий взгляд Арсена вызвал улыбку. Пока взаимными любезностями обменивались, в кабинет кто-то заглянул, но тут же дверь прикрыл. Лера этому значения не предала.

— Не обращай внимания, просто иногда хочется, чтобы настоящий мужчина меня

обнял.

— Лера, ты что-то задумала? — Насторожился Арсен. — Сначала мне показалось, что ты улыбаешься, а теперь я понимаю, что это оскал. Этот нездоровый блеск в глазах... Что происходит?

— Я влюбилась, такое может быть?

— Наверно может, но не с тобой. Лера, — Арсен отошёл в сторону и присел на подлокотник дивана, пристально посмотрел на улыбчивую женщину, он её не узнавал, — если нужно, я останусь.

— Да пошутила я! Ты же знаешь, люблю только тебя. Езжай спокойно, я со всем справлюсь.

— Лера, — Арсен глянул на наручные часы и в спешке опустил рукав пиджака, тут же встал, — прости, уже пора идти. Проводи меня, а то в таком цветнике и шею свернуть недолго.

— Провожу, не волнуйся, только папочку-то отдай.

Она кивнула на громоздкую папку с образцами тканей в его руках и рассмеялась, кажется, он действительно о ней забыл.

— Я Вигена оставлю, если что, всё через него решай.

— А почему его, он вроде как продажами не занимается?

— Анька твоя ему понравилась, гляди и женился. Идём.

Вышли из кабинета, в обнимку прошли через приёмную, через весь коридор до лифта. Его рука неприлично низко сползала с талии, но никто из них внимания на это не обращал, только по округлившимся глазам сотрудниц можно было понять удивление последних. Хотя, да, здесь было на что позавидовать. Жгучий брюнет, с голливудской улыбкой, которая убивает наповал. Чёрные глаза с чертётами, и надёжные мужские плечи, о которых так мечтают все девушки. Мужчина невероятной красоты и обаяния, в один миг забирал внимание женской половины населения и притягивал нездоровую зависть всех мужчин. Настроение подпортила Кристина, которая уже рассказывала, что Валерия Павловна придёт на работу не раньше полудня.

— Кристина Николаевна, приступите к своим прямым обязанностям.

Строго продекламировала Лера, как только услышала своё имя в очередной сплетне. Самое приятное во всей этой истории то, что сегодня она превзошла сама себя и уж точно не выглядела уставшей или выпившей вечером лишнего, вся светилась изнутри, чем сразу же выставила соперницу не в лучшем свете.

— Да, и впредь, попрошу вас приходить на работу вовремя.

Девушке ничего не оставалось, как поджать хвост и промолчать, тем более, мужчину рядом со Снежной, она тоже успела разглядеть и оценить по достоинству. Лера же, небрежно упёрлась локотком в его широкую грудь, демонстрируя своё привилегированное положение, и нажала кнопку вызова лифта. Лифт приехал почти сразу, правда, тут же из него шагнул Синицкий и так замер, загораживая собой проход.

Он бесился, когда Лера в красном, именно поэтому сегодня был такой выбор. За те полтора года, пока были женаты, Лера ни разу не позволила себе выйти в красном к гостям или на работу, Саша утверждал, что все мужчины в этот момент сходят с ума, как и он. Зато отрывалась на нижнем белье, соблазняя мужа в постели, там было позволено использовать запрещённые приёмы в виде красного цвета, и секс тогда был сумасшедшим, диким. А сегодняшнее платье — это просто удар ниже пояса.

— Александр Дмитриевич, — проговорила Лера немного приглушённым, соблазняющим голосом, — проход освободите... пожалуйста.

Только когда она широко издевательски улыбнулась, Синицкий, наконец, опомнился и отступил. Лифт уже уехал, и можно было ещё немножко покрасоваться в объятиях незнакомого остальным мужчины.

— Серьёзно, твой начальник? — В полголоса уточнил Арсен, уткнувшись носом в пряди её волос.

— А зачем мне тебя обманывать?

— Не знаю, просто он так на тебя смотрел, словно ты его женщина.

— Ты что? — Лера наиграно нахмурила брови. — Говори тише, за нашей спиной стоит его невеста. Приревнует ещё. К тому же, он просто очень строгий начальник.

Арсен искоса глянул на Кристину и Леру успокоил.

— Ты лучше. — Широко улыбнулся и посмотрел ещё раз уже другим, сводящим с ума, взглядом равнодушного мужчины. — Смотрю на тебя, когда ты такая и думаю: а не завести ли мне гарем?

— Маруська не одобрит.

— Потому и держусь. — С досадой выдохнул он и вошёл в лифт. — Выглядишь супер, мне нравится. — Бросил напоследок, попрощался со всеми присутствующими дамами, чем просто покориł их сердца, а потом едва заметно Лере подмигнул.

Двери лифта закрылись, и за своей спиной Лера услышала протяжные женские стоны, тихо этому улыбнулась и строго приказала всем работать. Она знала, как Арсен на девушек действует, те готовы семьи бросить, лишь бы их заметили. В такие моменты, она даже немного собой гордилась, ведь ей-то удалось испробовать крутой кавказский нрав. Вошла в свою приёмную, а там уже Маша суежилась, а заметив Снежную, не удержалась.

— Вот это мужчина, Валерия Павловна, и где таких делают?

— Что-то мне, Маша, подсказывает, что это единственный экземпляр. К тому же он уже женат.

Тяжело выдохнула, мечтательно закатила глаза и надула губы.

— И я так понимаю, не на вас.

Маша понимающе улыбнулась, а Лера её шутку поддержала.

— К сожалению, нет. — Вдруг нахмурилась, заметив, как секретарь колдует над кофеваркой. — А что случилось, кому кофе?

— Александр Дмитриевич влетел, злой, как чёрт, вот и готовлюсь.

— О-о, перестань, — легко отмахнулась Лера, — я его успокою.

— Вот вы, Валерия Павловна, всегда так говорите, а он как от вас выходит, так кабинет от напряжения полчаса проветривать приходится.

— Ох, ладно, начальство, всё-таки, надо уважить. — Задорно рассмеялась Лера и вошла в кабинет.

Синицкий и правда был зол, и не собирался такого настроения скрывать. Тут же послал Лере мощный поток своего негатива.

— Дверь закрой. — Приказным тоном тут же рявкнул Синицкий, но не впечатлил, хорошее настроение Леры испортить сегодня сложно.

— Маша уже несёт кофе.

Он нервно повёл шеей, этот лёгкий весёлый настрой Леры сразу не понравился, а ещё щепотка ревности и дело сделано. Маша из кабинета вылетела как пробка и поплотнее

прикрыла дверь.

— Что это было?

— Ты о чём, милый?

— Я о твоём... — Он не договорил, нервно зажал руку в кулак и упёрся ею в стол.

— Если ты об Арсене... то он мой партнёр. — Лера специально выдержала паузу, нахально улыбаясь мучениям Синицкого. — Он крупнейший поставщик тканей в Европе. Меня в принципе удивляет, почему «Вэл тиль» до сих пор с ним не работает. Стоимость не завышена, а качество тканей на порядок выше. Вот сейчас с нашим новым модельером обсудим, что нам необходимо для коллекции, и можно будет делать заказ.

— Что у тебя с ним?

— Не ревнуй, ты же знаешь — я не оценю.

Синицкий молчал, но при этом был настолько напряжён, что, казалось, дотронься, тут же лопнет, как струна. Он ходил по кабинету из стороны в сторону, взгляд полон огня. Как же приятно, когда тебя ревнуют, особенно муж, который хочет развестись... кого он обманывает, глупенький?..

— Он мой любовник... бывший. Если ты об этом.

Синицкий остановился прямо возле рабочего стола. Стоял как стена, не позволяя Лере сесть на своё кресло, пришлось протиснуться мимо него, тем самым позволить ему в полной мере насладиться её запахом, её взволнованным дыханием, её глубоким декольте. Как только Лера присела, он повернулся, был всё так же напряжён, руки скрестил на груди.

— А что у тебя с Прохоровым?

Лера глянула, а у него просто страшное выражение лица, даже живя с ним под одной крышей, таких злых глаз не припомнит, а он ещё и тему затронул небезопасную.

— Синицкий, кто тебя информацией снабжает, а? — Её улыбка была слишком довольной, но напряжение Саша заставило опомниться, и Лера выдохнула. — Ни-че-го.

Он присел перед ней на корточки, на секунду опустил голову, а Лера ногу на ногу закинула, соблазняя, и привлекая его внимание обратно.

— Кто ещё претендует на твоё тело?

— Тебе полный список?

— Ах, там целый список?

— А ты думал. Но Райковский держится пока, настоящий друг.

— А Игорь здесь при чём?

Синицкому не хватало воздуха, ему сейчас только предательства друга не хватало. А то, с какой лёгкостью Лера об этом говорила, наводило на дурные мысли. Головой о стенку биться хотелось, а она сидит рядом, улыбается, такая красивая, близкая и одновременно далёкая. Как из лифта вышел, увидел её рядом с этим... в глазах потемнело. Мужчину он сразу узнал, а тот ещё и обнимает Леру, да не просто так, а по-хозяйски... бывший любовник. Бывший, а смотрит как самый настоящий любовник, который только что над ней старался, ублажал всеми известными способами. Калейдоскоп картинок тут же взорвал мозг. Как же он ненавидит красный цвет, знает, как он Лере идёт, и как она в нём сексуально выглядит. К Кристине пришёл, а после увиденного, и забыл об этом, ноги сами в этот кабинет принесли, и сейчас он сидит у её ног как цепной пёс и команды ждёт. Скажет сейчас: из окна выпрыгни, и он, не задумываясь, выпрыгнет. Что она с ним делает?..

— Лера. Уезжай. — Тихо, не поднимая головы, проговорил он. — Я отдам тебе всё, что ты скажешь, что ты захочешь.

— Поздно.

— Что?

— Поздно, любимый. С этого надо было начинать, а не с адвокатов.

Когда взгляд Синицкого уже остановился на её коленях, Лера безжалостно обзор прервала, повернувшись на кресле и спрятав ноги под стол.

— Как ты там любил говорить: скупой платит дважды, а тупой трижды, так? Вот и заплатишь мне... трижды. Извини, много дел.

Вот так всегда, как собаку его вышвыривает за дверь, заслужил ли он это?.. Скорее, да. И пусть он поймёт это, прочувствует в полной мере. Синицкий покорно встал и из кабинета вышел. Прощаться и не думал. Он, как говорила Зинаида Тимофеевна, рядом с Лерой становился подкаблучником, и не то, чтобы сам этого не замечал. Просто намерено уступал ей, позволял быть главной, хозяйкой его жизни, а теперь, почему-то решил идти той же дорогой. В бизнесе дерзкий и безжалостный, кремень, а не мужик, но своё отношение к жене напоказ демонстрировал, чтобы все знали: она стоит такого отношения. В какой-то момент Лере и самой показалось, что она того стоит, только правда оказалась горькой.

Предстоящий показ озаменовали как прощальный, перед уходом гения. И когда-то случайно сказанная Лерой фраза оказалась ключевой: коллекцию действительно представили, как избранное среди работ мастера, так сказать, повторение пройденного. Ставку на сам показ Лера не делала, но, спасибо журналистам, и поклонникам «Вэл Стил», он прошёл на славу, без скандалов и погрешностей. Уже не следующий день началась активная подготовка к новому этапу в истории компании, и продвижению бренда на запад. Контракт с ведущей моделью Розанной Соловьёвой сыграл в этом деле ключевую роль — она всегда привлекала к себе повышенное внимание, а сейчас это было особенно необходимо.

— Лера, я влюбилась.

С этими словами Аня ворвалась в её кабинет, следом влетела Маша.

— Валерия Павловна, я говорила, что вы заняты, но...

— Всё в порядке. Запоминай: Розанна Соловьёва, новое лицо нашей компании, ко мне можно пропускать без предупреждения.

— Поняла.

Маша тут же закрыла дверь.

— Ты о чём, Анька?

— Не о чём, а о ком!

Аня намеренно не давала подруге работать и села прямо на бумаги, сделала при этом страшные глаза. Пришлось отвлечься, выслушать.

— Боже, какой горячий мужчина, а какой у нас с ним был секс, м-м-м...

— Давай поподробнее, ты о ком, и с кем секс?

— Ну, как же, Виген, помощник Арсена твоего.

— А-а. — Лера понимающе кивнула, но особо не впечатлилась, снова устремила свой взгляд на рабочий стол, вытаскивая из-под накачанной попы нужные бумаги.

— Что а-а-а? Лера, ты мне подруга или кто? Я по первому твоему зову приехала, всё бросила, а ты меня даже выслушать не можешь!

Аня была человеком эмоциональным, а когда очень нужно, то и взрывным, любила всеобщее внимание и не терпела пренебрежения к собственной персоне. Они знакомы уже тысячу лет, подруги с детства. Познакомились, когда это была просто Анька, наивная

девчонка, делавшая первые шаги в мир большой моды. Это потом уже все узнали, что по паспорту девушка Розанна, и умело это использовали в рекламе, был успех, известность, большие деньги. Теперь же, обе успешные, обе красивые, обе одинокие. Поэтому наверно и вместе.

— Ну, говори уже, не отстанешь ведь. — Устало улыбнулась Лера и откинулась на своём кресле, смотрела на подругу немного издевательски, но та и не думала обижаться.

— Он меня покори́л. И почему ты раньше нас не познакомила?

— Я и сама с ним знакома не была. Ты же видела, что мы вчера знакомились. Да и вообще, мы Арсеном по бизнесу никогда прежде не пересекались.

— Ну, — подняла глаза к потолку и на секунду задумалась, — тогда прощаю. А вообще, я за него замуж собралась!

— Да, тогда тебе повезло, ты его тоже не спугнула ещё. Арсен сказал, что и он жениться собрался.

— Когда сказал?

Аня так быстро оживилась, спрыгнула со стола и напряглась, что Лера замерла от неожиданности.

— Да, в принципе... сегодня.

Лера так же, в некой прострации развела руками, наблюдая за подругой, которая себе уже места не находила.

— Да? А мне ничего не сказал.

— Ты что? Реально хочешь замуж?

— А почему нет? Он необыкновенный.

— Аня, секс это ещё не всё.

— Да при чём тут секс! Знаешь, какие слова он мне говорил... А смотрел как? На меня никто и никогда так не смотрел! Ни как на девочку по вызову, а как на женщину, самую чистую и самую любимую. А потом просто молчал, но сердце его так стучало, словно выскочит сейчас.

— Анька, может, у бедного аритмия, а ты размечталась.

Лера так задорно рассмеялась, что её и стукнуть было жалко, ей и самой шутка понравилась, а ещё больше выражение лица Ани, которая на секунду тоже над этим вопросом задумалась.

— Да ну тебя! — Аня хитро улыбнулась. — А знаешь, что я думаю?

— Что?

— Твой Арсен в постели Вигенчику фору даст и всё равно на повороте обойдёт. Как он, горячий мужчина, а?

— Горячий, обжечься можно. — Лера сверкнула глазами, вспоминая, но тут же опомнилась. — Но обойдёт или нет, не знаю, мне не с чем сравнить.

— И не вздумай сравнивать! — Насторожилась Аня, но тут же вся её наигранная опасность прошла, и она снова заулыбалась. — А я и так скажу, что он лучше, за два дня тебя к жизни вернул, разве такое бывает? Ходила как мумия два года, а тут оживилась и как козочка поскакала! Ох, и зря ты его отпустила, зря!..

— А что с него взять, если не любил он меня?

— Да... тут ты, конечно, права, но и сдаваться без боя не стоило.

Аня ещё немного повздыхала, а потом стала абсолютно серьёзной, приподняла одну бровь и совершенно с другой интонацией начала новый этап разговора.

— А что этот, твой?

— Синицкий?

— Синицкий. Для него, что ли, раскрас боевой? — Кивнула Аня и у Леры появилось необъяснимое желание поработать. Она снова уткнулась в бумаги, но тут же отбросила их в сторону. Синицкий покоя ей не давал, с ума сводил.

— Ревнует.

— Ревнует? Этот урод ревнует? И ты это терпишь?

— Ну, почему терплю, я наслаждаюсь.

— Да ты ненормальная! Зачем он тебе сдался? Он мизинца твоего не стоит, убила бы гада!

— Ничего ты не понимаешь.

— Конечно. Я не понимаю! Ты, можно подумать, понимаешь много. А эта его подстилка, зачем ты её здесь терпишь? Ходит здесь расфуфыренная, кирпича просит.

— Ты что, столкнулась с ней?

— Ха! Если бы я с ней столкнулась, она бы этого не пережила! Так, в коридоре пересеклись.

— Аня. Она ведь не знает, что Синицкий женат, её тоже понять можно. Отхватила богатого жениха.

— Лопуха! — Добавила Аня.

— И лопуха тоже, так вот, хочет теперь себя хозяйкой здесь поставить. Я, кстати, тебе говорила, что она хотела «Вэл Стил» как свадебный подарок? Думаю, из-за этого всё и началось.

— Говорила, но я так с этим и не свыклась. Ну, наглость! Но ты же им ничего не отдашь?

— Конечно! Я ещё хочу акции выкупить у партнёра Синицкого по бизнесу, так что с ним практически в правах сравняюсь. А потом... потом он мне и сам всё отдаст.

— Ага, тот, который.

— Зря так говоришь. Он уже мне предложил всё, что захочу, только бы уехала.

— Так, чего ты ждёшь?

— Его хочу.

— Да... — Вздохнула Аня и поджала губы. — Это клиника. Лера, тебя Марио ждёт, он ради тебя горы свернёт и шею... некоторым. А ты здесь по этому сохнешь. Ты любишь его что ли?

— Я не знаю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Аня уже смотрела с сочувствием. Этот её взгляд Лера знала хорошо. Да, наверно она права и это клиника, шизофрения, только себе отказать не так просто. Лера и сама знает, что зря всё, что Синицкий не стоит её страданий и приехала она лишь для того, чтобы заставить страдать его, а всё получается наоборот. Он хочет, теперь этого и не скрывает, но хочет на расстоянии. Не бросит он свою Кристину, эта мысль в голову давно пришла, но всем своим существом Лера от этой мысли отрешивается, не может согласиться. Она приехала побеждать и даже знает как. Но будет ли ей потом легче? А Аня всё смотрит и молчит, слова сейчас ни к чему, держит подругу за руку, старается улыбнуться, а получается совсем невесело.

— Ладно, побегу, Вигенчик скоро с работы вернётся.

— А я думала, мы пообедаем?

— Нет, в следующий раз, надо ловить удачу за хвост, пока она не повернулась задом! Но ты, на всякий случай, Арсену позвони, узнай про моего, что, да как. И мне потом расскажешь, а то знаю я таких, наобещают с три короба...

Тут в дверь вошёл Синицкий, и Аньку перекосило, она его терпеть не могла, поэтому старалась поскорее удалиться, чтобы не наговорить лишнего.

— Я побежала. — Мертвецким тоном проговорила она и показательно задрала голову вверх, хотя даже в таком положении быть выше Синицкого не получилось.

Синицкий же, так же взаимно Аню ненавидел. Провёл её взглядом и на выдохе закрыл дверь.

Глава 11

— Как ты её терпишь?

И так всегда: ни тебе приветствия, ни спросить разрешения войти; пришёл, сел, ногу на ногу навалил и смотрит в упор, ждёт чего-то.

— Виделись уже сегодня, что ещё хочешь? Или мысли новые появились? — На сегодня Лера от него уже устала, даже и не думала, что он всё ещё в офисе. Папкой с документами показательно хлопнула и грозный взгляд подняла. — Синицкий, ты в мой кабинет ходишь, как к себе на работу. Не надоело?

— Мне нет, а тебе, вижу, уже начинает надоедать, значит, я двигаюсь в нужном направлении.

Лера уже успела вернуться к делам насущным и только ухмыльнулась рассуждениям благоверного.

— На данный момент ты никуда не движешься, — глянула на него поверх бумаг, — ты сидишь и мешаешь мне работать.

— Лера, ты звонила, я здесь. Что тебя не устраивает?

— Звонила?

Она не сразу смекнула, что к чему. Правда забыла, а потом усмехнулась. Ведь благоверного, точно не звала.

— А, вот ты о чём. — Бумаги сложила аккуратной стопочкой, пристукнула, выравнивая край, и тут же плюхнула их на стол, сбив всю аккуратность. — Если бы ты соизволил отвечать на мои звонки, то знал бы, что тебя лицезреть ещё раз сегодня в моих планах не было!

С чего вдруг Лера так взорвалась было не понятно, но по её взгляду можно определить, что это за дело.

— Или ты не только на мои звонки так реагируешь, а?

— Давай без прелюдий.

— Да пожалуйста! В три часа мы подписываем договор по поставке тканей, мне нужны юристы. До тебя дозвониться нельзя, я уже и с секретарём познакомиться успела. И вообще, почему в «Вэл Стил» нет своих юристов, или я за каждой закорючкой должна бежать к тебе и кланяться?!

— Ну, допустим, ты сейчас не с секретаршей своей разговариваешь, сбавь тон. И что же ты, не доверяешь своему любовнику, что ли? Зачем тебе юристы?

— Да потому что это бизнес! И я не хочу потом разгребать те завалы, которые можно натворить уже сейчас. Будь добр, пришли кого-нибудь в офис.

— И к чему такое скоропостижное подписание договора? Вы только что получили

образцы.

— Время Саша, время, а так быстро, потому что мы работаем!

— Лера, ты же знаешь, такие документы готовятся и изучаются заранее. Перенеси встречу.

— Перенеси свои встречи. А у меня показ через три месяца! Все документы уже давно подготовлены партнёрской стороной, мне нужен только независимый взгляд знающего человека.

— Будет тебе взгляд. Ещё что-нибудь?

— Да, принеси мне кофе! — В раздражении проговорила Лера и швырнула на стол ручку, которой до этого терпеливо что-то помечала в ежедневнике.

— Чего ты бесишься, родная? Я ведь тебе уже сказал: бери, что хочешь, только исчезни.

— Да пошёл ты!

Лера из-за стола подскочила и приняла достаточно агрессивный вид. Сегодня вообще была не в духе, после утренних признаний, а тут ещё эти не состыковки с юристами, договорами, а Сеницкий приходит и на нервы действует, садист! Муженёк в долгу не остался и принял вид ещё более устрашающий, после секундной игры взглядов, быстро обошёл стол и схватил Леру за плечо.

— Если я узнаю, что ты с этим чёрным что-то крутишь, — скрипнул зубами, видимо, вместе с этим проглотил парочку обидных слов, сдвинул брови, но силился при этом улыбаться, — голову оторву и тебе, и ему, поняла?

— Хватку ослабь. — Лера рукой дёрнула, от Сеницкого отступила. — Мне ещё не хватало отчитываться за эти синяки.

— Перед кем ты отчитываться собралась?

Сеницкий неприятно навис над головой, но устрашающего момента больше не получилось.

— Да уж не перед тобой, так точно. И вообще, запоздал ты со своими предостережениями, — Лера криво улыбнулась, — лет, эдак, на десять. Совесть имей: у тебя любовница, у меня любовник — равноправие полов.

— А тебя не смущает, что он женат?

— Ну, тебя ведь не смущает, что ты женат. Шлюху свою ко мне под самый нос привёл, да ещё и уволить запрещаешь. А знаешь, что я тут подумала, — Лера красиво надула губки и выглядела задумчивой, — а возьми ты её к себе на работу. Какая разница, где пользу не приносить? Так, она хотя бы мешаться под ногами не будет. Ты меня, конечно, извини, но она дура-дура. И чего ты в неё так вцепился?.. А хочешь, избавиться помогу, прямо сейчас её вызвать можно, всё объяснить.

— Ты себе объясни. А живу я с ней, потому что она мне не изменяет. Такой вариант тебя устраивает?

— Ну, живи... только и меня не трогай, а то ведь я и передумать могу, насчёт развода.

— Работайте, Валерия Павловна. — Отчеканил он и тут же из кабинета выскочил.

Вот надо же, какой обидчивый, стоит только его девочку тронуть, так он сразу и в кусты, сентиментальный жуть, хотя Лера абсолютно искренне считала единственной жертвой во всей этой истории себя.

Так, день за днём, и не заметила, как приблизился день тридцатилетия, вот такой страшный рубеж, да ещё в такой неподходящий момент. С утра встала не в настроении, да

ещё и левый глаз припух, видимо, надуло в приоткрытое окно автомобиля, и кто, спрашивается, открывает окна зимой — не понятно! Но суть такова. Желание идти на работу не было совершенно, но и прятаться глупо, поэтому всё же решила пойти. На встречу все знакомые лица и хоть бы кто поздравить догадался, зря она, что ли, в салоне полтора часа провела, да ещё и дорожные украшения с розовым бриллиантом одела. Да и кто тут оценить может? Настроение резко поднялось, когда вошла в приёмную.

— Маша, у нас открывается цветочный магазин?

— Нет, Валерия Павловна, это кто-то из ваших поклонников магазин открыл. С днём рождения!

— Спасибо. На открытке прочла?

— Да, вы уж извините, просто одна выпала и...

— Спасибо за поздравление, Маша! А что это, одни цветы в одном углу, другие — в другом?

— Курьер сказал, что поставить надо именно так.

Маша пожалала плечами, казалось, сама только сейчас об этом задумалась, но цветы, действительно были расставлены так не случайно. Несколько десятков букетов красных и белых роз, причём, красные отдельно от белых, запах стоит незабываемый, а вид, так ещё лучше. Некоторое время просто на месте стояла, улыбалась как дура, как девчонка, потом к цветам приблизилась и снова улыбается. Цветы давно никто не дарил, ну, в том смысле, что как любимой женщине. Самое странное, что Лера не сразу поняла, от кого букеты, грешным делом на Синицкого подумала. Зря. Через две минуты раздался телефонный звонок на мобильный, номер определился, но был явно не знакомый.

— С Днём рождения, красавица! — Голос Арсена узнала даже Маша, стоявшая всего в двух шагах. — Ты сюрприз уже видела?

— Ну, ты же знаешь, что видела, сейчас стою и наслаждаюсь. — Тёплая улыбка посетила её лицо, Лера буквально таяла на глазах. — Спасибо, дорогой.

— Для тебя всё только лучшее. — Он говорил странно, был явно на душевном подъёме. — А теперь слушай внимательно и вникай, — он задышался от восторга, возможно, даже немного выпил, но Лера слушала, — красные цветы за твой праздник, а белые — за день рождения моей маленькой принцессы и твоей крестницы!

Понадобилось несколько секунд, чтобы Лера действительно уловила суть заявления, она немного растерянно улыбнулась, а потом буквально взвизгнула от удовольствия.

— Арсен, не может быть! Поздравляю вас, ты не представляешь, как я рада. Когда... как? Почему ты мне сразу не сообщил?

Непрерывный поток вопросов со стороны Леры, превратил поздравление в допрос: у Арсена и его любимой жены родилась дочка, долгожданная дочка и два дня рождения совпали.

— Так, всё, хватит. Заказывай вечеринку, к десяти я приеду и всё тебе расскажу.

Арсен больше не мог разговаривать, в трубке слышались громкие голоса, женские и мужские, а он смеялся и никак не мог успокоиться. Он стал самым счастливым человеком на свете.

— Как к десяти, а жена?

— Жена требует покоя, вот, передаёт тебе привет, всё, целую.

Вот так, единственный настоящий мужчина! К сожалению чужой.

— Маша, объяви, пожалуйста, что сегодня вечером я буду отмечать свой юбилей. Все

приглашены, время и место сообщу чуть позже.

— Такие траты, Валерия Павловна...

— Да ладно, тридцать не каждый день случается... к счастью! Да, и... позови сотрудниц, пусть букеты разберут, а я возьму вот этот.

Лера выбрала самый большой букет белых цветов, уткнулась в них носом, совсем не стесняясь, и снова размечталась. Она тоже счастлива, когда счастливы её близкие.

Один звонок, цветы и настроение до самого вечера. В течение дня ещё поздравили родители, бабушка, звонил Марио, его подарок стоял в гараже в Италии, Аня позвонила под вечер, ещё несколько поклонников и претендентов на её руку и сердце, короче говоря, все, кроме Синицкого. Сволочь, гад! И почему нужно было влюбиться именно в него? В любом случае он приглашён. Правда, вместе со своей «невестой», даже интересно, осмелится ли прийти?..

Вечеринка была в самом разгаре, по поводу был арендован один из лучших клубов столицы, опять же, спасибо Арсену и его друзьям, помогли. Лера была всеобщей зажигалочкой, сумела расшевелить даже самых уставших гостей, нашла с ними общий язык, влюбила в себя тех, кто до сих пор не определился с симпатиями. Прохоров стоял в стороне, любовался, улыбался, но приближаться ему Лера запретила, чтобы тот не питал надежды. Шампанское лилось рекой, модная музыка — из колонок, словом, праздник удался. Когда музыка стихла, не все поняли, что происходит, даже сама Лера поспешила возмутиться, но увидела на сцене Арсена с микрофоном в руках и с бокалом шампанского, и не смогла сдержать улыбку.

— Милая моя, любимая, я хочу, чтобы все тебя видели, подойди сейчас ко мне. — Арсен взволнованно дышал и улыбался, заставляя всех присутствующих дам постанывать от удовольствия и завидовать Лере чёрной завистью. — Лера, дорогая, я поздравляю тебя с Днём рождения, — начал он, при этом обращался только к ней, глаза в глаза, но хотел, чтобы это слышали все, — и в это день, я хочу выпить за тебя, за женщину, которая принесла мир в мой дом, за ангела-хранителя моего тихого семейного счастья, за человека с большой буквы, за тебя, родная.

Арсен залпом выпил своё шампанское, Лера из своего бокала лишь пригубила, подарком для неё стал его поцелуй, под гул и аплодисменты сотрудников, которым только и подавай, что зрелища. Так же несколько нежных слов на ушко, теперь уже точно только для неё. Музыка рванула с новой силой, отвлекая гостей, а Арсен, тем временем, уже вёл Леру на выход.

— Лера, прости, но я к тебе на поклон. — Начал он с заранее подготовленной просительной улыбкой, забавно играл бровями, чем отбивал любой порыв сопротивляться.

— Говори уже, поклонник, после того, что ты сделал, я тебе уже должна.

— Ты о чём?

— Ну, как же, теперь все подумают, что ты подаришь мне незабываемую ночь. Если честно, то твоё первое появление в офисе до сих пор обрастает новыми легендами, у тебя теперь просто куча поклонниц.

— А, ты об этом... А я, если честно, о другом. Понимаешь, — по ходу дела, Арсен отводил Леру от клуба подальше, аккуратно обнимая за талию, говорил вкрадчиво и продумывал каждую фразу, — я бы хотел сейчас к Маше с дочкой лететь, у меня уже и билет на руках. Но тут такое дело, няня у нас заболела, отпросилась на выходные, а мать приедет только следующей ночью. Короче говоря, детей не с кем оставить, а взять их с собой... в

общем, ты сама понимаешь.

— Понимаю. — Лера кивала и смотрела теперь с подозрением, удивляясь наглости некоторых личностей. — И, конечно же, посижу, но предупреждаю сразу: к себе не возьму, я только что купила новую мебель, они мне всё разнесут!

— Поистине, ангел-хранитель.

По дороге, Лера заехала домой, чтобы переодеться и взять сменные вещи. Дом Арсена находился за городом, для двух его сыновей — самое подходящее место. Просто несносные чертята, слушали только отца, мать и немного Леру, которая была их крёстной, дарила шикарные подарки, поэтому пользовалась уважением с их стороны. Выходные в такой компании — всё равно, что поработать акробатом в цирке — каждый раз как на минном поле, шаг в сторону и расстрел. Мальчишки любили шумные, и по возможности разрушительные игры, именно поэтому, на время, пока новорождённая малышка будет привыкать к ощущениям, братьев выселили в суровую русскую зиму. Дети разговаривали в основном на английском, и в короткие сроки няню найти было просто нереально, ничего не поделаешь — любимые крестники, всё для детей. Арсен даже в дом заходить не стал, дети уже спали, а Лера и без него здесь знала каждый угол. Несколько раз, когда была проездом в Москве, в этом доме останавливалась, чтобы уж наверняка никого из знакомых не встретить, пряталась ото всех. А сейчас вроде, как и всё равно... только вот не встречается никто.

В доме было тихо и пусто, приятный голубоватый приглушённый свет ночников радовал глаз, но спать не хотелось. Подниматься вверх не стала, присела в гостиной у камина, но не разожгла, всегда плохо обращалась с огнём, просто смотрела и наслаждалась тишиной. Странно, но только сейчас подумала, что этот дом очень напоминает тот, в который они с Сашей переехали с её квартиры, и в котором разрушилась их семейная жизнь.

Глава 12. Десять лет назад

Красивейшая семейная пара, правда, Лера всегда считала, что они слишком разные внешне, чтобы носить такой статус, но все знакомые в один голос повторяли давно заученную фразу. За спиной полтора года семейной жизни, сотни бурных ссор и столько же бурных примирений, а вот теперь они переехали в новый дом. Саша настоял. Видите ли, в квартире ему стало тесно, а на самом деле, бизнес вошёл в нужное русло, и их финансовое положение позволяло иметь недвижимость в одной из элитных подмосковных деревушек. Постоянные приёмы, Лера и Саша любили приглашать гостей, особенно сейчас, когда место позволяет, а в просторном доме было слишком пусто, хотелось наполнить его жизнью и радостью.

«Таким как я не изменяют!», всегда говорила Лера, когда друзья журили её за плохое отношение к мужу, пророча быстрое расставание и развод. «Он найдёт себе кого-нибудь потише», твердили другие, а ей всё нипочём. Никто из них не знал, что творится за дверями их спальни, их дома, когда они оставались наедине. Напоказ Лера была командиром, а на деле любящая и заботливая жена, умница и красавица, которая успевала всё: работать и поднимать бизнес в «Вэл Стил», и ещё при этом оставаться хозяйкой большого дома. Конечно, ей в помощь были наняты люди, но обед и ужин она всегда готовила сама, просто потому что любила, и для любимого была готова на всё. И действительно, таким, как она, не изменяют, вот только... если это произошло спонтанно...

Это был один из тех редких вечеров, когда удавалось собраться на ужин вместе. Обычно у каждого свой неповторимый график, но сегодня исключение — вечер только для двоих. В честь такого события, Лера была освобождена от своей святой обязанности готовить ужин, и Саша всё необходимое заказал в ресторане. Оставалось только сервировать стол, нарезать хлеб и зажечь свечи. Тихая приятная музыка, соблазнительные улыбки, изредка посещают грешные мысли отказаться от ужина и сразу перейти к сладкому, в спальню. Но Саша напряжён, вот уже несколько дней сам не свой ходит. Так часто бывает перед важной сделкой, и Лера на это внимание уже не обращала. Она возилась на кухне, а Саша решил подлизаться и подошёл сзади, приобнял, поцеловал за ухом.

— От тебя пахнет другой женщиной. — Вдруг замерла Лера и развернулась в его объятиях. — Синицкий, ты что, мне изменяешь?

Саша замер, открыв рот, а Лера звонко рассмеялась, легонько толкнула его, отправляя за стол с вазочкой уже нарезанного хлеба, игриво шлёпнула по ягодице и тут же отвернулась, занимаясь своими делами.

— Лера, я сразу должен был тебе сказать...

Она обернулась, уже и забыв, о чём говорила пять секунд назад. Не сразу уловила суть сказанного и хотела вернуться к своим делам, всё ещё улыбалась, но выражение лица любимого мужа заставило напрячься. Она всё ещё не понимала о чём он, почему у него такой вид, но благосклонно кивнула головой, позволяя продолжить.

— Лерчик, прости... ты права...

— Ты меня пугаешь, Саш, лицо попроще сделай. — Неловко усмехнулась она и широко улыбнулась. Выражение лица у Саши остаётся прежним. Она два раза моргнула, улыбка всё ещё пыталась пробиться в уголки губ, но нарастающее внутреннее напряжение заставляло

судорожно дышать.

— Лера, я серьёзно. — Она только широко улыбнулась в ответ на всю его серьёзность. — Я тебе изменил.

Он тяжело выдохнул, тут же устало опустился на стул, потёр глаза, как делал всегда, когда они уставали от очков, взглянул на неё, нервно облизал губы и замолчал. Он молчал, а Лера всё ещё не понимала, что он только что сказал. Она с лёгкостью могла бы принять это за шутку, как было уже много раз, но этот траурный вид не позволил пропустить всё мимо ушей.

— Саш... ты чего? — Заикаясь, спросила, сделала шаг навстречу, но приблизиться ещё не смогла.

— Лерочка, родная, прости, я понимаю, что поступил как последняя сволочь, я негодяй, как хочешь назови — всё будет правильно, но это произошло и я ничего не могу изменить... к сожалению.

— Ты... ты сейчас серьёзно, что ли... я не поняла.

Лера всё ещё пыталась направить его в нужную сторону, предлагала улыбнуться, сказать, что это шутка, но он не говорил. Она опасно размахивала ножом, держа его в руках, так и не успела положить на место после нарезания хлеба. Синицкий сидел на стуле и продолжал что-то бормотать, замолк, только когда на Леру глаза поднял: она затаила дыхание, мышцы на её длинной шее напряглись, грудь на вздохе, взгляд пустой и безжизненный.

— Лера, послушай, — подскочил он и схватил её за руки, — мне нет оправдания, но ты же знаешь, что я люблю только тебя, мне никто не нужен, кроме тебя. Это был просто секс, минутная слабость, как с моей стороны, так и с её. Нет, и не может быть никакого продолжения. Мы больше не видимся... Лера...

Она избавилась от его рук одним резким движением, швырнула нож на стол и попыталась отдышаться, смотрела на него глазами полными слёз, но всё ещё держалась. Стало холодно, невыносимо холодно, внутри всё замерло. Потом резкий жар и головная боль. Она помассировала виски, напряжёнными ладонями расправила волосы, убирая их с лица, напрочь забыв о причёске. А он всё ещё стоит рядом, смотрит, вроде виновато, только что ей с его виноватого взгляда?

— Я люблю тебя, Лерчик.

— А её? — Вырвалось вдруг прямо из груди. Чужой ледяной голос, обжёг всё изнутри.

— Я тебя люблю! А это был просто секс, ничего для меня не значащий, понимаешь?..

— Зачем... зачем, ты говоришь мне все эти гадости? Или, может, ты считаешь, что мне от этого легче?!

Её губы затряслись, она начала метаться по комнате, сама не понимала, что ищет, потом резко остановилась.

— Когда? Когда это было? Месяц, два? Неделя?

— Лера, всё это не имеет значения.

— Ты... ты пришёл от неё, — голос дрожал, нужных слов не хватало, Лера заикалась и спотыкалась через каждое слово, — лёг в нашу постель... какая мерзость!

Она не выдержала и закрыла лицо обеими руками, внутри стало пусто и истощное рыдание раздалось на весь дом. Она никогда не рыдала, всё всегда было так, как она хотела, это сон, глупый сон. Синицкий подбежал, пытался успокоить, но делал только хуже.

— Кто она? — Получилось вымолвить сквозь слёзы.

— Ты не знаешь, мы вместе работали, напряжённый день и... я сам не понимаю, как всё это произошло, но я её уже уволил, она мне не нужна, Лера, любимая, дорогая моя.

Он целовал её руки, её лицо, но Лера стала чужой и холодной. В один момент оттолкнула его и пыталась справиться с эмоциями.

— Просто секс?

В голове пульсировало. О чём она сейчас думает?..

— Я люблю тебя.

— Просто секс... — Она начала нервно кивать головой, в уме уже складывались какие-то картинки, какая-то своя версия. Взгляд метался по комнате, пока не наткнулся на входную дверь, и она выскочила из дома, как ошпаренная. Села в машину и нажала на педаль газа. Ехала по прямой пустынной дороге, сама не знала, куда и зачем, вдруг подумалось, что проедет немного и успокоиться, но спокойствие не наступало, а наоборот, росло напряжение. В голове по кругу крутились его фразы: «Я тебя люблю... это просто секс... мы вместе работали... ты мне нужна». И зачем он это сказал, зачем? Ведь она никогда бы ничего не узнала, не заподозрила, она ему верила как самой себе... зачем? На подъезде к городу вспомнила, что с собой нет ни денег, ни документов, даже телефона в кармане не оказалось, хотя Лера его в принципе никогда не выкладывала. В одну секунду поняла, куда и зачем едет, слёзы уже не текли, дыхание ровное и спокойное. Руки перестали дрожать и теперь надёжно держат руль, она даже сама себе усмехнулась, как в таком состоянии столько проехать умудрилась, ведь могла бы в первый поворот не вписаться... Остановилась во дворе своего дома, но ехала не к себе. Специально поднялась на два этажа выше и позвонила в звонок. Дверь открыл Боря и она, не сомневаясь, поцеловала его, не позволяя опомниться. Боря не сразу понял, что происходит, но и когда понял, не остановил, только чересчур серьёзно посмотрел в её глаза, а она снова его поцеловала.

Просто секс... через полчаса она уже оделась и сидела на краю кровати, молчала. Молчал и Боря, смотрел на её спину, дотронуться не решался. Он ничего не спрашивал, не предлагал выговориться, он просто исполнил свою роль в этом спектакле четы Синицких. Дрогнул от неожиданности, когда в дверь позвонили, но Лера спокойно встала и сама пошла открывать. Как и думала, на пороге стоял Саша, ему хватило одного взгляда, чтобы понять, что произошло: растрёпанные волосы, помятая рубашка, да ещё и застёгнута не правильно и не на все пуговицы. Он стоял бледный, напряжённый, даже очки не снял, так спешил увидеть её, медленно сжимались его кулаки. Лера глянула на него и криво усмехнулась, при этом гордо подняла голову и переступила порог квартиры, толкнув мужа плечом, сделала два шага и обернулась.

— Просто секс... ты же знаешь, что я люблю только тебя.

И спустилась вниз по лестнице. Она не оглядывалась, не ждала его, было неважно, что он сейчас делает и что думает. Это была месть. Не изощрённая, не выдержанная, а обычная месть, именно такая, какую он заслуживал. Так же спокойно села за руль своего автомобиля и вернулась домой.

Он ехал в машине следом, и всё ещё не верил в то, что произошло. Просто наваждение какое-то, зачем, зачем он это рассказал? Знал ведь, что Лера не простит. Это был случайный секс с молоденькой помощницей юриста компании. Она пришла на практику и как-то сразу включилась в работу, для неё не существовало запретов. Невероятно умна, обаятельна и красива. С Лерой, конечно, не сравнится, нет, но было в ней что-то такое, что притягивало внимание. Райковский сразу заметил его интерес к новой сотруднице и посоветовал

держаться подальше, но тут выиграло мужское самолюбие. Кому он советует? Кто он такой? Специально все дела этой Наташе передал, а она и рада стараться. Одеваться стала откровенно, ей всё время было жарко, и она снимала пиджак, под которым красовалась прозрачная блуза, выставляя напоказ шикарную грудь. Несколько раз она, проходя мимо, как бы случайно задевала его этой частью своего шикарного тела, останавливалась в сантиметре от него, глядя в глаза. Он смотрел, как пульсирует кровь под кожей на её тонкой шее, и в один момент сорвался. Страсть, безумие, всё произошло в кабинете. Не понятно было, кто сделал первый шаг. Спешка и азарт, который нельзя преодолеть. Ни о чём тогда не думал, только возбуждение до боли отзывалось в паху. Лера в то время стала на работе зависать — приближался показ, важный, как она говорила, в общем, никакой личной жизни. Вот он и завёлся с пол-оборота.

Никаких долгих прелюдий, несколько коротких, но глубоких поцелуев, её кожа, которая просто сводит с ума, её запах женщины. Юбку задрал, трусики сдвинул в сторону и вошёл. Резко, одним толчком, а она вскрикнула и с ума этим свела. Её стоны, глубокие, пронзительные, его резкие и чёткие проникновения, всё закончилось так же быстро, как и началось. А она и не смутилась ничуть, и на рабочем столе ей удобно и то, что дверь кабинета не заперта, не волновало. Девочка знала, зачем она сюда пришла. Ей, так же, как и ему не нужны были отношения, нужна была разрядка, и она её получила. Осознание происходящего пришло потом, когда домой вернулся, а Лера, вопреки ожиданиям, на кухне. Две недели так рано дома не появлялась, а ту вдруг. И улыбается так красиво, и шортики одела такие, что с одного взгляда завестись можно... Дурак! Какой же он дурак! В этот вечер сказал, что устал, не смог прикоснуться к ней, не простил бы себе этого. А она понимает, конечно, он ведь так много работает. Вдруг захотелось, чтобы всё узнала, сама, чтобы выпустила пар, чтобы разбила что-нибудь о его голову, только бы не это понимание, ведь он устал...

А потом она просто в шутку спросила о другой женщине. Видел смех в её взгляде, игривая поддёрка, не более, и выложил всё, как есть. Потом были только её глаза, испуганные, полные слёз, её крик... слышал, как захлопнулась входная дверь. Пока стоял и соображал, Лера выехала из двора. Кинулся за ней — машины нет, она забрала. Пока другую из гаража выгнал, уже подавился злостью, хотя, на кого злиться, только если на себя самого. Ехать ей было некуда. Несмотря на то, что Лера душа компании и всё такое, друзей, к которым можно вот так заявиться среди ночи, у неё нет. Анька только что, да и та сейчас в отъезде. Приехал на квартиру — точно, машина у подъезда, только вот дома Леры нет. В этот момент сердце остановилось, словно в тумане поднялся выше и позвонил в дверь её бывшего. До последнего отказывался верить, что она может быть там, ненавидел этого Бориса всей душой. Без причины, только за то, что он знал Лерку давно и понимал её с одного взгляда, позвонил ещё раз, и дверь открылась: она. Сжал челюсти так сильно, чтобы не проронить ни слова, чувствовал только, что сейчас сорвётся, а она молчит, в глазах ненависть, на лице усталость... Устала она...

Синицкий приехал следом, но в дом заходить не стал. Тёплая летняя ночь позволяла дышать кислородом, что он и сделал. Вошёл только под утро. Он Леру не обвинял, не сверлил тяжёлым взглядом, но их семейная жизнь дала трещину, которую просто так не заделать. Один день молчания, а потом снова работа, работа, работа. Всё было как всегда, об этом эпизоде оба предпочли просто забыть. Уже через неделю они могли друг другу улыбаться, что-то вместе обсуждать. Через десять дней было примирение. Такая же ночь,

как и все остальные, пока между ними не было этой измены, возможно, это было просто испытание.

Но несмотря на всю лживую игру в любовь, в душе у Леры по-прежнему было пусто. Работа не приносила удовольствия, секс не приносил удовлетворения, она не могла стоять у плиты и как прежде рассуждать о том, что приготовить любимому мужу на ужин. Всё было не так, а через месяц она бледная и напуганная пришла прямо к Саше в офис. Почему-то каждый взгляд его сотрудников казался насмешкой: все всё знают, все в курсе, а она идёт и чувствует за спиной то вздохи сочувствия, то ревнивое удовлетворение. Секретарь продержала её в приёмной около часа. Было душно, болела голова, но она продолжала сидеть и потихоньку ненавидеть всех здесь присутствующих. Когда вошла в кабинет, уже не было ни слов, ни мыслей, только одно желание: остаться понятой. Синицкий сидел в своём кресле, как ни в чём не бывало. Широко улыбался, и встал, приветствуя Леру. Шёл к ней через свой огромный кабинет, так как она идти уже не могла, так и стояла у входной двери.

— Лерчик, что-то случилось? Ты плохо выглядишь.

Он взволнованно смотрел, перестал улыбаться, заискивающе заглядывал в её глаза, а потом зыркнул на секретаря, которая всё ещё топталась в кабинете, ожидая приказаний, и та скрылась за дверью. Синицкий медленно подвёл Леру к стулу, помог присесть.

— Ты себя плохо чувствуешь? — Тихо спросил он, сидя перед ней на корточках и надёжно обхватив широкими ладонями её колени.

Ком подкатил к горлу и справиться с ним никак не получалось, от беспомощности она закрыла глаза и потекли слёзы.

— Лера не молчи, что случилось? — Уже голосом, наполненным тревогой проговорил Синицкий. Смотрел на трясущиеся губы, на покрасневший нос, но не успокаивал и не обнимал, знал, что произошло что-то такое, что изменило его жену до неузнаваемости. Такая тихая истерика для неё было чем-то новым и это пугало.

— Саша, я беременна, — тихо сказала она и Синицкий замер, — предположительно четыре недели. — Ещё тише сказала Лера и испуганно смотрела на мужа.

Он сквозь зубы втянул в себя воздух, задрал голову вверх и закатил глаза, через несколько секунд резко выдохнул, так, что судорога сводила шею, и он подскочил, отвернулся и подошёл к окну. Наверно вполне нормальная реакция, но Лера ожидала не этого.

— Саша я...

— Всё, молчи! — Выкрикнул и Лера от неожиданности дёрнулась, слёзы покатались сильнее, но теперь она боялась пошевелиться и не смахивала их, а только чаще моргала, чтобы хоть что-то увидеть через пелену. — Я вызову водителя он отвезёт тебя домой. Я буду через два часа, поговорим спокойно.

Тут же Синицкий связался с секретарём и вызвал машину. На Леру не смотрел, а если и поворачивался в её сторону, то намерено отводил глаза, чтобы не встретится взглядом. На улицу вывел её, держа за плечо, просто тащил за собой, как что-то непотребное, неприятное. Посадил в машину и тут же захлопнул дверь. Пока он сам приехал домой, Лера уже успела нарыдаться вдоволь, думала, что успокоилась, но увидела мужа в дверях спальни и влилась в свою истерику с двойным усердием.

— Собирайся, мы едем к врачу.

— Зачем?

— Собирайся.

Он резким движением открыл двери шкафа-купе, вытянул оттуда первую попавшуюся вешалку и швырнул Лере платье.

— И приведи себя в порядок.

Его тон, его обращение — всё это было таким чужим и непонятным. Лера даже плакать перестала, когда, наконец, встретила с ним взглядом, почувствовала в этот момент резкую боль в сердце, но промолчала... ей просто нечего было сказать своему «такому» мужу.

— Ну, что я вам могу сказать, — жевал губами врач, вытирая луч аппарата УЗИ, — срок слишком маленький, что бы утверждать что-то наверняка. Ну... приблизительно четыре недели, может, чуть больше, может, чуть меньше. Как только плод подрастёт, скажу точнее, а пока, — он развёл руками, — что есть, то есть.

Леру Синицкий вывел за дверь, а сам о чём-то ещё разговаривал с врачом и, конечно, она догадывалась, о чём тот так выспрашивал, и от этого становилось только больнее.

Они были уже дома, Лера сидела на широком диване в гостиной, Саша в это время налил себе выпить, а так как пил он очень редко, да ещё и днём, выводы напрашивались сами собой. Он искоса поглядывал на Леру, как она хмурится, как смотрит в одну точку, намерено шумно выдохнул и громко поставил бокал на стол. Шёл к ней, медленно, степенно, точно кот. Он странно улыбнулся, словно выдавливая из себя эту улыбку и присел рядом. Минуту не решался ничего предпринимать, но потом робко положил ладонь на её коленку и несильно сжал.

— Лера, надо делать аборт. — Он внимательно следил за её реакцией, но она только шумно всхлипнула. — Пойми, врач сказал, что чем раньше это сделать, тем меньше вероятность осложнений.

Он говорил вкрадчиво, подбирая слова, голос бархатный и, если бы сказал что-нибудь другое, то его наверно, следовало бы обнять, но...

— Лерочка, девочка моя, у нас ещё будут дети, наши с тобой дети. Надо просто принять решение. Ты же умная и всё понимаешь, это будет правильно.

— Но это тоже наш ребёнок...

— Твой ребёнок, Лера. — Резко перебил он и напрягся, понимания не случилось.

— Мой?.. А как же твои дети...

— Лера, прекрати! Не мешай всё в одну кучу!

Синицкий с дивана подскочил и начал метаться по комнате.

— Это не куча, это наша с тобой жизнь. Ты же не можешь вот так просто взять и вычеркнуть этот факт.

— Могу!

— А как же я?

Задохнулась от его резких слов, брошенных, как кость голодной собаке. Она говорила, говорила, но не узнавала его, Сашу словно подменили и нет больше того улыбчивого соблазнителя, который голос повышает только на работе, нет того надёжного мужчины, который во всём её поддерживал.

— Лера, не будь ребёнком.

— Мне девятнадцать, а тебе почти тридцать...

— И что? Это повод делать вид, что ты ничего не видишь и не слышишь?

— Саша, я тебя не понимаю. Это ведь твой ребёнок...

— А если не мой? — Крикнул он и Лера вздрогнула.

— Но...

— И никаких «но»!

Он хлопнул дверью и закрылся в своём кабинете. В таком же стиле они продолжали жить ещё две недели. Лера забросила работу, практически не выходила из своей комнаты, не вставала с постели. С каждым днём напряжение в доме только росло, Синицкий гнул свою линию и не желал выслушивать каких-либо доводов, пока в один ужасный день не сорвался на откровенный крик, от которого Лера горько заплакала.

— И не надо лить слёзы, ты сама во всём виновата! — Кричал он, отдирая её руки, приложенные к лицу.

Так и не понял... Она закрывалась не от слёз — она закрывалась от него, от его крика, от злобного взгляда, а он кричал от этого только сильнее. Смятое покрывало путалось в ногах, а Синицкий больно держал её за руки и тряс, доказывая свою правоту. Его голубые глаза были практически чёрными, страшными, казалось ещё одно слово, один взгляд и он её ударит.

— Ты сделаешь аборт! А иначе... — Он не договорил, скорее всего, и сам не знал, что сказать, но это была последняя капля её терпения.

— Иначе что? — Проговорила она ровным тоном, настолько спокойно, что Синицкий пришёл в себя.

— Иначе можешь отправляться к своему хирургу.

Вот и всё, что он хотел сказать. Синицкий от кровати отошёл и упёр руки в бока, наблюдая, как обессиленная Лера сползает на пол. Она рукой пригладила растрёпанные волосы, смахнула последние слезинки и молча вышла из спальни. Догнал он её уже на выходе, быстро окинул взглядом плащ, накинутый прямо на домашний халат, и резко дёрнул за руки, притянув к себе.

— Куда собралась? — Зло прошипел и своим гневным дыханием упирался в её лицо.

— К Боре.

Он отпустил. Не просто отпустил, а оттолкнул от себя. Лера успела только ключи от автомобиля и сумочку схватить, как вырвалась на улицу. Проливной дождь вымочил до нитки ещё до того, как дошла до машины, но холодно не было, внутри всё кипело, жгло огнём, опустошая и убивая любое желание жить. Она уже практически согласна на аборт, только бы не видеть этого призрака, не слышать обидных слов, но если найдётся хоть один человек, готовый её поддержать, она справится, по-другому просто не может быть.

Боря как всегда оказался дома, даже удивительно, как Лере везёт застать дома человека, который буквально живёт на работе. В два часа дня он выглядел заспанным и уставшим, но впустил без лишних расспросов.

— Что случилось? — Спросил он, как только Лера выпила стакан воды и отдышалась, до этого только хлипала носом и смотрела бешеным взглядом.

— А ты... я тебя разбудила?

— Да, — махнул рукой, предлагая не заморачиваться, — тяжёлая операция, полночи на ногах, вот, отсыпаюсь. А у тебя что?

— Я беременна.

— Поздравляю, это же здорово... и что?

— И Саша заставляет меня сделать аборт.

— Он дурак? Лера, первая беременность и в твоём возрасте... даже не думай!

Спокойный и ничуть не удивлённый тон Бориса внушал надежду на лучшее. Он мило улыбался, именно мило, ни больше, ни меньше, смотрел с некоторым непониманием.

— Он... он, — Лера снова расплакалась, хотя казалось за две недели рыданий, слёз уже не оставалось, — он не хочет растить чужого ребёнка, говорит, что своих хочет.

— А ребёнок чей?

Что же, закономерный вопрос, но его тон как-то покоробил.

— Понимаешь, там такой срок... в общем, я могу быть беременна и от тебя.

Борис замер с открытым ртом, и смотрел как на умалишённую, потом как-то отстранённо улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Малыш, улыбнись, — он своей рукой вытер её щёки и посмотрел с умилением, — сейчас я тебе скажу одну вещь, и ты домой не просто поедешь — ты полетишь. — Его загадочные глаза и такая же непонятная улыбка заставили Леру усомниться в правильности своего приезда, реально захотелось сбежать и отсюда. Действительно, кому нужен чужой ребёнок, ЧУЖОЙ! — У меня не может быть детей, вообще, так что ты беременна от мужа и это без вариантов.

Сначала она слов не нашла, потом недоверчиво покосилась в его сторону.

— Как... почему?

— Сборная университета по гандболу, я вратарём был, помнишь?

— На-навечно... я не знаю, а что?

— Неудачная подача и, как следствие, абсолютное бесплодие. Вот так, так что вытирай слёзы, улыбайся шире и беги, обрадуй будущего папашу! Хотя нет. — Борис усадил на место уже вставшую, но ещё до конца не осознавшую суть сказанного Леру. — Сейчас я отцу позвоню...

— Отцу?

— Да, представь себе, отец у меня есть, просто они с мамой давно в разводе. Он гинеколог, может вести твою беременность.

— Да, спасибо.

Лера смотрела на Бориса, который суетился в поисках телефона, он ей улыбался, он её поддерживал, он был за неё рад. А она сидит в некой прострации и не знает, смеяться ей от счастья или ещё немножко поплакать.

— Пока не за что.

Борис уже звонил отцу, быстро договорился о приёме, повесил трубку и оповестил счастливую мамочку.

— Через час он тебя ждёт. Я провожу.

— Нет, нет, что ты, отсыпайся. — Вот теперь Лера вернулась к жизни. — Я сама, только зайду к себе, переоденусь, а то я, видишь, в халате... — развела руками, даже не поясняя, почему в таком виде, быстро крунулась по комнате, помахала ручкой и спустилась вниз по лестнице в свою квартиру.

От врача она вышла с улыбкой на лице, выдохнула и оттолкнула от себя весь тот негатив, который её до этого окружал. Домой идти не хотелось, да и Саша ещё нет, поэтому решила прогуляться. По магазинам не пошла, знала, что скупит там весь размерный ряд для новорождённых, отправилась в парк. Присела на скамейке у детской площадки и любовалась на озорных ребятшек и девчонок. А потом случился разговор... Тот, который изменил всё то, что она себе только что успела придумать, и в дом она вернулась всё в той же прострации.

Синицкий был уже там, снова с бокалом коньяка в руках, который он последние две недели просто не выпускал. Он сидел на диване в расслабленной позе, играла тихая музыка.

Как только Лера появилась в поле зрения, направил на неё свой нетрезвый и недобрый взгляд. А она стала напротив, не в силах ему что-нибудь сказать. Под этим взглядом, словно распятая, дышать, и то, тяжело.

— Ты на аборт записалась?

Вот так и разрушаются иллюзии, Лера криво улыбнулась и тут же достала мобильный телефон, набрала номер гинеколога.

— Андрей Евгеньевич, это Лера. Я хочу сделать аборт. — Ответ она слушала несколько минут, всё это время не сводила глаз с Синицкого и, казалось, даже не слушала, что говорят на той стороне трубки. — Нет, это моё окончательное решение.

Ещё пару минут текста в трубке, и она её повесила. Взглядом бросила Синицкому вызов: «Твоя очередь, милый».

— Когда?

— Завтра в десять.

— Я тебя отвезу.

Следующий день был самым страшным в её жизни, перед выходом из дома она впервые сняла с пальца кольцо, которое Саша подарил, положила его на туалетный столик. Взяла всё необходимое по списку, а то, чего не хватает, купит в аптеке. Никаких эмоций, только пустота и боль.

— Кольцо сняла? — Взволнованно заметил Синицкий, уже сидя в машине.

— Да. Мама всегда говорила, что перед операциями нужно украшения снимать... к тому же, кто там за ними будет смотреть...

— Ну да.

Высадил её у ворот клиники.

— Когда тебя забрать?

— Я доеду сама.

Он даже из машины не вышел, не посмотрел в след, не сказал напутственных слов. Как только Лера хлопнула дверью, нажал на педаль газа и сорвался с места, словно опаздывает. Всё, что происходила далее, было похоже на сон. Вокруг суетились какие-то люди, что-то спрашивали, что-то говорили, но Лера как китайский болванчик только кивала им в ответ. Наркоз. Когда пришла в себя, услышала что-то нелицеприятное от анестезиолога, тот ворчал по поводу женщин, делающих аборт, и Лере даже показалось, что она попыталась с ним спорить. Потом ещё час после наркоза мучительная жажда, тошнота, головокружение, но дальше — хуже, потом были тянущие боли в низу живота, которые никак не желали отступать. Врач по этому поводу беспокоился, но Лере было всё равно и она, как и положено, через пять часов покинула палату.

Дома стало только хуже, серые стены давили на сознание, было нечем дышать, было большое желание закрыть глаза и надолго уснуть, но спать не получалось, мысли никак не желали оставить голову и подождать до завтра. Она добралась до спальни, свернулась на кровати калачиком, не переодевалась и не приняла душ. На грани жизни и смерти, словно слышала голоса из загробного мира, наверно сходит с ума. Боль превратилась в нечто живое, в её неотъемлемую часть, будто всегда была здесь, просто таилась, а теперь вырвалась на волю. Перед глазами красные пятна, пятна крови, она чувствовала, как вырвали её маленькую частичку, разорвали на куски и выбросили, как что-то ненужное, недостойное жить. Как она смогла это сделать?... Отвращение к самой себе не давало дышать, в груди что-то сильно набухало, распирая рёбра изнутри, словно рыдания, которые никак не могут

вылиться. И огонь, пламя бушевало внутри, сжигало заживо её душу, и каждое мгновение этот пожар начинался снова и снова. Было страшно. Ещё не стемнело, как появился Синицкий.

— Ты уже дома? — Удивился он, но, видимо, никакой реакции и не ожидал, потому что тут же оставил Леру в покое.

Вернулся в спальню около десяти, Лера по-прежнему не спала, но не плакала, ничего не говорила, даже не вздыхала обречённо, было просто всё равно. То, что Синицкий решил спать в общей спальне, стало сюрпризом, ведь последние две недели он предпочитал гостевую комнату. К Лере без особой на то необходимости не прикасался, словно ему это противно. Разговор не начинал, а сейчас его прорвало: пришёл, лёг в общую постель, повернулся к Лере лицом и даже попытался приобнять. Никакой реакции с её стороны, но он не удивлён, он всё понимает... Положил горячую ладонь на бедро, уткнулся носом в её волосы.

— Лерочка, так будет лучше для всех. Пройдёт время, и ты это поймёшь. — Тихо уговаривал он, шептал практически на ухо. — Я тебя люблю.

Вот после этих слов стало действительно больно, больно от его лживости и притворства, для себя она уже решила: это будет последний день их семейной жизни.

Проснулась, когда мужа рядом не было, а, судя по ярким солнечным лучам, не было его давно. Открыла глаза и увидела в углу комнаты огромную корзину с белыми розами, как насмешка над ней, благодарность за её покорность, за её «Поступок», а совсем рядом, на прикроватной тумбочке, то самое кольцо, которое она когда-то обещала никогда не снимать. А вот теперь она обещает, правда, уже самой себе, никогда его не надеть.

— Один билет до Рима на ближайший рейс, пожалуйста. — Без эмоций проговорила Лера, бронируя место в самолёте. Услышала время вылета и трубку положила.

За двадцать минут собрала небольшой чемоданчик с самыми необходимыми вещами, проверила паспорт, деньги, телефон, потом от телефона решила отказаться, взяла только личную записную книжку. В доме, в свете последних событий, постоянной прислуги не было, один раз в неделю приходила женщина, чтобы убирать, ближе к обеду приходила другая, чтобы приготовить ужин, поэтому ушла Лера без лишних расспросов и бесед. Пока собирала вещи, чувствовала, что в комнате ей тесно, никак не могла понять источник дискомфорта, пока не вспомнила о злосчастной корзине с розами. Цветы, конечно, ни при чём, но когда все бутоны были скручены со стеблей, стало действительно легче, но выглядело наверно ужасающе. На прощание она даже не оглянулась, к этому дому она так и не привыкла, он не принёс ей счастья. Вот так и уехала, ни о чём не сожалея. В девятнадцать лет не бывает золотой середины, бывает только крайность: Лера могла иметь всё или ничего. Она выбрала последнее, но зато осталась при своём.

Глава 13

В клубе вечеринка продолжалась полным ходом, отсутствия именинницы никто и не заметил. Бесплатная выпивка и закуски были в избытке, так что сам факт, по которому собрались, уже не был столь важен.

Синицкий с Райковским и Кристиной прибыли в числе последних, и, естественно, Леру не застали.

— Мария, добрый вечер, — вежливо улыбалась Кристина, держа скромный букет цветов в руках, — мы не можем найти Валерию Павловну, не подскажете, где она?

Компания уже более получаса бесцельно оглядывала танцпол, бар, но Снежной видно

не было, поэтому и спросили у приближённой — секретаря.

— А вы знаете, Валерия Павловна уже ушла.

— Как жаль, а давно? — Уточнил Райковский. Посмеялся, глядя на нахмурившегося Сеницкого.

— Давно, наверно как раз после тоста своего друга. Ой, Игорь Владимирович, вот он-то настоящий мужчина, а как на Валерию Павловну смотрит. Какая пара получилась бы красивая.

Мария уже прилично выпила и не обращала внимания на то, что разговаривает не с подружкой, а с руководством, так сказать, но именно она со своей репликой была как раз кстати.

— Какого ещё друга?

— Ну как же, Арсен Багатын, приходил как-то к нам в офис. О, Александр Дмитриевич знает! — Воскликнула Маша, вспомнив о Сеницком.

— С ним ушла?

— Не знаю, наверно. После тех слов, которые он говорил, я бы с ним на край света пошла. Представляете, прямо со сцены, во всеуслышание, говорит, что она его счастье, что она мир в его доме. Вот, знаете, Кристина Николаевна, после его тоста оставалось только на колени стать и предложение руки и сердца сделать, но он воздержался.

Пьяному бреду секретарши можно было бы и не предавать значения, если бы не одно но: полный зал свидетелей, повторяющих одно и то же, а вскоре нашлись и те, кто видел, как парочка вместе садилась в машину. Вот так Сеницкий и потерял покой на ближайшие несколько дней. Но не было его и у Леры. За два дня они посетили, кажется, все детские развлекательные заведения города, а это те детишки, которых зоопарком и цирком уже не удивить. Но усталость была приятной, удалось отвлечься от грустных мыслей, да и от не грустных тоже. В понедельник на работу поехала прямо от Арсена, незнакомый автомобиль с водителем сразу вызвал подозрение со стороны охраны, и нездоровый интерес со стороны зевак, которые только что рты не открыли. Все вежливо здоровались, улыбались, в память о совместно проведённом вечере, некоторые ещё раз лично пожали руку, поздравляя с прошедшим. Удивила только Маша, которая с самого утра уже варила кофе.

— Александр Дмитриевич. — Кивнула она в сторону закрытой двери кабинета, заметив вопрос в глазах начальницы.

— Своего кабинета уже мало, так, он ко мне ходит. — Отшутилась Лера, скрывая удивление и с широкой улыбкой вошла.

Сеницкий сидел в её кресле, откинувшись на спинку и медленно покачивался из стороны в сторону, в этот момент Лера даже немного позлорадствовать успела, что на работу пришла значительно позже обычного.

— Мне ещё не надо спрашивать разрешения, чтобы войти в свой кабинет?

— Где ты была?

— И тебе доброе утро. Ты Машу со своим кофе уже загонял.

— Вопрос мой слышала?

— Не велика честь на него отвечать, Сеницкий. Что надо?

— Поздравить тебя хотел, с Днём рождения, но только не успел... тебя и без меня поздравили. Не дождалась.

— Десять лет жду, а ты только опомнился.

— Что у тебя с ним?

— Этот вопрос ты своей невесте задавать будешь, понял?! — Лера не собиралась портить утро понедельника и продолжила более вежливо. — А сейчас, Александр Дмитриевич, если вы не против, я поработаю. А вы, если не имеете ко мне других вопросов, можете отправляться дальше по коридору, в кабинет креативного директора.

— Ну, что же ты, выгоняешь... Я, может, поговорить с тобой хочу.

— О чём?

— О тебе. Тридцать лет, всё-таки, могла бы и приличнее себя вести.

— О, — вскинула руки, удивляясь, — как говорить, тридцать — это те же двадцать, только ты более ухоженная, самостоятельная и уверенная в себе. А вот тебе, Синицкий, как ни крути, всегда будет на десять лет больше, чем мне. Не напугал.

Лера уже успела снять норковый полушубок, причесаться, разобрать сумочку, а он всё продолжал сверлить её взглядом и сидеть в её кресле.

— Ты у него ночевала?

— Не унижайся, любимый, тебе это не идёт. И... освободи моё кресло, оно на такой вес не рассчитано.

Синицкий нехотя, но поднялся, напряжение росло, а Лера всё шутила, нарывалась.

— Ты что с разводом думаешь?

— А ты? — Усмехнулась, издеваясь. — Думай быстрее и не забывай делать правильные выводы.

— Да? И какие правильные?

— Лучшим вариантом для тебя, — Лера замолчала, выдерживая мучительную паузу, уже успела зайти за стол, поэтому подалась вперёд, чтобы быть ближе, — будет от него отказаться.

— Лерка, я тебя предупреждал? — Обречённо выдохнул Синицкий.

— По поводу?

— Чтобы ты не играла со мной, я ведь не железный, могу и сорваться.

— Так сорвись, давай. Потом все вместе посмеёмся, когда ты Кристиночке будешь рассказывать о том, что забыл о существующем в твоём паспорте штампе.

Лера вдруг вспомнила о телефоне, который остался в кармане шубки, пришлось ещё раз продефилировать, демонстрируя точёную фигурку.

— Где ты была два дня?

— Дома! — Уже недовольно и на повышенном тоне ответила она, отвлекаясь от цели.

— Дома...

— А что, потерял меня? — С лёгкостью отозвалась Лера и снова улыбалась.

Она стала в опасной от него близости, вызывая отставленную ногу на высокой шпильке не давала покоя обоим, Синицкий уже не сводил глаз с её коленки. Одна секунда, огненный взгляд... и она в его объятиях. Грубый глубокий поцелуй отбил все возможности сопротивляться, он надёжно держал её лицо обеими руками, пока Лера на поцелуй не ответила. Нужно было найти точку опоры, ближе всего оказался стол, всё лишнее в то же мгновение оказалось на полу, раздался жуткий грохот, но Синицкий не отвлекался. Одним резким движением задрал узкую юбку на бедра, послышался треск разорванной ткани и его рука, до боли сжимающая бедро. Потянул на себя, закидывая её ноги на свою поясницу, теперь Лера была полностью в его власти. Твёрдые губы впивались в нежную кожу, причиняя боль, крепкие руки нетерпеливо изучали тело, демонстрируя, как же он истосковался, как соскучился. Он словно сошёл с ума, целовал её шею, грудь, прижимал к

себе, не давая лишний раз вздохнуть, в один из его порывов Лера негромко простонала и открыла глаза: в дверях стояла оторопевшая Мария. Лера быстро махнула ей рукой и та вышла, но Синицкий всё это почувствовал. Остановился, всматриваясь в покрасневшее от страстных поцелуев тело, в распухшие губы, отдышался и Леру отпустил. Его руки всё ещё оставались на её бёдрах, когда он глянул исподлобья.

— Передашь от меня привет своей секретарше.

Синицкий ещё секунду любовался плодами своего труда, а потом вышел, хлопнув дверью. Лера минут пять приводила себя в порядок, а затем вышла следом, в приёмной столкнулась с Кристиной.

— Я слышала Саша здесь. — Мило улыбалась она и хлопала ресницами.

— Нет, — Лера дерзко улыбнулась, — его здесь нет, но он просил передавать вам привет. Вот, передаю. — В ту же секунду посмотрела на секретаря. — И вам, Маша, тоже.

— Я поняла, Валерия Павловна. — Опустив взгляд в пол, ответила секретарь и тут же зыркнула на уходящую Кристину.

— Да, и унеси из моего кабинета кофе, нечем дышать, честное слово. А я на двадцать минут к модельерам.

Лера широкой папкой прикрывала свежий дефект своей новенькой юбки, показательно улыбалась, демонстрируя положение, настроение и намерения одновременно. Потом ещё два часа провела у Светы, подбирая новый наряд, не выдержала и самостоятельно перемеряла все модели, которые были готовы к показу. Молодость вспомнила, вертелась перед зеркалом и не могла налюбоваться на себя, Света же, скромно улыбалась в сторонке, утверждая, что такая красивая женщина любую тряпку превратит в шедевр.

Вечером, в честь хорошего настроения, решила открыть бутылочку любимого вина и не успела наполнить бокал, как в дверь позвонили. Обречённо вздохнув, она сделала пару глотков и пошла открывать. За дверью оказался Синицкий. Он стоял мрачный, напряжённый, сверлил Леру взглядом. Она и не думала ему отказывать, сделала два шага назад, позволяя войти. Победная улыбка на лице, бокал с вином в руках, оставалось только провести языком по губам, обрамляя свой соблазнительный вид.

— Да, Синицкий, знала, что придёшь, но не думала, что так скоро. — Он закрывал за собой дверь и снимал пальто — лучшее завершение вечера. — Так невтерпёж?

Синицкий как с цепи сорвался и теперь никто ему не мешает, единственное, о чём жалела Лера, так это о том, что на ней сегодня любимое изумрудное неглиже с секретными замочками, но что такое секретные замочки... против силы мужского желания. Тонкое бельё затрещало по швам, нетерпимости этого мужчины можно было только улыбнуться. Сегодня её грудь обнажена, давно забытое откровение и её целуют, жадно, страстно, горячо. Он втягивает в рот её соски, после нежно балует их языком, он хочет запомнить каждый сантиметр такого желанного тела и её тепло. Всё тело саднит от страстных прикосновений, он соскучился, он её ждал, как раз в такие моменты понимаешь, что всё было не зря. Грудь... как он любит её грудь, одно прикосновение его языка и соски готовы к продолжению. Кожа жаждет его прикосновений, выгибается спина, судорожно подтягивается живот и стон, громкий и пронзительный после резкого проникновения. Только сейчас Лера готова признаться самой себе, что именно его рук, его губ она ждала столько лет. Когда особо острые ощущения отпускали, можно было вдоволь насмотреться на его лоб, нос, прикоснуться к его затылку, провести рукой по коротким волосам. Его движения, знающие и уверенные, такие любимые ею, и такие знакомые, каждая клеточка тела отзывается на его

желание, бешеный, неуёмный ритм, как в скачках, словно каждый боится опоздать... Влажные тела, на пике напряжения, протяжные стоны, будоражащие сознание, как им обоим этого не хватало.

— Ну и морду же ты себе разъял! — Усмехнулась Лера, отталкивая от себя лицо с довольной ухмылкой.

— И это вместо «спасибо, любимый»?

— Не заслужил.

Он встал с кровати и принялся одеваться, повернулся к Лере спиной и молча натягивал брюки. Он всё время молчал. Наблюдая за этой картиной, Лере вдруг захотелось прикрыться, странный озноб прошёлся по телу. Вот именно так она и представляла себе его с той, другой женщиной, с которой у него был просто секс, точно так же как и сейчас с ней. Он так же молча оделся, поблагодарил за прекрасно проведённое время и больше никогда не возвращался. Никаких чувств, только дикая, неудержимая страсть, желание обладать, необходимость снять напряжение. А потом он вернулся к ней, так же, как сейчас пойдёт к Кристине, в этом можно даже не сомневаться, будет смотреть ей в глаза и улыбаться. Противно стало до ужаса, если бы не абсурдное положение любовницы собственного мужа. Она то ли смотрела на него, то ли любовалась, едва заметная улыбка на лице, склонённая набок голова, и всё-таки, она его хочет, так же, как и прежде.

— Зачем уходить, если всё равно вернёшься?

— А ты так уверена, что я вернусь?

— Уверена. Синицкий, ответь мне, только честно. — Обратилась к нему, но не рассчитывала, что тот откликнется, даже немного удивилась, когда он кивнул, разрешая продолжать. Сам тем временем уже толкал галстук в карман брюк. — Тебе было плохо без меня?

— Честно? — Лера кивнула, а он криво улыбнулся и вдруг замер. — Я чуть не сдох. — Саркастическая улыбка быстро перешла в оскал, он приблизился, склонился над постелью. — А если быть честным до конца, то знай: если бы ты тогда не сбежала, а захотела уйти, хлопнув дверью перед моим носом, я бы тебя не отпустил. Никогда. Ты была мне жизненно необходима, как вода, как воздух... а ты ушла.

— Красивые слова, да и только.

— Я не жил без тебя — существовал, потом и вовсе год как отшельник, не ем, не сплю, с ума схожу без тебя.

— Ну, если тебе было так плохо, почему не приехал, не пожаловался на суровую реальность?

Синицкий резко склонился над Лерой в кровати, их разделяли три сантиметра и море невысказанной обиды, он говорил зло и сквозь зубы.

— А потому что ты, Лерка, из тех баб, которые не подадут руки упавшим, а если ещё и с повинной прийти, то такого пинка выпишешь, что больше не захочется.

— Струсил...

— Говори, что хочешь. Я не думал, что ты тогда серьёзно решила уйти. Перебесишься и вернёшься... недооценил, признаю. А второй раз уже было поздно. Кстати, ты тогда зачем приезжала, ведь не собиралась возвращаться, я точно знаю.

Лера и сама задумалась над этим вопросом, пока не пожала плечами.

— А я и сама, если честно, не знаю. Одно точно скажу: приезжала зря, не надо было.

Синицкий был уже на пороге, когда вдруг захотелось проявить заботу. Он пыхтел,

обувая ботинки и по непонятной причине недовольно ворчал.

— Не забудь принять душ и переодеться. — Он выглянул в недоумении и нахмурился. — Ты же знаешь, мои духи хоть и приятно пахнут, но аромат до ужаса стойкий, даже стирка не спасёт.

— Всегда хотел узнать, где ты достаёшь настоящие «Climat», если я не ошибаюсь, их уже лет тридцать не выпускают?

Лера вздохнула, заскучав, но любимый ждал ответа, она на подушку откинулась, не удостоив его взглядом.

— Бабушка как почувствовала, купила флаконов двадцать, так что мне до конца жизни хватит.

— Тебе очень идёт этот аромат.

Синицкий по-доброму, совсем как раньше улыбнулся, Лера видела его отражение в зеркале, посмотрел с грустинкой на уставшее женское тело. Голову она, чтобы попрощаться, так и не подняла, и ему пришлось все свои эмоции оставить при себе. Было слышно, как хлопнула входная дверь, потом зашумел лифт. Стало грустно и обидно, что он ушёл, ведь мог и не уходить... Глаза закрыла и подумала, а действительно, зачем она тогда приезжала?

Глава 14. Девять лет назад

Прошло полгода. Страшных, полгода, когда день и ночь сравнились в своих правах. Как сон, который никак не желал заканчиваться. Ела, потому что было нужно, пила, потому что было нужно, разговаривала, потому, что спрашивают, но в один день Лера открыла глаза и поняла, что она всё ещё жива, что она дышит. Первый этап депрессии закончился, захотелось домой, туда, где яркая и красивая весна, где любимый человек... Или не любимый? Полгода мытарств по психологам, группам поддержки, полгода лечения после неудачного аборта. В Москву она едет для консультации у Андрея Евгеньевича, но сердце неприятно щемит и дыхание становится судорожным. Она не будет искать с ним встречи, у неё будет всего два дня и «хозяин случай», который может и не случиться. С каждой минутой на приближении к дому, сердце стучит сильнее, и она ещё не знает, что встретит и что услышит. Взяла такси, в медицинском центре просидела ровно два часа, пока пришли все анализы, все исследования. Поздравления врача вызвали улыбку. Потом пришёл Борис, он суетился вокруг, выпрашивал, что да как, только странно пожал плечами, когда Лера сообщила о намерении переночевать в своей квартире.

— Может, лучше в гостинице? — Не унимался он. — Всё-таки ты только отошла от стресса, я как врач не рекомендовал бы тебе...

— Боря, перестань, какой стресс? Тем более в моей квартире мы жили счастливо, хоть и не долго.

— Не знаю... ну, подожди хотя бы меня, — он странно кривил губы, глаза бежали, но заботливая улыбка не позволяла думать о плохом, — я часа через два освобожусь и...

— Я сама прекрасно доберусь, а если что, загляну к тебе на чай, когда придёшь. Договорились?

— Договорились. Только, Лера, я тебя прошу, не волнуйся.

— Слушаюсь, мой командир!

Она даже шутливо отдала честь, под строгим взглядом, похлопала его по плечу, а как только из медцентра вышла, и у самой на душе странной чувство тревоги появилось, а всё Боря, со своими предостережениями. Боря в этом виноват или не он, но ноги затряслись уже когда в подъезд входила.

Чтобы хоть как-то успокоиться пошла по лестнице, правда, очень быстро об этом пожалела, волнение зашкаливало и не поддавалось никаким уговорам. А вот когда стояла напротив двери своей квартиры и держала в руках ключи, то и вовсе сознание терять было пора, а всё оттого, что за дверью было слышно чьё-то присутствие. Как она посмотрит в его глаза, что скажет, а что он скажет в ответ?

Дверь открыла, переступила через порог, и внутри всё заколотилось, сердце вот-вот выскочит: у порога стоит женская обувь, на вешалке розовый плащ и жуткий цветастый шарф, даже из коридора видны декоративные диванные подушки из дорогой ткани — они валялись на полу, рядом с какой-то чужой одеждой. В душе шумела вода, Лера быстро прошла мимо этой двери, шагнула в гостиную и замерла, наблюдая беспорядок. Стремительно темнеет в глазах, лёгкий шёлковый шарф на шее превратился в удавку и не позволяет глотнуть воздуха, она его с силой рванула, но воздуха становилось всё меньше.

Ноги не слушаются, отказываются работать, сердце не хочет биться, глаза не хотят смотреть, ком в горле отказывался проходить. Дрожащими руками распахнула окно и нависла над подоконником. Холодный воздух наполнил комнату, и тогда в груди поселилась жгучая боль, которая давила изнутри, заставляя зажаться. На резной спинке дивана небрежно висело женское бельё, рядом на полу валялись отвратительно рыжего оттенка растянутые чулки, из-под кресла выглядывало красное платье с кривыми, не разглаженными оборками. Лера вдруг забыла, зачем она сюда пришла, нелепо оглядывалась по сторонам, пытаясь понять, та ли это квартира, в которой она прожила всю свою жизнь или это кошмарный сон. Хотела забрать вещи, но не могла вспомнить какие, зачем пришла? Она сделала шаг в сторону декоративных полок, стук собственных каблучков раздался оглушительно громко, и она скривилась, закрывая уши руками. Сантиметровый слой пыли на любимых фотографиях, распахнутая шкатулка с её украшениями, разбросанная косметика, явно не один раз использованная чужими руками.

— Эй, ты кто такая?

Послышался грубый, прокуренный женский голос со стороны коридора и Лера обернулась. Перед ней стояла не то, чтобы девушка, скорее, женщина, явно старше самой Леры лет на пять, мясистая, широкоплечая, размера сорок восьмого, не меньше. Рыжеволосая, с выдающейся грудью пятого размера, на которой едва сходилась Лерин шёлковый белый халатик, купленный специально для первой брачной ночи. Она стояла с полотенцем в руках (опять же, с её любимым полотенцем), видно, только что стащила его с мокрых волос и приняла угрожающую позу.

— Я спрашиваю ты кто? Как ты сюда попала?

Стало так противно, до тошноты, даже можно было прочувствовать, как стремительно бледнеет лицо и холодеют руки. Она стояла и молчала. Вот, честно, не знала, что сказать и стоит ли что-то говорить. Когда вошла в квартиру и увидела следы присутствия его любовницы, вроде как твёрдо решила собрать все свои вещи и уйти, но теперь, когда понимает, что к этому прикасались его шлюхи: к одежде, драгоценностям, и даже к косметике, напрочь отвернуло от всего. Лера смотрела на эту вульгарную особу, на то, как выются по плечам её волосы с химической завивкой, как нагло та на неё смотрит и при этом чувствует себя здесь хозяйкой...

Ведь он специально привёл её сюда. Не к себе домой, а сюда, чтобы Лере было ещё больнее, чтобы она поняла, что он без неё не скучает. И если не она сама всё это увидит, то соседи обязательно расскажут... он хотел причинить ей невыносимую боль. Что ж, у него получилось. Ждала, что следом за девкой выйдет и Синицкий, поэтому молчала, но было тихо, и эта вульгарная особа странно вела себя, не оглаживалась и никого не ожидала, надеялась только на себя. Вдруг Лера вспомнила о связке ключей в своей руке, медленно опустила на неё взгляд, горько усмехнулась: он добился своего, ей даже находиться в собственной квартире противно.

— Передашь Синицкому.

Швырнула ключи на диван и, гордо подняв подбородок, правильной походкой прошла через всю комнату прямо к выходу.

— А ты чё приходила-то?

— А ни чё!

Закрыла за собой дверь и показалось, что сердце остановилось. Вернулась вся та боль, которая таилась в ней столько месяцев, наверно нужно было заплакать, но как-то не

получалось. Вот уже полгода не получалось, словно пересохло всё внутри. Больно, горько, обидно, а слёз нет. Именно это заставляло родителей отправлять Леру на самые разные психологические курсы, в группы помощи, на индивидуальные занятия. Вроде и всё правильно рассказывала, ничего не утаивала, а выплакаться так и не получилось. Наигранная забота в глазах посторонних людей, лживый интерес к её проблеме — осточертело! И сейчас, по памяти ступает по ступенькам, перед глазами темнота. Вернулась пустота, безразличие, нет ни эмоций, ни слов, она просто ступает по ступенькам. Одна, две, три... остановилась перед квартирой, глаза подняла и поняла, что это квартира Бори, на автомате дошла до нужного этажа. Несколько минут без перерыва звонила в дверной звонок, не сразу вспомнила, что никого нет дома, а потом опустила и села прямо на лестничную площадку, подложив на ледяной бетон маленькую белую сумочку от известного модельера — мама дала в дорогу. Так она и сидела, а потом как во сне услышала шум лифта, поняла, что остановился он на её этаже, тут же хлопнула дверь вниз, из неё кто-то вышел, громко цокая каблуками по плитке. Женское мурлыканье, звуки, похожие на поцелуй, а потом знакомый голос, от которого сердце замерло.

— Что здесь делаешь? Я же сказал, чтобы с утра собралась. — Синицкий весело чирикал, явно был в настроении, его любовница в ответ застенчиво смеялась.

— Щекотно же, дурак! — Громко взвизгнула она, шлёпнула его, наверно по плечу, звук был глухой, и опять началась возня.

Лера всё слышала чётко и ясно, всего два этажа разделяли их сейчас, а широкая лестничная площадка играла роль эхо, все звуки становились ещё громче.

— А может, я хотела увидеть тебя ещё разок, а?

— Увидела уже.

— К тебе тут заходила, какая-то недалёкая.

Синицкий громко рассмеялся и, судя по звукам, прижал девушку к себе.

— Какая?

— Ну, странная такая. Я вообще сначала подумала, что воровка, ходит по комнате, шарит везде.

— Ты дверь не закрыла? — Оживился он.

— Я тоже сначала так подумала. Из душа вышла, а она уже там. Рассматривает что-то. Ну, я и спрашиваю, мол, кто такая, что здесь делаешь, а она молчит. Смотрит на меня безумными глазами и молчит, представляешь. Я думала вообще ненормальная какая-то, милицию уже вызывать хотела, а она сама ушла. Да, и ключи тебе передать просила.

Был слышен отчётливый звон ключей, а потом тишина, наверно она длилась слишком долго, Лере показалось, что это не там тишина, а она уже теряет сознание и ничего не слышит.

— Лерка приходила? — Услышала она, наконец, взволнованный голос.

— Ну, не знаю, она не представилась, — смеясь, говорила девушка, — хотя подожди, Лерка, это что, твоя жена что ли? Точно! — Раздался громкий хлопок, будто в ладони кто-то ударил. — А я смотрю лицо знакомое, я же её на фотографии видела! Только её теперь не узнать, она что, болеет чем-то?

— Болеет?

— Ну, говорю же, не узнать. На фотографии такая эффектная, деловая, а это как мышь церковная явилась. Бледная вся, худющая, вот я и не узнала. Так, ты что, не развёлся ещё, откуда у неё ключи?

— Что... что она сказала? — Затараторил Синицкий.

— Да говорю же, ничего не сказала, ключи бросила и тебе передать просила.

— Когда это было, давно?

— Да с полчаса, наверно, чего ты так суетишься?

— Рот закрой!

— Саша, ты чего, кому звонишь-то?

Но Синицкий её уже не слушал, это как удар под дых. Болеет, она болеет, ей плохо... чёрт! Зачем, зачем всё это? Что пытался доказать, кому? Господи, если с ней что-то случится...

— Анька. Привет, Синицкий... да не кричи ты! Лерка заходила? Да... подожди... Ведьма!

— Да что происходит?

— Вон пошла!

Раздался громогласный крик.

— Да пошёл ты, ненормальный.

Был слышен звук удаляющихся каблуков, потом громко хлопнула дверь, через несколько минут дверь хлопнула ещё раз, и вниз уже понёсся Синицкий. Наверно, если бы хватило сил, Лера высказала бы ему всё, что думает, но сил не было даже на то, чтобы подняться. Пока пришёл Борис, ноги уже онемели от холода и однообразной позы. Всё, что Лера помнила, это его безумные глаза, когда он её увидел. Борис что-то непрерывно бормотал, потом кому-то позвонил, долго спорил, консультировался, а когда повесил трубку, вложил Лере в руку две голубые таблетки и подал стакан воды.

— Выпей.

— Ты знал?

— Лера, выпей, тебе станет легче.

— Ты поэтому не хотел меня отпускать?

— Ты видела его?

— Нет.

Лера так и держала в зажатом кулаке эти таблетки, не понимая, что их нужно проглотить, смотрела на Бориса, как стремительно он меняется в лице. Снова набрал чей-то номер, опять долго спорил.

— И давно... это происходит?

Борис, наконец, присел. Долго молчал, смотрел в пол, не решаясь поднять взгляд. Потом как-то глухо откашлялся и тихо пробормотал:

— Сразу как ты уехала.

Лера кивала головой и растеряно улыбалась. Увидела в своей руке таблетки и вдруг вспомнила, что их нужно выпить.

— Отвези меня домой, я хочу посмотреть ему в глаза, я хочу, чтобы он сам сказал мне это в лицо.

— Да что он тебе скажет?! — Не выдержал Борис и сорвался на откровенный крик. Тут же об этом пожалел, но Лера уже пыталась подняться.

Потом он долго ещё что-то говорил. Не рассказывал, наверно успокаивал, но Лера его практически не слышала. Она замкнулась в себе, реальность перестала существовать. В свои двадцать она слишком серьёзно восприняла всё, свалившееся на её плечи, она просто не была к этому готова.

Наутро Борис её разбудил, заставил влить в себя чай, съесть бутерброд. В десять часов у неё самолёт. На выходе из подъезда с кем-то столкнулись, Борис поздоровался, а Лера женщину не узнала. Где-то на уровне подсознания понимала, что они знакомы, знакомым казался и её голос, но мозг отказывался переваривать информацию. Немного пришла в себя, когда уже сидела в самолёте, оказалось, что Борис вызвался её сопроводить, побоялся отпустить одну, а в это же время, с той же соседкой на лестнице столкнулся и Синицкий.

— Глаза б мои тебя не видели, что с девчонкой сотворил. — Возмущалась она, кивая головой.

— Что?

— Он ещё и чтокает, гадкая твоя душа. Такая красавица была, умница. Пока ты своих шалав по квартирам таскаешь, бедной девочке приходится по соседям мыкаться, о-ё-ёй. — Женщина запричитала. — А он чтокает!

— Вы видели Леру, когда, она у вас?

— Лучше бы ты посмотрел на неё, Ирод. Во что ребёнка превратил?! Зелёная вся, глаза смотрят в одну точку, ведь ничего вокруг себя не замечает, а ты ещё и спрашивать осмелился. Да я бы на месте её родителей, со свету тебя бы сжила! О-ох. — Махнула на него рукой.

— Когда вы её видели, она дома, нет?

— Нет её. С самого утра Боренька увёз на такси.

— Боренька?! — Зло скрипнул зубами Синицкий, ударил кулаком по перилам и побежал по ступенькам вверх, чуть позже можно было слышать оглушительный грохот: ногой в дверь Бориса стучал, но так ничего и не добился.

Следующий год Лера медленно сходила с ума. Нет смысла, нет радости, нет грусти, вообще ничего нет. Она превратилась в этакое зомби, которые вроде и ест, и пьёт, только не знает зачем, а делает, скорее, потому что это нужно. Боль. Тихая, ноющая, где-то глубоко в сердце, нет, не в сердце, в душе. Она не видела, как пролетают дни, как их сменяют ночи. Вокруг всегда были люди, много людей, кто они Лера не понимала. Что они от неё хотят, почему так смотрят, они что, жалеют её? Как сквозь глухую стену слышала их голоса. Бабуля приходила, принесла вишнёвый пирог, начала что-то рассказывать, а Лера смотрит и улыбается. Потом имя... Саша... сердце на секунду замерло, но сразу же успокоилось, это не он, это не про него. Где он сейчас, с кем, чем занимается, неужели ему всё равно? Чётко ощущала его присутствие в этом мире, но он чужой, далеко... Неужели она всё это заслужила? За что? Всю себя отдавала, чего ему не хватило? Смотрела на себя в зеркало, а видела чудовище, серое, безжизненное лицо, а глаза... Они ещё есть? Почему их не видно? Кажется, они зелёные... Надо всё изменить, так не может больше продолжаться, она жива, она ещё может быть счастлива... Только зачем? Да, всё правильно, она это заслужила, она убийца, Саша прав, так и должно было быть, всё правильно. С самого начала было не так, а теперь всё, чего она заслужила, за свою легкомысленность, за своё отношение к жизни. Сны, переходящие в реальность, улица, длинна дорога, которая не имеет конца, она сошла с ума. Психиатр, которого родители наняли, предлагал положить её в клинику, но не успел.

Через год, когда боль утихла, Лера уже всё понимала, она приняла свою судьбу, она была готова ей подчиниться. Она разговаривала, делилась впечатлениями, даже на работу устроилась. Она снова научилась веселиться, только улыбка была заученной, хищной, а в глазах холод и пустота. Так она перестала посещать всяческие занятия, смогла жить

полноценной жизнью, и наверно должна была всем этим наслаждаться, но не получалось. От родителей уехала, отец купил огромную квартиру, в которой особенно хорошо понимаешь, что ты одна, что тебя никто не ждёт, но почему-то эта мысль больше не причиняет боли. Иногда она выпивала в баре. Одна. Не хотела видеть никого из знакомых, а новые друзья, которых в один момент появилось несчётное количество, только раздражали, ей хотелось побыть в одиночестве, наедине со своими терзаниями, со своими воспоминаниями, она пыталась переосмыслить всё то, что произошло, понять, где была допущена ошибка. Саша уже не казался таким уж злодеем, она не казалось жертвой. Пора было расстаться со своим прошлым, отпустить его. Год, как пришла в себя, год, как учится жить заново. Только в одиночестве это сделать очень сложно. В один из таких вечеров вспомнила народную мудрость: клин клином вышибают; и решила этот клин вышибить, да так, чтобы бумерангом не вернулся уже никогда.

Лера сидела в модном клубе, за барной стойкой, эта мысль посетила неожиданно, но не застала врасплох, словно она уже давно родилась в её голове, но достучалась до сознания только в этот миг. Так она с Арсеном и познакомилась. Дерзко улыбнулась своему отражению в зеркале, за спиной бармена, на глазок оценила свой внешний вид, и общее впечатление оказалось сугубо положительным: она секси. Уже давно нет устрашающих мешков под глазами, яркий живой взгляд, впалые щёки немного расправились, кожа красиво обтягивала скулы, и подчёркивала утончённые черты лица, губы в хищном оскале. Платье сегодня выбрала удачное, красное, с глубоким вырезом на спине. Она даже не помнила, откуда оно взялось в гардеробе, но сегодня такой эффект как нельзя кстати. Развернулась на высоком табурете, встряхнула головой, помогая пышным локонам расправиться по плечам, вызываяще закинула ногу на ногу, окинула взглядом зал, который на её удачу был полон одиноких мужчин. Некоторые из них тут же откликнулись на её взгляд, но всё не то.

Никто так и не зацепил, а это ей не подходит. Ей нужен такой мужчина, чтобы всего один взгляд и в мире остались только они вдвоём, смешно, конечно, но очень уж хочется. За столиками сидели сплошь интеллигенты, бизнесмены, наверно для выбивания клина она выбрала не подходящее место, подошёл бы какой-нибудь грязный бар на окраине с толпищами байкеров. А здесь все довольные жизнью, зажранные и холёные, которым нужно свежее тело для своих сексуальных фантазий. А Лере нужен азарт, дикое желание, которое приведёт её к краху, только бы отвлечься от всей той грязи, которой накопилось с лихвой. Она расстроено поджала губы и повернулась обратно. Через несколько минут бармен поставил перед ней бокал белого вина, пояснил, что это ей от их постоянного клиента. Лера оглянулась, встретила заискивающий взгляд симпатичного блондина, вежливо отсалютовала ему и даже сделала небольшой глоток. Вино, кстати, оказалось очень даже неплохим, но тут же и отвернулась. Это не то, что ей нужно, слишком сладкий, слишком мягкий, всё слишком... а ей нужно на грани добра и зла, чтобы не было видно границы. Чёрт, она и сама не знает, чего хочет! Нужно просто отвлечься, забыть... всё глупости, любой подойдёт.

— Опять сидит. — Сетовал молоденький официант, кивая головой на дальний столик.

— А тебе чего? Не шумит и хорошо.

— Ага, один только его вид клиентов отпугивает, а если уж посмотрит на кого, то и вовсе заикаться начнёшь. Вот увидишь, это рано или поздно закончиться очень плохо.

— Не накликивай беду.

Лера отстранённо слушала разговор двух молодых людей, вежливо им улыбнулась, когда те заметили её интерес, и тут же и примолкли. На самом деле, интереса-то никакого и не

было, просто в общей тишине невольно прислушиваешься к звукам, а тут ещё и обсуждают кого-то. Так и хочется после таких слов никогда больше не ходить в рестораны, мало ли что говорят о ней, которая так же угрюмо сиди и пьёт в одиночестве, нет, не пьёт, наслаждается вечером... так будет лучше.

Без особого интереса она повернула голову в ту же сторону, в которую пару минут назад недовольно кивал официант, и это был один взгляд, тот самый, о котором она рассуждала совсем недавно. Один взгляд, после которого больше ничего не нужно. Молодой человек сидел в полном одиночестве и не был похож на сегодняшнего лощёного и улыбчивого сердцееда Арсена. Весь угрюмый, на лице недельная щетина, опасный взгляд со злым прищуром, но одет прилично: в строгий чёрный костюм с белоснежной рубашкой, без галстука, туфли начищены до блеска. Он сидел и пил, практически не поднимал головы, не смотрел по сторонам и вообще, весь его вид был более чем отталкивающим. Как ни говори, а любой здравомыслящий человек за километр этого субъекта обойти решит. Ну, так это же здравомыслящий... а вот Леру тянуло к нему как магнитом. Никого кроме этого типа уже не замечала. Тут же со стула соскочила и наткнулась на кого-то. Взгляд перевела, а рядом стоит тот молодой человек, который угостил вином, он открыл рот, чтобы сказать что-то вежливое, может, даже и комплимент, но в её планы это уже не входило.

— Извините, я не свободна.

Отстранённо сообщила Лера и, не дожидаясь какого-либо ответа или взаимных извинений, направилась к незнакомцу. Она не спеша подошла к столику и стала напротив мужчины. Не соблазняла, даже и в мыслях ничего подобного не было, никаких тебе зазывных взглядов, улыбочек, выставленных напоказ коленок, она просто смотрела на него, как на что-то неведанное, необычное, но для неё жизненно необходимое. Прошло не меньше минуты, прежде чем мужчина захотел обратить внимание на неё. Его взгляд медленно поднялся от её туфель к талии, посмотреть в глаза он так и не захотел, не посчитал нужным.

— Я хочу побыть один. — Зло пробормотал он на чистом английском и тут же вернулся к своему бокалу.

— А я одна уже не хочу.

Мужчина невесело ухмыльнулся, покачал головой, скорее, ему действительно не нужна была компания, но ответа он её удостоил.

— Для приятного вечера ты выбрала не того.

— А разве я произнесла слово «приятно»?

Он громко поставил бокал с виски на стол, выдохнул, наверно в своём пьяном уме пытался подобрать не самые оскорбительные слова. Резко поднял голову и посмотрел прямо в глаза. Его взгляд не стал добрее, он всё так же обречённо хмурился, но смотрел, не отворачиваясь, взгляд не отпускал. Вряд ли он был поражён её красотой и внешностью в целом, можно даже предположить, что в этот момент он ничего и не заметил, но присесть разрешил. Не сказал, а только кивнул на стул. Лера села и почему-то стало легче, именно рядом с ним, именно оттого, что не прогнал, почему-то рядом с этим незнакомым мужчиной ей было легче дышать. Он опустошил бокал и вновь подозвал официанта, попросил двойную порцию, немного помедлил и кивнул в сторону Леры.

— И вина даме.

Они ещё около часа молча сидели за одним столиком, каждый думал о своём, пил свой напиток, тяжело вздыхал, изредка обменивались взглядами. Вскоре его взгляд зацепился за её грудь, поднялся к шее, к губам. Его губы в этот момент немного скривились в подобие

улыбки. Лера в ту минуту не могла ни вздохнуть, ни проглотить ком, который стоял поперёк горла. Под его тяжёлым взглядом кожа накалялась и это пугало, но ничего не могло её остановить, он был ей нужен, просто необходим. Она в долгу не оставалась, внимательно всматривалась в его лицо, смуглое, наверно красивое, но почему-то сейчас её это волновало меньше всего. Тёмные волосы, в тон им глаза. Злые, грубые, отталкивающие, а она словно мотылёк на этот огонь зла летела. Его губы, которые плотно сжаты, его брови, которые практически всё время нависают над глазами — всё притягивало внимание, заставляло судорожно дышать. Весь его негатив она ощущала своим телом, своей душой, смотрела на его длинные пальцы, которые с невероятной силой сжимают бокал из толстого стекла, костяшки на них белеют, он весь в напряжении, даже на секунду не расслабится. От него пахло мужчиной, диким, горячим, пьяным. Станные мысли посещали голову, она уже представляла его в себе, как вдруг вопрос:

— Я надеюсь, твой вечер на сегодня свободен?

— А я надеюсь, что уже нет.

Он оставил несколько купюр крупного достоинства под пустым бокалом, встал, прихватил пиджак, который всё это время небрежно лежал на соседнем стуле. Взял Леру за руку, надёжно переплетая её пальцы со своими. Было в этом жесте что-то особенное, словно он её защитник, спаситель, кто угодно, но сейчас только её. Они вышли вместе, возле ресторана поймали такси. Он молчал, но, как ни странно, Леру это не напрягало, ей, впрочем, тоже сказать было нечего. Но его поддержку она чувствовала: он так и не отпустил её руку и иногда сжимал её крепко, забывая, что девушка рядом. Элитный дом в дорогом районе, вежливый консьерж на входе, который округлил глаза, завидев жильца с молодой девушкой, но при этом ничего кроме приветственных слов не сказал. Лере даже показалось, что этого мужчину, который сейчас так крепко держит её за руку, боятся все окружающие, и, наверно, это вполне объяснимо. Он не обнимал, не прижимал к себе, не говорил пошлостей и комплиментов, но стоял рядом, и можно было почувствовать удары его сердца: ровные и спокойные, размеренные, как часы.

Вышли на нужном этаже, дошли до двери, которую он открыл так же спокойно и неторопливо, на дверную ручку нажал и замер, наверно всё ещё сомневался, что поступает правильно, приводя невинную жертву в своё логово. В этот момент запаниковала Лера, ей показалось, что вот-вот и он её прогонит, вычеркнет из своего расписания, поэтому сама нажала на его руку и толкнула дверь вперёд. Мужчина отступил в сторону, пропуская, и Лера сделала шаг, тут же развернулась и поймала на себе его огненный взгляд, чёрный, ядовитый, полный ненависти, но не к ней, а словно к самому себе. Видела, как поджался его живот, как дыхание дрогнуло, как медленно поднимается его рука к её волосам и в этот момент он резко дёрнул, схватил её за волосы, намотал их на кулак и резко потянул вниз, запрокидывая голову назад. В квартиру он её втолкнул. Дальше темнота, нечем дышать от глубокого и грубого поцелуя, боль, которую причиняли его руки, изучая её тело. Её вдавили в стену, больно сжали грудь, даже стонать не получалось, и вдруг он остановился, так же резко, как и начал.

— Сними платье... оно тебе ещё пригодится.

Вошли в комнату, через окно светила однобокая луна, а в её свете мужчина казался ещё более хмурым, ещё старше, ещё опаснее. Он помог расстегнуть молнию, аккуратно сдвинул тонкие бретели на края плеч, и платье легко соскользнуло на пол, сбившись в ногах. Дальше та же боль, его поцелуи, он впивается губами в нежную кожу, заставляя стонать, кричать,

только бы не молчала. Он ловко справился с её бельём, трусики не пощадил, резко рванул свою рубашку, потому что пуговицы не поддавались, за что потом и поплатились, звонко рассыпаясь по полу. Через несколько секунд, холод мраморного пола Лера ощущала своей спиной, его страсть и нетерпение не позволили добраться до кровати. Вошёл резко, в первое мгновение Лера и забыла, что нужно дышать, прикосновение грубых пальцев оставляли неприятные ощущения, но этого было мало, ей было мало боли. Она стонала и извивалась под его напряжённым телом, все мышцы словно каменные, дыхание горячее, а в глазах всё тот же огонь, который убивает. Но боли казалось мало, она была нужна, чтобы выплеснуть всё то, что накопилось внутри, то, что нельзя излить словами, но можно прокричать.

— Я тебя не чувствую.

Еле дыша, шептала она и он вновь и вновь впивался в её тело.

— Я тебя не чувствую!

Кричала она, сжимая зубы от боли.

— Нет? — Рычал он в ответ.

— Нет...

— Нет?!

— Нет!

Не хватало воздуха, не хватало сил, а она только крепче прижималась к нему, впивалась ногтями в его кожу. Колючая щетина царапала и раздражала лицо, живот, цепкие пальцы казалось, порвут её на клочки, но боль всё не прекращалась, внутри её становилось только больше, и она рвалась наружу. Меняли позы, меняли место, менялись ролями, но не могли остановиться. Долго, мучительно, оттягивая оргазм. Спустя несколько часов, когда уже первые солнечные лучи пытались проникнуть в комнаты, без сил рухнули на кровать и тут же уснули. Разбудит будильник. Наверно прошло часа два с того момента как уснули, не больше. Едва открыв глаза, Лера увидела перед собой его. Он смотрел не отрываясь, изучал, взгляд настороженный, всё ещё опасный, он прищурился, провёл рукой по голому телу.

— Ты меня пугаешь... но я тебя хочу. — Щурясь всё больше, говорил он. Убрал с лица волосы, взял рукой за шею, так, что большой палец касался губ, напряжённо провёл по ним. — Останешься?

— Мне нужно на работу. Но я очень хочу, чтобы ты меня ждал.

— Ты придёшь вечером?

— Я буду поздно.

Он резко поднялся с постели, всё, что было нужно, услышал, теперь пора собираться на работу и выходить.

— Я вызвал тебе машину, можешь сходить в душ первой.

Крикнул он откуда-то издалека. Лера с постели не встала, она с неё сползла, всё тело ныло от боли, но душе стало легче, правда, легче. Не было больше того груза, который давил почти два года, который не давал спокойно дышать. Душ приняла быстро, насухо вытерла тело полотенцем, хотя это далось нелегко. Задержалась перед большим зеркалом, внимательно всматриваясь в отражение. Едва касаясь, провела пальцами по холодному стеклу, а за ним — она, другая, настоящая, словно она в плену этого отражения. Всё тело было в некрасивых синяках, ссадинах, укусах, на бедре багровый кровоподтёк, остался после неудачного приземления на кровать, тогда она больно ударилась об острый угол изголовья. Смотреть на себя такую... Наверно должно быть страшно, но не ей. Кому-то другому, быть может, но сейчас на её теле лишь отражение того, что происходит внутри, точно такой,

истерзанной, является её душа, такое же её сердце. Лера быстро одела платье, вышла, было не по себе, красный шёлк едва ли мог скрыть то, что произошло ночью, она провела холодными пальцами по своим плечам, казалось, замёрзла, а потом вспыхнула, когда встретила его взгляд. Мужчина стоял в конце коридора и внимательно осматривал её тело, затем скрылся в дальней комнате, а вернулся оттуда уже с красивым белым пиджаком в руках. Он был женский! Одно его движение и пиджак на её плечах, и даже по размеру подходит. Стало немного страшно от мыслей, кому пиджак мог принадлежать и где сейчас его владелица, но от вопросов Лера всё же воздержалась, правда, клятвенно пообещала себе, что больше сюда не придёт. После этого мужчина развернулся и вновь скрылся в той же дальней комнате, но дожидаться хозяина она не стала, тихо вышла в коридор и прикрыла за собой дверь. У входа, действительно ждала машина, можно было спокойно доехать до дома.

Глава 15. Восемь лет назад

Работала Лера организатором праздников и вечеринок, как насмешка над ней самой, но выполняла она свои обязанности хорошо, лучше всех тех, которые приходили в офис счастливыми. Человек-праздник называли коллеги в шутку за то, что её мероприятия оказывались на удивление весёлыми и удачными. Начальник не мог нарадоваться, что хорошо сказывалось на зарплате, клиенты советовали её услуги своим друзьям, было много заказов и много идей, только работа и спасала всё это время.

День тянулся невероятно долго, липкие взгляды и медовые улыбки мучили, а ещё на сегодня запланирована вечеринка у какого-то богача. Он всю душу из Леры вытряс, пока добился желаемого, а сегодня заключительный залп, но его нужно наблюдать лично. От неё требуется не только достойное исполнение обязанностей, но и хорошее настроение, соответствующий внешний вид. Только о каком внешнем виде можно говорить, если на теле живого места нет?.. Выход нашла быстро: красивый кружевной наряд, при этом удостоилась похвалы от хозяина вечера (по крайней мере, именно с этим человеком она работала), томных взглядов его друзей, вот только было тошно среди всей этой суеты. Хотелось вырваться, сбежать, исчезнуть, а стрелки часов, словно мёдом намазали, чтобы они ходили медленнее.

— Валерия, с вами хочет переговорить один человек. — Хозяин вечера многозначительно взглянул, но противиться ему Лера не спешила, хотя бы по той простой причине, что за ним была дурная слава, вроде как мужчина был связан с криминальным миром, да и вид у него был устрашающим, отталкивающим.

— Да, конечно.

Они вдвоём быстро покинули банкетный зал, шли по тёмному извилистому коридору, пока не остановились перед глухой дверью в самом углу.

— Я подожду вас здесь. — Пожимая плечами, пояснил он, пропуская девушку вперёд.

Странно, очень странно, но Лера решительно сделала шаг вперёд и замерла. Помещение, в которое она шагнула, полноценной комнатой назвать было нельзя — одна стена была полностью прозрачной, по крайней мере, изнутри. Она выходила как раз на тот зал, в котором и проходило торжество, но Лера точно помнила, что ничего подобного с той стороны видно не было. В комнате было темно, только тусклый свет из зала освещал её. Вид был прекрасный, Лера не удержалась и подошла к стеклянной стене ближе, внимательно смотрела на веселящихся людей, улыбнулась их беззаботным лицам, потом что-то отметила для себя и улыбаться перестала, достала из миниатюрной сумочки средство для переговоров с подчинёнными и собралась раздавать указания, как почувствовала в комнате чьё-то

присутствие.

— Не стоит. — Сказал кто-то за спиной, приятным мужским голосом. — Всё идёт прекрасно.

Лера повернулась и заметила недалеко от себя высокого мужчину, на вид, лет пятьдесят, не больше. Красивый, интересный, его густые волосы были седыми, но прежде были чёрными, в этом она не сомневалась. Внимательные тёмные глаза, которые рассматривали её с неподдельным интересом, строгий взгляд, тонкая линия губ, притягивающая опасность. От мужчины веяло силой и властью, другой, не такой как от того человека, который её сюда сопровождал.

— Поздравлю. — С трудом она выдавила из себя, понимая, что это и есть истинный хозяин торжества, только странно, что свой юбилей он встречает вот так, в одиночестве.

— Спасибо. Присаживайтесь.

Наверно стоило бы покорно согласиться, но Лера вдруг вспомнила о недочётах, которые бросились в глаза.

— Извините, но моя работа ещё не закончена, тем более...

— Меня всё устраивает. Я очень вами доволен. И я рад, что вы умная женщина и всё понимаете.

Лера под настойчивым взглядом хозяина присела.

— Не всё, я всё ещё не понимаю, почему вы меня пригласили.

— Чтобы поговорить. А, точнее говоря, поблагодарить за проделанную работу. Гости остались довольны и я тоже. Мне вас рекомендовали как ответственного сотрудника, и я очень рад, что принял правильное решение.

Вкрадчивый голос мужчины начинал настораживать, но всем своим видом пытался показать обратное, теперь он был опасным, только вот страха не было.

— Я вижу, ваша личная жизнь уже устроилась?

Невольно Лера потянула кружевные рукава вниз, прикрывая синяки на запястьях, но мужчина неодобрительно улыбнулся.

— Вы мне понравились. — Лера заметно напряглась. — Не как женщина, не бойтесь. Как человек. Точнее говоря, как женщина вы восхитительны, но меня не интересуете. Я умею разбираться в людях и редко в них ошибаюсь.

Она молча слушала и смотрела, улавливая каждое его движение, всё ещё не понимая, к чему этот разговор.

— Мне бы очень не хотелось, чтобы кто-нибудь вас обидел. Я надеюсь, всё, что сейчас можно увидеть на вашем теле, это не насилие.

— Нет. — Тихо проговорила она, немного приходя в себя и успокаиваясь.

— Это хорошо. Так вот, перейдём к сути: я чувствую себя вашим должником, после того, какое грандиозное мероприятие вы здесь устроили, а в долгу я быть не люблю. — Он замолчал и сверкнул глазами.

— Вы щедро оплатили мои услуги.

— Деньги. — Кивнул он. — Деньги это бумага. Поэтому я предлагаю вам немного иной вариант. Услуга за услугу. Именно по такому принципу я всегда жил. Поэтому вот. — Он протянул Лере визитку. — Если у вас когда-нибудь возникнут проблемы — обращайтесь, буду рад помочь.

— Спасибо.

Лера изучала взглядом этого странного человека, а он ей позволял.

— Вы хотите что-то спросить?

— Да. — Она кивнула, хотя вряд ли имела право задавать вопросы. — Вы здесь один, но ведь это ваш праздник. Почему так вышло?

Он тихо рассмеялся, теперь выглядел совсем как мальчишка, с чёртиками в глазах, с настоящим, живым азартом.

— Положение обязывает. — Легко отозвался он и немного вскинул руками. — Вот и приходится таиться, наслаждаться тишиной. Но мне приятно, что вы спросили об этом. Моя жизнь давно не позволяет таких безрассудных поступков, как появление в центре толпы. Но вам, Валерия, намного сложнее, ведь вы бы с удовольствием оказались сейчас на моём месте... а это уже совсем невесело.

От такой откровенности с его стороны Лера поёжилась, он знал о ней больше, чем все вокруг. Вот так, он знал о ней всё, он знал, что она чувствует, словно прочёл мысли, ведь именно об этом Лера подумала, когда оказалась здесь: как хорошо, что за тебя все радуются, но никто не подозревает, что творится в душе, только вот она не может себе позволить такой роскоши, не может отгородиться от мира.

— Я был рад встречи с вами.

Мужчина прервал поток её мыслей и встал, Лера сделала то же самое, потом он едва касаясь дыханием, придержал её руку, по всем правилам, не тянул её к губам, а сам наклонился. Интересно, кто этот человек, но что-то подсказывало, что Лера этого никогда не узнает, но знакомство поистине приятное. И он прав, то, что она хотела бы быть на его месте, в одиночестве, за глухой стеной — это невесело и из этого болота нужно срочно выбираться.

Затем Леру проводили в зал, где она смогла продолжить свою работу. Закончилось всё около трёх часов. Внутри непонятная дрожь, словно ломка — она должна вернуться к нему, к своему незнакомцу, чтобы освободиться от своей боли раз и навсегда. Быстро назвала таксисту адрес и внутри всё замирало. Боялась, что не успеет, что его не будет или он не откроет, что происходило, не понимала сама, но её туда тянуло, и снова, как магнитом, так, что и захочешь, не развернёшься и не уйдёшь. Услужливый консьерж даже лифт сам вызвал, растянул губы в улыбке, кивал головой, пока двери лифта не закроются. Подошла, хотела позвонить, но не удержалась и торопливо постучала, прошло секунд десять, прежде чем дверь открылась и снова дрожь во всём теле, снова боль, которая уже не может держаться внутри, и он... стоит и снова молчит. Сделала шаг вперёд и пропала. Опять темнота, неудержимые стоны, его сильные руки, которые не знают пощады. Как она по нему скучала...

Спать так и не легли, их прервал будильник, до которого никак не получалось дотянуться и в конце концов мужчина запустил в него чем-то тяжёлым. Она задрожала в его объятиях на прощание, губы скользнули по его подбородку и снова одна на целый день.

Днём Лера жила своей жизнью, а с наступлением темноты наступала ломка и она как законченная наркоманка мчалась к нему, иногда даже не успев принять душ. Это как ритуал, традиция, и просто необходимость: увидеть его вечером. И так всю неделю, только стала замечать, что в нём больше нет той невыносимой агрессивности, а в ней больше нет той боли, которая рвалась наружу. Она приходит к нему, потому что так хочет, потому что чувствует себя рядом с ним нужной, незаменимой такое важное для каждой женщины, ни с чем несравнимое чувство.

Была уже суббота, короткий рабочий день, небольшая передышка перед вечерней

встречей, возможность подумать... Лера подумала и поймала себя на мысли, что в этот момент она улыбается. Вот, просто так, не потому, что это сделать нужно или кому-то нужно показать, что всё хорошо, а просто от мыслей о нём. И внутри стало тепло, и всё вокруг цветёт и пахнет, а ведь действительно, она забыла, как пахнут розы, она давно не чувствовала аромат своих духов, но точно помнила, что пользуется ими каждый день.

Эта ночь была особенной, не такой как все предыдущие, он целовал, он прикасался, он любил, и всё это было так странно, так необычно. Он всё чаще заглядывал в глаза, пытался там что-то рассмотреть, неожиданно полюбил её губы, хотя до этого использовал их только для приветственного поцелуя. Наверно усталость от нескольких бессонных ночей подряд дала о себе знать, и они уснули, когда ещё не было полуночи. Перебрались на кровать, чтобы разнообразить вечер, но не выдержали и вдвоём отключились. Проснулась Лера когда в комнате стало жарко и непривычно светло, приятный запах кофе, который она, в принципе не любила, заполнил всю квартиру.

— Просыпайся, соня.

Его голос был необычным, словно он говорил всё это с улыбкой, невиданное до этого диво, Лера грешным делом подумала, что мужчина вообще улыбаться не умеет. Стало щекотно от его прикосновения: он провёл одним пальцем по лодыжке и поцеловал пятку, она засмеялась и спрятала ногу под одеяло. Обычные человеческие эмоции, так давно забытые и не использованные столько времени. Вдруг в комнате стало тихо, Лера из-под одеяла вылезла и никого рядом не обнаружила, только чашечка свежесваренного кофе стоит на маленьком столике и источает божественный аромат. Даже сделать глоток захотелось, и она бы его непременно сделала, если бы не одно «но». Лера дёрнулась, когда в комнате появился мужчина, незнакомый... или... нет... Она затаила дыхание пытаясь понять, что происходит и медленно выдохнула, когда тот улыбнулся, да так широко и заманчиво, что захотелось улыбнуться в ответ.

— Это ты?

— Это я. А ты, видимо, не узнала?

Он стоял, упираясь плечом в дверной косяк, на бёдрах держались белоснежные широкие штаны спортивного типа, тонкая полоска волос, уходящая вниз под них, красивая мускулистая грудь, и всё это вместе с его смуглой кожей, чёрными, как смоль, волосами м-м-м... но его улыбка... это что-то невероятное. Даже говорить ничего не хотелось, вот так смотрела бы и смотрела. И ещё одна немаловажная деталь: он побрился (поэтому теперь его и не узнать, лет десять сбросил, не меньше), но и не в этом дело... Он словно светился изнутри. Глаза были не чёрные как прежде, а карие, такого приятного кофейного оттенка, смуглая кожа словно стала на тон светлее, красивые чёрные волосы, мокрые после душа, длинной чёлкой спадали на лицо. И всё это делало его невероятно красивым, настолько другим, что столкнувшись на улице, Лера бы его просто не узнала. Она всё ещё сидела, открыв рот, и внимательно рассматривала своего мужчину, как в первый раз видела, честное слово, хотя, таким она его видела действительно в первый раз. Смотрела бы ещё дольше, если бы тот не засмеялся.

— Жалко, что я не могу ответить тебе тем же, — весело проговорил он, — когда вижу твоё тело, мне кажется, что я не мог такого сделать.

Лера опустила взгляд и смущённо спрятала под одеяло оголённые руки неприятного зеленовато-жёлтого оттенка.

— Не надо.

Он подошёл и присел на край кровати.

— Ты улыбаешься, и тебе это идёт.

— Очень мило, но до тебя мне не доплюнуть.

— Судя по всему, изгнание беса можно считать завершённым? — Он потянул одеяло на себя, а Лера впервые за всё время с ним, почувствовала себя неудобно, неловко прикрыла руками грудь, с плеч тяжёлым грузом упали длинные волосы. — Кажется, этого вполне достаточно.

На тело он не смотрел, ему был важен только взгляд.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать два года.

— У тебя глаза сорокалетней женщины, ты много плакала?

Сердце сжалось и неприятно млело, он не отпускал взгляд, не давал отдышаться, видел, как ей тяжело об этом говорить и грустно улыбнулся.

— Мне было очень плохо, но я и подумать не мог, что в таком состоянии свяжусь с женщиной, а потом я увидел твои глаза. И в одном только твоём взгляде было больше боли, чем во всех моих показательных страданиях. И тогда я подумал, что если кому-то ещё хуже чем мне, то это судьба.

С каждым его словом, глаза Леры всё больше наполнялись слезами. В груди стало горячо и тяжело, справляться с нахлынувшими эмоциями становилось всё труднее. А он всё смотрит.

— Я расстался с девушкой, которую очень любил. По глупости... кровь вскипела, разыграли гормоны. А когда я понял, как мне тяжело без неё, она уже была замужем... Прошло совсем немного времени, месяц, даже чуть меньше... а она уже не моя.

Два с половиной года без слёз, невыносимая всепоглощающая боль, а теперь его взгляд и всё выплеснулось наружу. Она рыдала и не могла остановиться, глупо наверно оказаться в таком невыгодном положении рядом с практически незнакомым мужчиной, но ей тогда было всё равно. Он слушал, гладил её по голове, расправляя волосы по плечам, он словно пережил это вместе с ней.

— Но я не понимаю, почему он так со мной поступил, чего ему не хватало? — После часового молчания вдруг спросила Лера.

— Дело вовсе не в нём, дело в тебе. — Тихим успокаивающим голосом шептал Арсен.

— А что во мне не так?

— Всё так, просто... ты не такая как все.

— Но я ведь нормальная, честно, я всё для него делала, я даже ужин готовила, хотя я ненавижу готовить... но что?!

— Дело не в готовке, понимаешь... как это говорить... машина не роскошь, а средство передвижения, так и с женой. Девушку берут в жёны, чтобы было комфортно, чтобы было хорошо. — Арсен говорил так тихо, словно их могут услышать, он не боялся обидеть её словами, просто говорил то, что чувствует. Так странно, слышать то, что человек думает, а не то, что сказать правильно.

— Но ему было со мной хорошо.

— Да, но ты должна понимать, что наряду со всем этим, существуют машины премиум класса. На которые большинство может только любоваться, редкие могут прокатиться и только единицы могут ими обладать. Так и ты. Иметь такую жену как ты — это роскошь, не каждый может себе позволить, вот и ему не хватило сил. Вот моя Маша, она не такая. —

Арсен немного замялся, но увидел в глазах Леры неподдельный интерес и продолжил. — Она хорошая, она необыкновенная, она роскошная женщина, но она просто женщина. Любимая, единственная, но не такая как ты.

— Ты хочешь сказать, что со мной можно только кататься, то есть встречаться, спать, проводить время?

— Нет, не так. Дело вовсе не в тебе, как в человеке, дело в тебе, как в личности. Сильной, независимой... да ты любого мужика за пояс заткнёшь...

— Вот спасибо, объяснил. — От таких слов даже настроение поднялось, Лера на локте приподнялась, чтобы в его глаза посмотреть. — И как ты это среди ночи разглядел?

— Это видно. Даже если ты три стены вокруг себя возведёшь. Ты сильнее меня, я знаю.

— Ты сейчас так намекаешь, что мы с тобой просто покатаемся?..

— Я сейчас намекаю, что могу передумать и добить того беса, который всё ещё сидит внутри тебя.

Играя, он немного надавил на её шею, горячо поцеловал, глянул очень серьёзно и вдруг рассмеялся.

— В чём дело?

— Если скажу, ты тоже будешь смеяться. — Продолжал он давиться смехом, пока из его глаз не брызнули слёзы.

— Говори.

Лера толкала его в бок, и готова была рассмеяться только оттого, как заразительно смеялся он, они всё ещё разговаривали на английском, и при этом оба чувствовали себя как рыбы в воде. Когда смеяться сил не осталось, он сдался.

— Знаешь, сейчас хотел сказать тебе что-то очень серьёзное, а для этого нужно было обратиться к тебе по имени, я задумался, пока не вспомнил, что мы так и не познакомились. Как тебя зовут?

Наверно это странно, но Лера действительно никогда об этом не задумывалась: как его зовут, кто он такой, да и они практически не разговаривали, как-то и без имён обходились. Для неё он был просто мужчина, с которым ей очень хорошо, с которым не нужно притворяться и говорить, что всё отлично. И над этим вопросом она и правда, задумалась только после его подсказки.

— Валерия. — Гордо произнесла она. — Лера. — Добавила сразу же на чисто-русском, и замерла, когда мужчина изменился в лице.

— Русская? — Спросил он тоже на русском, но с характерным для национальности, южным акцентом. — А я Арсен.

И вот тогда смешно стало обоим и практически одновременно. Познакомились, так познакомились, ничего не скажешь. Теперь, после рассказов обоих стало понятно, почему Леру так тянуло именно к этому подозрительному типу, который тоже оказался заклиненным, именно поэтому они так легко поняли друг друга и без слов, именно поэтому им сейчас так хорошо вместе.

— О чём ты думаешь? — Хрипло спросил он, приближался вечер, а они всё ещё сидели в постели обнявшись.

— О том, что я очень голодная. — Честно призналась Лера и опомниться не успела, как её уже стянули с кровати.

— Значит, мы идём ужинать.

Ужин отложили, Лера посмотрела на свои вещи и поняла, что в деловом костюме, даже

таким роскошном, рядом с красавцем Арсеном она будет выглядеть как пресс-секретарь, поэтому было решено идти к ней в гости, переодеться. К тому же, как Лера позже призналась, живёт она на соседней улице, на машине, конечно, долго, но через переулки и дворы, можно пробраться за пятнадцать минут. Её квартира оказалась немного меньше, но вряд ли уступала в стоимости. Пока принимала душ, Арсен успел облюбовать её постель, а там и до дела дошло. Его с ума сводили её волосы, как она меняется, если управлять ею через них, какая она становится послушная. Он каждый раз с «особой» любовью наматывал их на кулак, тянул вниз, заставляя её выгибаться ему навстречу, оставляя её грудь незащищенной перед его губами. И он этим безжалостно пользовался, сжимал зубами соски, целовал до боли, до красных пятен, водил языком по животу, знал, какое приносит ей удовольствие и улыбался тому, как она дрожит, как только его рука её волосы начинала поглаживать. Жаркие стоны раздавались в вечерней тишине, страстные улыбки появлялись на их лицах. Не успели отдышаться, как в дверь позвонили.

— Ты ждёшь гостей?

— Нет, соседи наверно, скучали тут без меня целую неделю.

— Ты не дружишь с соседями?

— Точнее, они со мной. Давай ты дверь откроешь, чтобы никому не повадно было на меня кричать.

Лера так соблазнительно надула губки, что отказать ей было просто невозможно и Арсен, нехотя, ссылаясь на своё не утихшее возбуждение, так и не смог отвертеться. На голое тело натянул штаны, и пошлёпал босой в коридор. Открыл дверь, постарался сделать серьёзное лицо, но увидел широко улыбающуюся девушку, едва ли похожую на возмущённую соседку, и не удержался, улыбнулся в ответ. Вот только с лица девушки улыбка медленно сползла. Она отступила на шаг, любопытно разглядывая мужчину в дверях, затем её взгляд скользнул по его животу и, видимо, стало жарко.

— Мне кажется или я действительно ошиблась дверью?.. — На ломаном итальянском спросила она.

— Смотря, кого вы хотели увидеть.

После столь обворожительной улыбки, девушка, кажется, и сама уже не была уверена, хочет ли она видеть ещё кого-нибудь или нет, но справилась с эмоциями и чётко проговорила.

— Валерия Снежная, она здесь?

— Лер, — крикнул прекрасный незнакомец в глубину квартиры, — как твоя фамилия?

Заметив улыбку на его лице и догадавшись, что над ней откровенно издеваются, девушка, не церемонясь, подвинула его в дверях и протиснулась в квартиру, таща за собой небольшой дорожный чемоданчик.

— И что это ты тут делаешь? — Ворвалась она в спальню, и не думая постучать.

— А ты?

— Ну, подруга, если бы ты хоть иногда прослушивала сообщения на своём телефоне, то знала бы о моём приезде. Теперь хотя бы понятно, с кем пропадала.

Девушка кинула более откровенный, оценивающий взгляд на вошедшего в комнату мужчину и простецки протянула к нему руку.

— Аня. Лучшая подруга.

— Арсен. Любимый мужчина.

— Надеюсь, я вам не очень помешала?

Аня, ничуть не стесняясь, оттянула резинку его штанов и громко шлёпнула ей по накачанному животу.

— Не волнуйся, успели. — Не остался в долгу он и тут же приобнял её за талию. — Весёлая у тебя подружка, Лера. Девчонки, — он плюхнулся на кровать, туда же притянул и Аню, — у меня предложение: отметить это замечательное знакомство в ресторане.

— А каким интересным казался... — Вздохнула Аня. — И такая бофальщина: ресторан.

— Так, это будет не простой ресторан, а ресторан моего дяди. И готовить мы сегодня будем сами.

— Сами? — Аня играла на публику, а точнее говоря, на одного зрителя, а он ей с удовольствием подыгрывал — истинный ловелас, а как удачно маскировался всю неделю.

— Ну, учитывая твой свежий маникюр, тебе доверю только рвать зелень и салат. Лера займётся другими овощами, а я мясом. Как такое предложение, устраивает?

— Вполне. — Вклинилась между ними Лера, присоединяясь к игре, и уже через двадцать минут вся троица пешком шагала по широкому проспекту.

Глава 16. Восемь лет назад

Ресторанчик оказался небольшим, но, судя по количеству посетителей, очень популярным, Арсен какими-то окольными путями провёл девушек в особую комнату, вроде и не кухня, но есть и стол и продукты готовы, подружки между собой так и решили, что это комната для окончательной победы. Арсен выдал им фартуки, ножи, а сам и впрямь принялся за мясо.

И кто бы мог подумать, что мужчина с ножом в руках, может оказаться настолько сексуальным. Лера, только лишь увидела, как Арсен орудует огромным ножом, так и влюбилась в него ещё раз, а, может быть, и не один. Как напрягаются мускулы на предплечьях, как это напряжение переходит в плечи, шею, как ловко он вонзает нож в толстенную деревянную доску, а потом без малейшего усилия его оттуда вынимает. Просто для прикола, Аня, услышав подобные похвалы в его сторону, попыталась этот нож вытащить самостоятельно. И выглядело это уже не так эротично: двумя руками вцепилась в рукоятку, но смогла лишь сдвинуть с места доску, за что ей уже большой плюс, доска действительно просто огромна, но вот нож... Нож вытащить ей так и не удалось. Арсен ловил на себе восхищённые взгляды и улыбался так, что любая пожелала бы Лере провалиться на месте, в его взгляде было столько желания, что можно было вспыхнуть огнём, даже не глядя на него в ответ.

— Я тебя ненавижу, — сквозь зубы процедила Аня, — и где ты его откопала? Признайся, он стриптизёр?

— Не знаю, но уверена, что танцует хорошо.

— И что он в тебе нашёл? — Рассмеялась Аня, когда в неё полетел пучок зелени. — Я себе тоже такого хочу.

Вечер удался на славу, Арсену удалось удивить девушек своими кулинарными способностями, после чего Аня не на шутку задумалась, как бы подругу устранить.

— Как это называется?

— Баскыртат.

— Божественно. — Аня эротично провела языком по губам.

— Лера, ты видишь, что творит твоя подруга? — Улыбнулся Арсен, закрываясь салфеткой от безумного взгляда.

— Вижу, и как только мы с ней уединимся, она успокоится, я тебе обещаю.

— Какие вы неинтересные. Вот вам хорошо, а мне? Знаете, как мне сейчас плохо?

— Сейчас мы с тобой выйдем в зал, в котором сидят настоящие мужчины и тебе будет хорошо столько раз, сколько сможешь унести. — Невозмутимо заявил Арсен и потянул девушку за руку.

Аня от знакомства с настоящими мужчинами отказалась, хотя были и те, кто её заинтересовал. Переночевать решила в квартире Леры, тем более что та ей ближайшее время не пригодится. Когда осталась с подругой наедине, несмотря на все свои похвалы в сторону красавца, она нахмурилась. Лера собирала вещи в небольшую сумку, чтобы не навещать в квартиру каждый день, а Аня сверлила её взглядом.

— Лера, что у вас происходит?

— Ты о чём?

— Я о том, как ты выглядишь. Лер, сядь. — Она резко потянула подругу за руку, усаживая возле себя на кровать. — Знаешь, если бы не твои удивительно счастливые глаза, я бы вызвала на него полицию в первую же минуту. — Она окинула взглядом подругу, но та молчала. — Он садист, да?

— Нет. Просто и у него, и у меня был очень сложный период в жизни. А это... это то, что мне было нужно. Он меня не избивал, не пытал и вообще... я не могу объяснить тебе это словами, но теперь мне хорошо. Просто хорошо с ним. Наверно я сама его об этом попросила, не знаю, или он просто понял это без слов, но он не причинит мне боль, я точно знаю.

— Я тебе верю.

Аня погладила Леру по руке.

— Ты заслужила счастье, и если тебя это устраивает, — она снова посмотрела на синяки, — то пусть так и будет.

— Больше так выглядеть не буду, я тебе обещаю.

Потом было два месяца счастья. С бурными ссорами, с руганью, со скандалом. С сумасшедшим примирительным сексом, с пониманием и уважением. Арсен оказался просто необыкновенным мужчиной, который умел говорить, но самое главное, что он умел слушать, мог дать совет, рядом с ним можно было забыть о проблемах и думать только о себе и о мужчине рядом. Они узнавали друг друга, открывались с новых сторон, некоторые, порой, просто шокировали.

— У тебя интересная фамилия, Снежная. — Бросился в рассуждения Арсен, после очередного бурного примирения. — Для кого-то нежная, а для кого-то холодная, как снег.

— И я скажу, что тебе повезло больше остальных, ты знаешь только мою лучшую половину. — Улыбнулась Лера, удобнее устраиваясь в его объятиях.

— Это ты, конечно, себе льстишь... но пусть, пусть будет так.

— А что означает твоя фамилия, Багатян? Это значит богатый?

Арсен хитро рассмеялся, до сих пор Лера не интересовалась его материальным состоянием и, возможно это обычная женская уловка. Он посмотрел с прищуром, но скрывать было нечего.

— В каком-то смысле да. Но если переводить значение правильно, то это означает «счастье странника».

— Правда? — Лера на полном серьёзе развернулась, чтобы убедиться, что над ней не подшучивают.

— Правда, а что не похож?

— Похож. Ты моё счастье.

— А ты, значит, странник?

— Почти... заблудшая овца.

Со смешком добавила Лера и сделала попытку вырваться из его объятий, но как всегда не успела, её волосы не позволяли такой резвости, к тому же Арсен, слишком привык к таким неожиданным порывам и частенько контролировал процесс.

— Боже, я их когда-нибудь обрежу! — Сетовала она, впиваясь в бедро любимого, но при этом, послушно возвращаясь в его объятия. — Хватит валяться в постели, я хочу гулять!

— Надо было так и сказать.

— Я в душ.

В ответ услышала невнятное угуканье, но никак на него не отреагировала, сегодня действительно весь день провели в квартире, надо было освежиться, набраться сил перед предстоящей ночью. Но не успела Лера войти под струи горячей воды, как Арсен уже стучался в дверь.

— Лерочка, у тебя телефон, очень настойчиво звонит.

— Так ответь. — Глухо отозвалась она, так как уже успела расслабиться и не хотела отвлекаться.

— А...

— Не волнуйся, никто посторонний мне не звонит, а все свои достаточно тактичны, чтобы не задавать лишних вопросов.

В ответ она не услышала ничего, наверно её речь была слишком длинной. Об этом звонке забыла уже на следующей секунде, вода всегда приносила неповторимое удовольствие, отгораживала от реальности, хотя бы на несколько минут. Только выйдя из душа и заметив сидящего на кровати Арсена, всё с тем же телефоном в руках, вспомнила. А его задумчивый вид придал загадочности.

— Кто звонил?

Спросила просто так, на самом деле, ей это было действительно неважно, со всеми нужными людьми она и так связь поддерживала, а всех ненужных старалась из своей жизни вычеркнуть. Сбросила полотенце с мокрых волос, взяла в руки фен, когда заметила некоторое недоумение на лице Арсена, он явно жаждал её внимания.

— Да я, если честно, и сам не понял. Звонили какие-то дети, просили передать, — после этого слова он как-то особенно эмоционально замялся, и даже откашлялся, прогоняя ком, — маме, — сделал слишком уж выразительные глаза, — что приедут на каникулы отдыхать. В общем, на фотографии мальчишки, лет по десять... я не знаю, что и думать.

Он продемонстрировал фото на дисплее и тут же сложил руки на груди.

— По одиннадцать лет. — Легко отозвалась Лера. — Только ты не думай, что в двенадцать лет меня могли интересовать мужчины. Просто так получилось, что мы с мальчишками оказались родственными душами. Когда их мать умерла, жили только с бабушкой, а потом они с радостью приняли меня на эту ответственную должность. Вадим и Вова учатся в закрытой школе, в Англии, могут приезжать только на каникулы, но я их очень люблю. Наверно только они и поддерживали меня всё это время... до тебя. Вот так.

Лера видела некое недоверие к своим словам и подошла к Арсену ближе, склонила голову на его плече, нежно поцеловала в шею.

— Давай я за ужином тебе всё расскажу.

Получила в ответ твёрдый и недовольный поцелуй в лоб, шлепок по ягодицам и благосклонную улыбку.

— Я в душ, а ты будь готова.

Мальчишки приехали уже на ближайших выходных, отлично влились в новоиспечённую семью, а грозный на первый вид Арсен вскоре превратился в доброго дядю Арика. Он научил их плавать, гонять на водном мотоцикле, брал с собой на работу, чем очень обрадовал будущих финансистов, в общем, каникулы удались на славу. Каждый из них нашёл новую семью, а Лера могла за мальчишек порадоваться.

Но всё хорошее рано или поздно заканчивается.

Это был обычный вечер, решили сходить в ресторан, никаких показательных выступлений, просто один приятный вечер. Арсен вёл себя легко и непринуждённо, но в

один момент потемнел лицом и напрягся, стал словно каменный.

— Не обидишься, если мы сегодня поужинаем дома?

— Нет. — Лера крепко взяла его за руку и сама увела в сторону. — Если скажешь в чём дело.

— Не сейчас, я прошу тебя.

— Тогда я уже начинаю обижаться.

Арсен хотел тут же всё бросить и уйти, свой темперамент он показал в полной мере, и стесняться теперь было нечего, но Лера сжала свою руку сильнее, и смотрела прямо в глаза, совсем как он, когда это было нужно. И тот сдался, тяжело выдохнул, закипая, сжал зубы.

— Там она. — Едва дыша, признался он и тут же отвернулся.

Кто такая «она» пояснять было лишним, с таким лицом он мог говорить про свою бывшую девушку, а ныне чужую жену. Эту тему они задевали уже не раз, и Арсен всякий раз пытался понять, почему он так и не смог пережить этого расставания, просил у Леры прощения за свои слова и чувства, просил понимания.

— Где?

— За центральным столиком. — Зло выдохнул он, даже не поворачиваясь, а Лера усердно выглядывала из-за живой изгороди, вглядываясь в лица посетителей.

— Да где, там целая компания.

Кажется, этому заявлению Арсен искренне удивился, вполне возможно, что он так и не увидел никого кроме «неё», а вот теперь и сам внимательно посмотрел в нужную сторону.

— В голубом.

— Жена Кутагина?

— Кого?

— Ну, вон того, лысого, габаритного.

— Ты знаешь его, что ли? — Арсен в таком нетерпении рванул Леру за руку, так, что можно было смело тащить за собой изгородь, она бы подалась очень даже легко.

— Знакомый отца. — Пожала плечами она, и вернулась к объекту изучения.

— А отец кто?

— **Чрезвычайный и Полномочный Посол.**

— Занятно... а ты лично с ним знакома?

— Да, но не близко. — Лера поджала губы и виновато улыбнулась. — Меня даже на свадьбу приглашали, правда, я туда не дошла.

— Идём отсюда.

— Ты иди, а я поздороваюсь.

— Что ты задумала? — Арсен снова дёрнул, приближая к себе, видел по её глазам, которые заблестели в азарте, что отпустить не стоит.

— Невежливо будет просто так уйти. Я буду дома через час, ты меня дождёшься?

— Делай что хочешь.

Наверно он воспринял всю её затею, как издевательство над самим собой, слишком уж обижено отвернулся и ушёл, но Лере уже было не до него, стало очень интересно, чем некая Маша задела такого мужчину, как Арсен.

Домой вернулась не через час, а поздно вечером, Арсен к тому времени допивал бутылку виски, на Леру не глянул даже из интереса и ничего не спросил, да и она не спешила делиться новостями, просто отобрала бутылку и уложила его спать. Наутро этот инцидент обсуждать не стали, Арсен был по-прежнему напряжён, но никакого явного

недовольства не выказывал, силился улыбаться и наверно вздохнул с облегчением, когда пора было идти на работу.

Потом были две тяжёлые недели, в которые они никак не могли найти понимание, ту точку соприкосновения, которую потеряли в один миг. Лера особо и не старалась, а Арсен просто перестал её понимать, так и ходили недовольные друг другом, вроде и вместе, вроде и рука об руку, но каждый в своих далёких мыслях. Смотрели друг другу в глаза, а сказать нужные слова всё не получалось.

— Наверно я совершила ошибку. — Призналась однажды Маша, оставшись с Лерой наедине. — Я поторопилась и теперь за это расплачиваюсь.

— Не спеши платить по счетам, знаешь, как жизнь иногда повернёт...

— Наверно...

Девушки уже успели стать подругами, и Лера, которую к Маше допускали без особого распоряжения, по причине близкого знакомства с её мужем (или, проще говоря, по блату), нашла к ней подход, так же общими оказались темы работы в модельном бизнесе. Мария, тоже успешная в прошлом модель, была старше Леры всего на три года, но уже успела поработать со всеми известными мировыми брендами, представить не одного великого мастера. Короче говоря, доверие налажено, теперь можно было и о сокровенном.

— Понимаешь, он хороший, правда, наверно любит меня, но... он чувствует, что мы отдаляемся друг от друга, поэтому и вся эта золотая клетка, эта охрана вокруг.

— Боится, что сбежишь?

— Да куда мне? Меня уже давно никто не ждёт. Да и не в этом дело, я просто не могу так поступить.

— Как? Счастливо жить не можешь?

— У меня всё есть... и наверно желать большего это блажь.

— Возможно, но я всегда хочу иметь больше, чем есть сегодня, оттого, наверно, и нахожусь в вечном поиске.

— Мне больше нечего искать. Раньше у меня было гораздо больше, но я этого не понимала...

Мария, красивая и уверенная в себе девушка, за короткое время превратилась в домоседку, которая не ищет приключений, не видит цели, короче говоря, намерено завела себя в угол и теперь там существует. Наверно, её можно было искренне пожалеть, но как-то не до того сейчас было, коварный план уже созрел в голове юной авантюристки и пришло время привести его в исполнение.

— Хватит грустить! — Лера по-дружески ударила Машу по плечу, но так совсем не оживилась. — Я завтра приглашаю тебя к себе в гости.

— Это не совсем удобно, да и Костя может не отпустить.

— Да перестань, ты же со мной, конечно отпустит! Ты только улыбнись сегодня раза на три больше и скажи, что я поднимаю тебе настроение, вот увидишь, он тут же оттаёт. Ты просто заморозила его своим взглядом.

— Думаешь?

— Конечно. Скажи, что хочешь вернуться и заняться карьерой, только потому, что тебе скучно, и он вмиг найдёт для тебя развлечение. Сама говоришь, что любит, а если любит, то сделает всё, что захочешь.

Лера засиделась до вечера, намерено, чтобы застать хозяина дома, и дождалась.

— Константин Сергеевич, — соловьём запела она, как только тот показался на

пороге, — я в шоке!

Несмотря на то, что Кутагину было чуть больше тридцати, Лера всегда звала его по имени и отчеству, видимо, положение в обществе, да и габариты тела, не позволяли никак иначе. Говорила с ним ласково, но при этом деловито, чтобы он не смотрел на неё как на мошку, а захотел услышать и, надо признаться, своего частенько добивалась, чем удивляла сразу многих присутствующих.

— Я весь во внимании. — Предельно вежливо старался держаться тот и даже улыбнулся, скорее, так же, из вежливости.

— В гардеробе вашей жены нет ни одного нового платья, ей скоро не в чем будет выйти из дома. Как же ваш авторитет крупного бизнесмена?

— Валерия, вот возьми и вытащи её по магазинам. Наверно Маша уже и забыла, как это, без меня выходить. Да? — Он обратился к жене, и нежно, по крайней мере, старался, потрепал её золотистые локоны.

— Вот и отлично. Завтра я её заберу с самого утра, а вечером вы свою жену не узнаете!

Вернувшись домой, улыбнулась Арсену, который уже и не знал, куда себя деть. Он заказал ужин, наполнил бокалы вином, а Лера как всегда задержалась.

— Прости, я обещаю исправиться. — Подлизывалась она и вместо предложенного места за столом пробралась к нему на колени и повисла на шее.

— У тебя сегодня хорошее настроение?

— Да, и я предупреждаю: это очень заразно, берегись.

— Что-то пока не действует...

— Посмотрим, что ты скажешь завтра. — Дерзко улыбнулась она и тут же с коленей соскочила. — Ужинай сегодня один, я не голодная, но безумно уставшая.

Уже стояла одной ногой в спальне, когда обернулась и улыбнулась ему.

— Ещё я хочу, чтобы ты завтра был дома пораньше, сможешь?

— А стоит?

— Будет сюрприз. — Игриво подмигнула она. — Я люблю тебя.

— Я в этом уже начинаю сомневаться. — Проговорил он сам себе и залпом выпил всё вино. В спальню не пошёл, остался ночевать в комнате для гостей.

Утром Лера, как и обещала, забрала Машу.

— И паспорт не забудь. — Она сделала серьёзное лицо и намерено не вышла из комнаты, чтобы проконтролировать наличие документа.

— А паспорт-то мне зачем?

— В мой дом без документов не пропускают. — Заговорщицким шёпотом проговорила она, приложив одну ладонь ко рту, и рассмеялась над наивностью девушки, но на всякий случай ещё раз обернулась, чтобы лично удостовериться.

В магазинах провели весь день. Лера решила полностью обновить гардероб подруги, даже до нижнего белья добралась, которого, к слову, заставила набрать несметное количество. Откровенные платья, соблазнительные вырезы, шикарные туфли, украшения — всё требовало её непосредственного участия, и чемодан купить не забыли. Маша даже заподозрила Леру в шопоголизме, так ей потом и сказала: ты скупаешь всё, что видишь. Так как от обеда они отказались, пришлось устроить себе ранний ужин, Лера чуть ли не силой затащила Марию в гости, чтобы накормить до отвала, обещала сногсшибательное меню и, опять же, сюрприз. От охраны отделались перед входом в дом, сторожевые псы никак не могли оставить их наедине, исправно исполняли свой долг, но, зная о вольготном

положении девушки перед их хозяином, смилостивились.

Распахнув двери своей квартиры перед гостьей, Лера широким хозяйственным жестом предложила ей войти. На самом деле, и сама не на шутку устала, еле передвигала ноги, поэтому, как только дверь хлопнулась, рухнула на пуфик и сделала страшные глаза.

— И зачем мы столько всего накупили? — Наконец, выдала она, чем Марию просто убила.

Та ещё ничего не успела ответить, как из комнаты послышался мужской голос.

— Лера, я тут подумал... Я был не прав, прости, наверно нам стоит пожениться... — Успел выговорить он прежде, чем сам вошёл в коридор. — Маша?..

На Леру уставились сразу две пары глаз, а ей ничего другого не оставалось, как доиграть этот спектакль одного актёра до конца.

— О-о, — бодро воскликнула она и с пуфика поднялась, словно и не она только что умирала от усталости, — и колечко как раз кстати!

С широкой улыбкой она подошла к онемевшему и оглохшему одновременно, Арсену, достала из красивой бархатной коробочки кольцо и тут же его примеряла. Хитро улыбнулась, продемонстрировала присутствующим подарок на своём пальце и показательно надула губы.

— А размерчик-то, не мой. — Констатировала. — Маша, а ведь у тебя пальчики куда изящнее моих, да? Как знал...

Не церемонясь, отодвинула руку Маши от её же бока, куда она напряжённо упиралась до сих пор, и надела на палец кольцо, которое идеально подошло. Одними глазами заставила Арсена с места сдвинуться и сказать вслух всё то, о чём он молчал. Далее следовала чередой взаимных изменений, женских слёз и мужских успокаивающих слов, только вот Мария, в конце концов, грустно улыбнулась, от Арсена отстранилась и поджала губы.

— Арсюща, дорогой, я не могу уйти с тобой, прости. — Не выдержав его напряжённый взгляд, тут же добавила: — У меня будет ребёнок... прости.

Наверно глупо так думать, но Лере показалось, что больше всех в этой комнате напряглась она и вовсе не оттого, что выяснился такой факт, не оттого, как виновато смотрела Маша, а оттого, как себя в этой ситуации повёл Арсен. А он действительно оказался настоящим мужчиной, в нескольких коротких фразах разъяснив любимой, что это их ребёнок: его и её; что он любит свою семью и любит своего будущего малыша ничуть не меньше, чем и саму Машу. Снова женские слёзы и сердце Леры, которое сжималось от боли и кто знает, чего ей стоило в этот момент не заплакать.

— Ну, хватит миловаться-целоваться. Время. — Она растолкала парочку по разным углам. — Я вам не Джеймс Бонд, вертолёт на крышу не вызвала, но собственный «Вольво» к чёрному входу подогнала.

Она покрутила на пальце брелок с ключами и подбросила его Арсену. Наверно, он только в этот момент вспомнил о своих словах и виновато посмотрел.

— Думаю, нам стоит поговорить.

— Конечно, стоит, тем более что Маша сейчас быстренько уложит в чемодан всё то, что мы купили, и отправится с ним в свою новую жизнь.

Быстро раздав распоряжения, Лера сама увела Арсена в комнату и тут же закрыла за собой дверь. Прикрыла его рот ладошкой, смотрела с некоторой грустью, но её глаза сияли.

— Я не знаю, что ты хочешь сейчас мне сказать, но я точно знаю, что хочу сказать тебе. — Она стала напротив Арсена, внимательно посмотрела в его глаза, двумя руками

взялась за его щёки. — Мы были нужны друг другу именно тогда, когда мы встретились. Ты вытащил меня из темноты, ты научил меня жить заново, ты сделал меня счастливой. И я очень тебя за это ценю, я тебя люблю. И только поэтому мне очень важно, чтобы ты тоже был счастлив. К сожалению, не со мной. И я вижу, как горят твои глаза рядом с ней, и ты просто обязан быть счастливым. Я знаю, со мной тебе было хорошо, но жить и любить ты можешь только свою Машу.

— Я тоже тебя очень люблю. Прости.

Робкий поцелуй, его крепкие объятия... к сожалению, прощальные.

Лера проводила гостей, закрылась в своей квартире и вдруг снова почувствовала себя одинокой. Правда, скучать ей пришлось недолго, буквально через пару часов, со своей свитой в гости наведлся сам Кутагин.

— Константин Сергеевич?

Наверно было глупо полагать, что такого человека можно чем-то удивить, вот и правда, он не удивился. Понял с первого взгляда, что его провели. Ни угрожать расправой, ни обвинять в чём-то он не стал. Долго смотрел своим тяжёлым надменным взглядом, пока не выдохнул и не выдавил из себя недобрую усмешку.

— Недооценил я тебя, Валерия. — К тому моменту, как он созрел для разговора, многочисленные телохранители угрожающей наружности квартиру уже покинули. Мужчина подошёл ближе и нежно провёл тыльной стороной ладони по её щеке. — Кто бы мог подумать, что так тесен мир.

— И что вы хотите мне по этому поводу сказать?

— Хочу сказать много, например, что, если бы не твой отец, этого разговора не было бы вообще, и поверь мне дорогая, мои мальчики быстро бы тебя разговорили. Если бы информацию по тебе и твоему любовнику мне принесли немного раньше, то он бы уже не дышал. Если бы ты сейчас не смотрела на меня так дерзко, то я бы вообще мог много чего добавить к своим словам, но не буду. Просто прими к сведению, что твой отец по сравнению со мной здесь никто, и он тебе точно не поможет. Но ты мне нравишься, честно, поэтому даю тебе шанс всё исправить и больше не попадаться мне на глаза.

— Исправить... как?

— Очень просто. Завтра, к семи утра, моя жена должна быть дома.

— А если нет?

— А если нет, то к семи утра ко мне придёшь ты. — Он подошёл в Лере вплотную, замораживая своим взглядом. — И будешь делать всё то, что я скажу. — Мужчина с лёгкостью своей огромной ручищей обхватил изящную шею и слегка надавил.

— А если нет?

— Какая настырная. — Засмеялся он. — Тогда завтра в восемь утра, тебя просто не будет.

Тут же Кутагин покинул квартиру. Но его взгляд, его спокойный и одновременно угрожающий голос, Лера запомнила надолго. Почему-то ему хотелось верить, да и отец говорил, что человек это непростой, но поступить по-другому она просто не могла. Было страшно, она сидела в пустой квартире и смотрела в одну точку, а потом в голове всплыла фраза: «услуга за услугу» и руки сами потянулись за телефоном. Как ни странно, но несмотря на поздний час, ответили Лере сразу. Это был тот самый мужчина, с которым она разговаривала в тайной комнате. По имени Лера его не называла, да и полагала, что то имя, под которым он делал заказ, может быть просто вымышленным. Вкратце изложила всю

ситуацию, а в ответ услышала короткое: «ложитесь спать, я всё решу». Как у некоторых всё просто, но спать действительно хотелось, да и стресс давал о себе знать.

Проснулась Лера от звонка в дверь. На часах около шести, вдруг вспомнилось всё, что произошло вчера. Толком не причесавшись, и даже не накинув халат, она побежала в прихожую. Открыла дверь и застыла на месте. Перед её дверью стоял молодой мужчина. Нет, не мужчина, а бог в человеческом обличии, Аполлон. Он широко улыбался, а, увидев Леру, присвистнул. Долго не вдаваясь в подробности, мужчина подошёл ближе, показательно вдохнул аромат её духов и склонился над самым ухом.

— А почему ты ещё не готова?

Сердце остановилось, захотелось просто упасть замертво, но хватило сил задать вопрос.

— К чему?

— К воспитательной беседе. — Лера лишь округлила глаза в недоумении, а мужчина нагло улыбнулся и приблизился вплотную. — Вчера ты обратилась за помощью. Я готов тебе помочь.

— Это вы? То есть... а что вы собираетесь делать?

— Просто поговорить. Поверь, красавица, иногда это бывает очень полезно.

Его спокойствие внушало доверие, но всё же верилось с трудом, что этот красавчик может хоть как-то помочь. Та лёгкость, с которой он к ней обращался, его взгляд, как взгляд старого друга — просто удивительно, как человек втирается в твоё доверие. Оделась быстро, практически молниеносно, чем незнакомца прилично поразила. За это время он освоился в квартире, уже потягивал коньяк, развалившись на диване.

— Очень хорошо. — Он улыбнулся, разглядывая Леру таким взглядом, от которого она покраснела, увиденным остался доволен. — Ну, вперёд, нельзя заставлять ждать такого уважаемого человека.

С этими словами он резко поднялся и потянул Леру за собой как на буксире. У входа стоял огромный чёрный внедорожник, больше напоминающий танк, теперь в то, что это не просто мачо, верилось. По дороге он делал комплименты, заглядывал в глаза, восхищался смелостью, но молчал по поводу предстоящего разговора. Казалось, это такая мелочь, что просто не стоит его внимания, и всё происходящее не более чем небольшое приключение. Он так нежно ворковал на итальянском, словно и не разговаривает вовсе, а поёт незамысловатую мелодию, от которой закрываются глаза и смысл сказанного уже становится неважным. Под его пристальным взглядом становилось жарко, от его слов, сердце колотилось, и готово было вырваться из груди, а он всё это видит и лишь потешался над реакцией молоденькой русской красавицы.

— Приехали.

Грозно отрапортовал водитель и паника вернулась. Нет, не вернулась, она поглотила всё сознание с новой силой, Лера и припомнить не могла, когда она ещё так боялась, и, честно себе признавалась, что просто не понимает, почему этот Кутагин так на неё подействовал, но была в его словах, в его глазах какая-то угроза, которая буквально наизнанку выворачивала мозг. В реальность возвратила улыбка красавчика, который, чтобы напомнить о своём присутствии крепче сжал её ладонь. Их, точнее говоря, Леру, уже ждали, в доме был раскрыты все двери, охрана доложила, что хозяин в своём кабинете. Очень и очень странно, но её спутник знал, куда идти, более того, приветствуя его, все в доме вежливо кивали, и тут же прятали взгляд, чего в обычной жизни Лера за этими людьми не замечала. Когда вошли в кабинет, Кутагин буквально подскочил, правда, особой радости на его лице Лера не увидела.

Потом он сделал шаг навстречу и остановился, а мужчина, сопровождающий Леру, наконец оставил в покое её ладонь и так же сделал пару шагов вперёд.

— Надеюсь, теперь ты понимаешь, что эта девушка со мной? — Станным, угрожающим тоном произнёс он, кивая в сторону Леры.

— Да.

— Вопрос исчерпан?

— Разумеется.

— Ну, тогда пока.

— До свидания.

Вот так оказывается разговаривают большие мальчики, не знала... Два слова и весь из себя крутой Константин Кутагин уже не имеет никаких вопросов. Высказать всё это или хотя бы переварить информацию не было возможности, Леру так же на буксире потащили к выходу.

— Спасибо. — Выдавила она из себя уже на подъезде к дому, но мужчина только улыбнулся. — Что я тебе должна?

— Ничего. Отец сказал, что нужно помочь одной красивой девушке. Я помог.

— Так, это твой отец?

— Да.

— Извини, а как тебя зовут?

— Марио.

Как-то слишком нежно у него получилось произнести своё имя. Настолько нежно, что у Леры внутри всё поджалось, она смотрела на него и не могла отвести взгляд. Влюбилась — твердило подсознание; сошла с ума — кричал здравый смысл, но то, что она попала по крупному, с этим были согласны все её органы и сферы сознания, способные размышлять и делать выводы.

Потом было много шумихи, разборки с Кутагиным, особенно, когда он узнал о беременности своей жены. На Машу и Арсена чуть ли не охота началась, но тут тоже спасибо Марио, смог всё уладить, вскоре Лера узнала, что такого человека как Кутагин больше не существует.

После Арсена у неё были мужчины. Интересные, самодостаточные, но никто из них не видел Леру настоящей, они видели перед собой красивую картинку с обложки глянца, они её и получали. Марио стал вроде как приходящим мужем, у них был общий дом, общие друзья и даже планы на будущее, но отношения редко длились более трёх месяцев, и заканчивались временным расставанием и сменой половых партнёров. Свободные отношения, не лишённые обязательств. Он знал о Лере всё, вплоть до того, какую она любит выпечку, но всё равно оставался чужим. Марио узнавал о ней всё через информаторов, Арсен — путём длительных бесед. И двое этих мужчин стали чуть ли не главными в её жизни. Она так и не смогла открыться больше ни перед одним мужчиной, именно тогда и появилась эта фобия, показать своё тело человеку, которому неважно, что скрывается за его красотой. Она даже волосы обрезала, как и обещала, только чтобы больше никто не мог её контролировать. Сменила роскошные локоны на дерзкую стрижку, которая лишь с возрастом стала более женственной, более традиционной. У неё было всё, о чём только можно мечтать, по крайней мере, Лера много лет убеждала в этом себя и окружающих.

Глава 17

Уже целый месяц Синицкий не появлялся в её жизни, причём совсем. Не звонил, не

приходил в офис, не являлся домой. И, в принципе, его позицию Лера поняла правильно: он удовлетворил своё желание и теперь остаётся только ждать до следующего раза. Нельзя сказать, что, даже понимая всё это, Лера не расстроилась. Расстроилась, и в некоторой мере разочаровалась в его предсказуемости, но показывать это вовсе не собиралась, а совсем наоборот, светилась от счастья и широко улыбалась завистливым взглядам. Возможно, отсутствие мужа она испытала бы более остро, если бы пару недель назад не произошла одна интересная встреча.

— Лера, ты?

Окликнул выходящую из подъезда девушку молодой человек. Лера оглянулась и даже приветственно кивнула в ответ, но только через несколько секунд, уже сделав пару шагов, она обернулась снова и в представительном молодом мужчине, одетом на европейский манер, разглядела своего бывшего возлюбленного Бориса. Они не виделись много лет, даже не перезванивались всё это время, а теперь встретились и не знали, что друг другу сказать.

— Тебя и не узнать, — не скрывая восторга, рассматривала его Лера, — какой стал!

— А то!

— Я слышала, ты работал в Великобритании. Слухи?

— Нет, чистая правда, но сейчас вернулся и, скорее всего, навсегда.

— Как интересно. — Лера всё ещё не могла отвести взгляд, и улыбалась несколько растеряно. — Слушай, у меня сейчас важная встреча в банке... и если уж ты навсегда... заходи вечером. Я буду в шесть.

— Ловлю на слове.

Он был рад встрече, и вовсе не собирался этого скрывать, возможно, до сих пор влюблён, возможно... нет, но смотрел именно влюблёнными глазами, хотя Лера и сама понимала, что сейчас на пике своей формы и вовсе не удивилась такой реакции. Весь день буквально порхала, в предвкушении встречи, даже ничуть не устала и дела постаралась закончить пораньше, чтобы не ударить в грязь лицом, перед педантичным Борисом.

Он пришёл с вином и цветами, Лера заказала ужин, посидели, можно сказать, по-дружески, поговорили обо всём. Боря рассказал, что недавно развёлся с женой, а теперь его пригласили работать в один из лучших медицинских центров столицы, а, так как в чужой стране больше ничего не держало, он, не раздумывая, согласился. Лера не смогла быть настолько же откровенно и лишь вскользь упомянула о причине своего приезда. В основном делилась впечатлениями от работы, задумками, уже покорёнными высотами. Не забыла упомянуть о новом модельере, о том, что вскоре откроется новая звёздочка на модельном поприще, о Прохорове, о других поклонниках, только Синицкого минула. Да и сама не хотела о нём говорить в такой день.

Вино выпито, всю нахлынувшую информацию вкратце обсудили, поулыбались, помолчали о грустном, вроде пришло время расстаться, вот только нужные слова никак не шли в голову. Когда Борис понимающе направился в сторону коридора, все доводы в пользу правильности его поступка отошли на задний план, захотелось вновь почувствовать себя любимой и желанной и соблазн оказаться в его объятиях был слишком велик.

С Борей ей было хорошо, тепло и уютно, спокойно, но... но, но, но. Возможно, именно так многие себе и представляют счастье: в объятиях любимого, без ссор и упрёков, без лишних вопросов, лишь потому, что знают друг друга тысячу лет, но только не Лера. Наверно, за столько лет она привыкла к другому: к страсти, к взрыву эмоций, к бурному выяснению отношений, поэтому именно остроты в этих отношениях ей и не хватало. Все

свои недовольства она и не думала высказывать, к тому же Боря оказался неплохим любовником, заботливым мужчиной, и вообще, не раздражал её по пустякам. У него не было каких-нибудь отвратительных привычек, которые в любых других отношениях доводили Леру до белого каления, и в принципе, он оказался очень положительным человеком. Был часто занят на своей новой работе, ещё не успел до боли намозолить глаза, его рассказы не были направлены в одну сторону, он с лёгкостью мог и развлечь, и удивить. В какой-то момент Лера даже вздумала пожалеть о том, что когда-то ушла от него, но это было лишь минутное помешательство, так как вместе со всеми своими положительными качествами, до идеала он не дотягивал.

Близились новогодние торжества, всеобщее ощущение праздника, восторга, уже успели посетить сердце каждого, даже самого зачерствелого человека. И Лера вспомнила об этом, купила и нарядила ёлку, по поводу своего праздничного настроения устроила целых пять выходных всему офису, вместо трёх запланированных, впервые отказалась от шумной вечеринки в кругу друзей, в пользу узкого семейного торжества. Праздник прошёл тихо, спокойно, но зато в любви и понимании. Порадовало утро первого января.

Встали буквально пару часов назад, но из постели вылезать не торопились, немного заспанные, ещё не причёсанные, но довольные жизнью, наконец, решили продолжить праздник и разлить по бокалам шампанское. Борис был избран для нелёгкой миссии: откупоривание бутылки, а Лера тем временем, занялась закуской. Набросила на плечи лёгкий халат и со свойственным ей элементом обречённости отправилась на кухню.

Звонок в дверь немного скорректировал планы. Лера только плечами пожала на не приглашенного гостя, и Борис пошёл открывать. С бутылкой вина в руках, в одних брюках с не застёгнутой пряжкой ремня, он широко распахнул дверь и, глядя на растерянного Синицкого с небольшим пакетом продуктовых изысков в руках, улыбнулся.

— Лера, это к тебе. — Крикнул он, не стесняясь, и от двери отошёл, точнее говоря, вообще ушёл, направился в спальню, где стояли всё ещё пустые бокалы. Гостя при этом войти не пригласил, но и дверь не захлопнул... и на том спасибо.

Лера на зов вышла не сразу, что-то ещё суежилась на кухне, а выйдя, на мгновение растерялась.

— Не ожидала. — Всё, что смогла она выдать без предварительного осмысления, ну, только потому, что действительно не ожидала.

Синицкий молчал, но смотрел как убитый наповал дикий зверь, он, видимо, тоже не ожидал. Пришёл к жёнушке, избавить её от одиночества в такой праздник, а тут сюрприз. Даже не нашёл слов, чтобы свои чувства описать, так и смотрел, ожидая развития действий. Тут из спальни вышел Борис. Он не выглядел победителем, не старался показать своё привилегированное положение, ему просто было всё равно. Лера в некой растерянности оглянулась и отметила для себя, что на фоне крупного и тяжеловесного Синицкого, Борис, со всей своей стройностью и ухоженностью, значительно выигрывал, да и моложе он был лет на пять. И держался отлично, ничем свою неприязнь не показывал, хотя Лера отлично знала о натянутых отношениях между мужчинами.

— Ну... ты как? Туда или сюда? — Издевательски хихикнула она, даже самой неловко стало, за этот детский подкол, прекрасно ведь понимала, что сейчас в голове у мужа творится.

— Да, наверно, туда.

Синицкий криво усмехнулся, хмыкнул и вдруг вспомнил о припасённых пакетах. С

жуткой неловкостью и нерешительностью протянул их через порог.

— С новым годом. — Прощедил он сквозь зубы и тут же развернулся.

— И тебя.

Вот так новость, а теперь думай, что он хотел этим сказать. То ли специально выжидал, чтобы Лера соскучилась, то ли простая случайность, эмоциональный порыв, ссора, с любимой и много-много других причин. Порадовало только то, что теперь точно не придётся в такой день по магазинам рыскать в поисках чего-нибудь съестного. Борис никак не прокомментировал подобную сцену, возможно, специально, чтобы не заострять внимание, ведь он оказался мужчиной не просто не глупым, но и не по-мужски проницательным. Короче говоря, на отношения этот визит никак не повлиял. Но Лера знала, что бойкоту конец и уже через несколько дней Синицкий заявится в офис. Прогодала. Он объявился не через несколько дней, а в первый же рабочий день компании, и к моменту её прихода, уже сидел в кабинете, и для отвода глаз перебирал какие-то бумаги.

— Уже соскучился?

Лера влетела в кабинет как на пожар, удивилась, что Синицкий на этот раз не в её кресле, но не заостряла внимание и сразу перешла в нападение.

— И что это за явление Христа народу? Мне казалось, при последней встрече мы с тобой всё выяснили?

— Что выяснили?

— Ну... — Лера игриво закатила глаза и начала загибать пальцы на руке. — Что ты меня хочешь, что ты меня избегаешь, что ты по-прежнему ждёшь развода и что предел твоей ревности не за горами. Мне кажется достаточно для того, чтобы перейти к решительным действиям.

— Права как никогда. — С каменным лицом кивнул Синицкий и подтолкнул к Лере папку с бумагами. — Мне кажется, что выяснили мы действительно всё. Подписывай бумаги на развод.

— Ах, — она легкомысленно повела плечами, — как же ты предсказуем, дорогой. Мне становится с тобой скучно, честно.

— А вот мне с тобой веселее с каждым днём.

Лера даже не смотрела в сторону документов, тут же толкнула их назад.

— Ты ещё не всего добилась? Что тебе от меня нужно, а? Компанию я оставляю тебе, с мужиками у тебя полный порядок, что ещё?

— А ещё я хочу тебя.

— Не многовато ли?

— Ничуть.

Синицкий медленно встал, подошёл к Лере со спины, положил обе руки на её шею и несильно сдавил.

— Ты издеваешься надо мной? Почему именно он?

— Убери свои ручищи, — совсем устало проговорила Лера и сама оттолкнула от себя широкие ладони, правда Синицкий в ответ навис над ней, дыша прямо в ухо. — Знаешь, я, за столько лет независимости и самостоятельности отвыкла от проявления мужской ревности, но мне приятно.

— Что-то мне с трудом верится в твои признания.

— Не говори глупостей, я не такая уж и роковая женщина, ну... разве что чуть-чуть.

Синицкий немного отстранился, но Лера чувствовала, как он разглядывает её затылок,

заставляя её сердце биться быстрее.

— Я не дам тебе развод. И ты можешь считать это моей прихотью, но... мне просто интересно, как ты собираешься выкручиваться из всей этой ситуации. Я слышала, что Кристина Николаевна уже подбирает платье, стоит задуматься о дате торжества.

Синицкий с силой оттолкнул от себя кресло, неприятно прижав, сидящую в нём Леру к столу.

— И прошу тебя, не делай такие бешеные глаза, ты меня только смешишь.

— У тебя две недели. — Рыкнул он и схватил с дивана своё пальто. — Если не одумаешься, будем разговаривать по-другому.

— Пока, пока.

Можно было только вздохнуть ему вслед. Даже не представляла, что он имеет в виду, но картинки в её голове сложились довольно-таки интересные: как он под пытками заставляет её изнеможённую подписать бракоразводные бумаги. Самой смешно, честное слово. Но он дал определённый срок и это о чём-то уже говорит, правда, никто не виноват, что эти его сроки так неудачно вписались в трудовой график и как раз через месяц, они представят коллекцию в Нью-Йорке, и будет уже не до разборок. А вот через условленные две недели будет предварительный отчётный показ для совета директоров, пока без прессы и рекламы, но тоже событие не маловажное.

Как она умудрялась доводить его до состояния бешенства, Синицкий удивлялся каждый раз. Не понимал только, чего она добивается. Ведь всё есть: мужики, деньги, работа, а она интриги крутит.

— Да?! — Рывкнул он в телефонную трубку, отвечая на звонок.

— Мне кажется или ты только что разговаривал с женой?

— Райковский, чего тебе?

— Да я вообще-то по делу, просто ты в таком настроении, что этот вопрос буквально напросился.

— Давай своё дело.

— Не по телефону.

Встретились на нейтральной территории в обед.

— Что за дело?

— Кристина звонила. Хочет узнать всё о том, куда ты пропал. А знаешь, мне тоже интересно, куда ты пропал, ты что, дома не ночуешь?

Синицкий вздохнул так, словно за спиной пудовый камень.

— Веришь, нет, видеть её не могу.

— Кого, Кристину? — Хохотнул Райковский, но под тяжёлым взглядом друга смирился.

— Кристину. Доводит меня своей ревностью, не могу просто.

— И какой тогда смысл жениться на ней?

— Сам не знаю. Чёрт меня дёрнул вообще об этой свадьбе заикнуться. Жили нормально, нет, блин! Статус ей подавай!

— Да, а к статусу и деньги.

— Вот именно.

— А Лера что, упирается?

— Только что заявила, что из принципа ничего не подпишет.

— И что теперь?

— Что?

— Может, поговоришь с ней по-другому? — Синицкий заметно напрягся, но промолчал. — Если тебе так уж это важно.

— Ерунды не говори. Это Лера. Моя жена.

— И что? Когда тебя останавливали такие мелочи? А может она только этого и ждёт, скучает по твоим условиям.

Райковский неприятно усмехнулся, он полагал, что Лера становится покладистой только под кнутом. Зная Сашу Сеницкого много лет, он и представить себе не мог, как этот жёсткий, а часто даже жестокий человек, который в принципе не идёт на ультиматумы, которого не трогают женские слёзы, может быть каким-то другим. О взрывном характере Сеницкого знали не понаслышке не только его партнёры, но и друзья. Вспомнить только, каким образом он женился на Лере, фактически не оставив ей выбора: просто-напросто купил кольцо, сообщил о намерениях, поговорил с её парнем, заставив того отказаться от своих симпатий. Он и представить себе не мог, что такая самостоятельная девушка могла по доброй воле в восемнадцать лет оказаться в золотой клетке. И её бегство спустя полтора года стало лишь доказательствам этой его теории.

— Считаю как хочешь, но, даже если бы я очень захотел поговорить с ней при таких условиях, ничего бы не вышло.

— Что так?

— Любовник у неё есть, — Сеницкий прищурился, внимательно всматриваясь в окно, — скажем так, не простой смертный.

— Любовник? Этот, что ли, м-м, армянин?

— Нет, Игорёк, не армянин. Есть такой человек, который неофициально держит в руках большую часть европейского бизнеса, а у него есть сын. Так вот этот сын уже много лет спит с моей женой.

Райковский хитро улыбнулся, и нервно постучал костяшками пальцев по идеально расправленной скатерти.

— А ты откуда знаешь о таких подробностях? Лерка похвалилась?

— Да этого никто и не скрывает. Этот парень личность достаточно известная. Несколько раз в прессе говорилось о том, что они давно женаты, так что, не позавидую я тому, кто решится ей нахамить.

— А молодец девочка, времени зря не теряет. И что теперь?

— Ничего. Будем надеяться, что она побалуует и успокоится.

Сеницкий, конечно, не стал уточнять, что сам оторвёт голову любому, кто притронется к его жене, что сейчас готов убить лучшего друга, за одно лишь предположение угрожать Лере. Да и себе оторвёт руку, если поднимет её на любимую женщину. А Леру он любил. Всегда. Несмотря на все свои поступки, которые напрямую противоречили этому утверждению.

Лера лежала в объятиях Бори и каждый раз вспоминала события прошлого, как бы получилось, если бы она не приняла предложение Сеницкого, если бы не изменила Борису, но ответа найти не могла.

— Боря, вот, скажи мне, я очень часто вспоминаю, как уходила от тебя... я ведь тебе тоже изменила, тебе было так же больно, как и мне с Сеницким?

— Наверно нет. — Вздохнул он.

— Почему наверно?

— Ну... потому что каждый переживает одни и те же эмоции по-разному. Но мне всё

же кажется, что тебе было сложнее. — Он обнял Леру крепче и поцеловал, предлагая сменить тему на что-нибудь более приятное.

— А разве ты меня не любил?

— Любил, конечно.

— Тогда почему?

— Скорее всего, я понимал, что ты не для меня.

— Для Синицкого что ли?

— А хотя бы и для него.

— Нет, — Лера развернулась, чтобы посмотреть ему прямо в глаза, — но ведь ты даже не сопротивлялся, молча отошёл в сторону. Тогда я об этом не думала, а вот теперь не понимаю. Объясни мне.

— Лера, — он крепче сжал её пальцы, — ты самая замечательная, прекрасная и необыкновенная. Но мне нужна была девушка попроще. Я уже тогда видел твой нрав, то, что ты сама в себе к тому моменту не открывала... ты была слишком... слишком нереальная, что ли. Я сам не знаю, как тебе объяснить, но не по зубам ты мне, слишком крепкий орешек. А не боролся тогда, потому что и так зал, что проиграю, не в этот раз, так в другой. У тебя были сумасшедшие глаза, ты уже никого кроме него не видела. Тебя нужно было быть с ним рядом, чтобы потом обжечься, чтобы страдать... что угодно. Но он был тебе нужен.

— Кажется, я поняла. — Лера сама себе улыбнулась, поудобнее устраиваясь под одеялом. — Один мой друг сказал, что я как машина класса премиум, со мной можно покататься, но иметь в качестве жены, слишком роскошно, не всем по карману.

— Наверно так и есть. Слишком роскошно.

Грустно, конечно, осознавать, что от тебя отделяются таким способом, вроде и комплимент говорят, а вроде и гадость несусветную, но, по сути, они правы. Остальные любовники, которые имели на Леру виды в качестве жены, просто об этом не задумывались, а потом вполне искренне удивлялись её отказу. А вот Арсен и Борис, они не лгут, они говорят то, что чувствуют, только от этого не легче. Не хочется быть чем-то недостижимым, хочется быть как все и иметь право на счастье.

Утром в офисе Леру ожидал очередной сюрприз. Маша её встретила возле стойки ресепшена, с безумным взглядом и трясущимися руками.

— Валерия Павловна, там к вам пришли. — Заикаясь, проговорила она, и при этом сама всё время оглядывалась в сторону приёмной.

— И кто посмел так тебя напугать?

— Там мужчины, один из них сказал, что ваш жених, но я видела у них оружие. Валерия Павловна, давайте полицию вызовем, они очень странно себя ведут.

— Оружие? Перестань, — Лера улыбалась, но можно было заметить, с какой силой она сжала ручки миниатюрной сумочки, — это зажигалка. Мужчина, как я понимаю, иностранец?

— Да, он хорошо говорит по-английски, а люди с ним на итальянском, ну или португальском, да и внешность у всех типичная. Они вам угрожают?

— Милая, это действительно мой жених, просто он немного дикий. Давай договоримся так, — Лера медленно выдохнула, внушая спокойствие всем, кто теперь усердно прислушивался к каждому её слову, — я отпускаю тебя до обеда, можешь пройтись по магазинам, подышать свежим воздухом. Только подготовь мне бутылочку хорошего виски. Где, кстати, стоят бокалы?

— В шкафу за моим столом, там, на верхней полке.

Маша смотрела на Леру как на безумную. Несмотря на всю привлекательность мужчины, который представился её женихом, от него исходил неприятный холод, который не просто отпугивал, а вводил в ужас. А теперь её ещё и «погулять» отправляют. С каждым разом Валерия Снежная открывалась для неё с новой стороны, а теперь представала в образе, который просто не поддавался здравому смыслу. Она, напротив пяти вооружённых мужчин — это просто дико.

Вооружившись бутылкой элитного напитка, Лера шагнула в приёмную, где её встретили четыре пары внимательных глаз. Надо отметить, зрелище для неё абсолютно обыденное, но здесь, в Москве, она от этого прилично отвыкла. Не спеша достала бокалы, с охраной не общалась, старалась даже не смотреть в их сторону. Марио стоял в кабинете у окна, и не посмотрел в сторону открывшейся двери, чему Лера только улыбнулась. Он злился.

— Ты до смерти напугал моего секретаря. — Проговорила она полушёпотом, подойдя к мужчине вплотную.

Он продолжал стоять как непреступная крепость, пока не почувствовал горячие ладони под своим пиджаком.

— А я слышал, тебе здесь скучать некогда.

— Ты злишься?

— А тебя это удивляет?

— Марио... — Пропела она, пристраиваясь возле широкой спины, namного приподнялась и едва коснулась губами мощной шеи.

— Валерия, ты обещала вернуться. Но что-то мне подсказывает, что твои планы изменились.

— Мне нечего сказать тебе по этому поводу.

Наконец, мужчина повернулся и посмотрел на неё своими большими глазами, цвета чёрного шоколада. Впервые за семь лет знакомства он смотрел растеряно, заискивающе.

— Сколько раз я просил тебя бросить всё это? Что ты мне отвечала? Что тебе нечем заняться. Я купил тебе бизнес, а теперь ты здесь и не знаешь, что мне сказать? Может, я сам всё скажу?

Она опустила взгляд. Лера всегда чувствовала себя виноватой рядом с Марио. Он бросил к её ногам весь мир, и ему нужна была только её взаимность. Он угождал, отгадывал желания, владел её телом, но всегда оставался чужим. Сама себя ненавидела за эти чувства, которые ей не подвластны.

— У меня ничего не получается. — Лера отступила на пару шагов, опустила плечи, резко почувствовала озноб — это был холод её чувств, сейчас она была похожа на глубоко несчастного человека.

— Может, ты не там ищешь? Я хочу, чтобы ты вернулась.

— Марио, я здесь смогла вздохнуть полной грудью. Не лишай меня этого права, пожалуйста.

— Тебе здесь нечего делать. Ты ему не нужна. Сколько раз ты хочешь это услышать прежде, чем вернёшься ко мне?

Лера уже сидела на диване, а он смотрел свысока, заставляя поёжиться под этим строгим, но любящим взглядом, смотреть в его глаза было невыносимой пыткой, и она не могла этого выносить.

— Я не знаю.

— Мне ты никогда не давала второго шанса, Валерия. Хотя... ты мне не дала даже первого.

— Ты в нём никогда не нуждался. — Он отвернулся, но Лера его окликнула, подскочила с дивана и прижалась к его груди. — Я люблю тебя, правда. Но я не могу его забыть. Он не отпускает меня.

— Ты сама себе это придумала, малышка. Я знаю, как тяжело ты переживала его измену, то, что он сделал с тобой... Со мной ты такой не была. Все мои измены были с твоего молчаливого согласия, ты никогда не боролась за моё внимание. Знаю, я сам это допустил, слишком часто возносил тебя на пьедестал, позволил наслаждаться таким положением. — Слова давались ему с трудом, прежде, откровенных разговоров между ними не случалось, Марио надеялся, что она одумается и всё исправит, сама. Он ошибся, и, наверно, сделал это впервые в жизни. — Но я ведь тоже не железный. Ты знаешь, я говорил тебе, что брошу всё, если ты захочешь... ради тебя.

Он обнимал, но эти объятия были пустыми, ничего за ними не стояло, Марио словно прощался. Он уже видел, что Лера своё решение приняла, но нужно было сказать всё то, о чём так долго думал, так будет честно.

— У меня через два часа самолёт, надо успеть. Просто пообещай мне, если у тебя ничего не получится, ты вернёшься ко мне.

Он смотрел в её полные слёз глаза и не понимал, как эта женщина может себя не ценить, не уважать, позволять так с собой обращаться, но и заставить уехать, или просто увезти её не мог. Никогда не мог, несмотря на свою силу, свою власть. Она поразила его с первой встречи и восхищала своей стойкостью. Он знал о ней всё, только не знал пути к её сердцу.

— Поверь, для меня это важно. Знаешь, ты ведь единственная женщина, для которой не важны мои связи и деньги. Ты всегда была со мной только потому, что я чертовски обаятельный.

— Обещаю. Обещаю, что обязательно вернусь. Ты тоже в моей жизни такой единственный, кто терпит все мои капризы столько лет подряд.

Она виновато улыбнулась, любуясь на его лицо, на его глаза, на его губы. Такие знакомые и такие чужие одновременно. Столько лет рядом с ним пролетели как один день, но каждый день за эти годы её убивала обида и мысли о другом.

Дверь кабинета раскрылась практически бесшумно, в проходе стоял Прохоров. Он настроил свой голос, привлекая внимание, но под взглядом Марио немного отступил.

— Вова, ты с ума сошёл! — Тут же прикрикнула Лера, отступая от Марио, и тут же стала между ними.

— Я по делу.

— Ты не видишь, что я занята?

Прохоров только паршиво ухмыльнулся этому заявлению.

— Передай своему подчинённому, что он невероятно смелый человек. Будем считать, что сегодня ему просто повезло.

С лёгкостью отозвался Марио и тут же покинул кабинет, потеснив Прохорова в проходе.

— Да, Валерия Павловна, удивляюсь я твоим способностям собирать вокруг себя выдающихся мужчин мира сего.

— Это и есть твоё дело? — Настроение Леры резко упало, она не смогла договорить с Марио, а Прохоров наверно и не представляет, с каким человеком едва не столкнулся лбами.

— Это правда, твой жених?

— Тебя это удивляет?

— Ничуть. — Он присел на кресло и нагло уставился на Леру. — Ты обещала, что я увижу мужчин, которые имеют на тебя влияние. Так вот, мои аплодисменты, ты меня умыла. — Он даже привстал, явно переигрывая.

— Ну, думаю, теперь ты понимаешь, что тебе ловить нечего.

— Теперь понимаю. — Он ехидно ухмылялся. — Одного не понимаю, как такая шлюха может всех удерживать в узде. Ты как, со всеми одновременно трахаешься, или у них график составлен?

— Знаешь что, Вова, тебе лучше об этом больше не спрашивать. — Лера подошла ближе и наклонилась так, чтобы смотреть Прохорову прямо в глаза, при этом продемонстрировала ему свою грудь, бёдра и свой взгляд, которым она и удерживала каждого из своих мужчин рядом. — И поверь на слово, если ты меня разозлишь, то у них будет график на тебя. А теперь иди, милый. Занимайся своими делами.

Судя по той скорости, с которой Прохоров покинул кабинет, слова Леры его убедили, только вот неприятный осадок остался, действительно чувствовала себя шлюхой. Ведь она любит только одного мужчину, но при этом встречается с кем угодно, но только не с ним.

Глава 18

Премьерный показ вот-вот должен начаться, а главного акционера всё нет. Лера ещё раз раздала последние указания, внимательно наблюдала и давала советы модельеру, так сказать, последние штрихи. При этом успевала ловить на себе косые взгляды присутствующих, даже причину их знала и, вроде бы, позлорадствовать можно, но как-то не хочется или не получается, в общем не до того. Дело в том, что слух о равнодушии Валерии Снежной к Синецкому попал на горячие языки местных сплетниц, уже успел обрасти небылицами, поэтому ничего другого не оставалось, как молча пропускать это мимо ушей. Лера так же знала, откуда ноги растут, сама Кристина рассказывала об этом на каждом углу, оставалось только гадать, с чего она это взяла или может сам Синецкий именно так объяснил совою резкую смену отношения к происходящему. Короче говоря, она теперь для всех злостная разлучница, порочная женщина и так далее в таком же духе. Кристина в компании родителей Синецкого пускала огненные стрелы в её сторону, Марина Игоревна при этом её успокаивала и даже не думала сбавить тон, что только придавало интриги. Говорила, что всё пройдёт, что Валерия Павловна скоро уедет, что это просто её фантазии и Сашенька однолюб. Даже смешно стало, словно эта Кристина не знает, с кем связывается, а может... действительно не знает, может, она просто жертва во всех этих семейных склоках? В любом случае, Лере её жалеть не придётся: лес рубят — щепки летят; а она сделала вызов самой судьбе, приехав сюда, и уходить, поджав хвост, вовсе не собирается.

Стояла в стороне ото всех, напряжение в зале росло, а она ничего не может с этим поделать.

— Скучаешь?

От голоса прямо за своей спиной Лера вздрогнула. Но не обернулась, знала, что это Игорь Райковский.

— Где дружок твой? Опаздываете.

— Он не придёт, можете начинать.

Райковский говорил слишком вкрадчиво, его голос приобретал некие нотки интимности, и дышал он теперь прямо в её затылок.

— Света, можем начинать, Александра Дмитриевича не будет.

Лера громко крикнула, так, что все обернулись, но Райковский так и висел над ней, не отступая. Свет погас, зазвучала музыка, нужно было сосредоточиться на показе, но Игорь отвлекал.

— Значит, добились своего? — Начал он с улыбкой. Её Лера могла только почувствовать, но это было так, словно своими губами Райковский уже прикасался к её шее.

— Ты про показ?

— Я про Сашку. Он в бешенстве, не знает, что с тобой делать.

— Вы по-прежнему всё обсуждаете?

— Ну, сама посуди, с кем ещё он может этим поделиться? Не с матерью же, в конце концов. К тому же, она до сих пор считает, что ты его тогда бросила ради очередного любовника.

— Очередного? — Со смешком выдала Лера, хотя не сомневалась, что свекрови никогда

не нравилась.

— Именно. А он и не спешил её разубеждать.

— А ты, значит, в курсе всего, да?

— Ну что ты, это даже для меня осталось загадкой, но, видимо, всё не так просто, да?

— Если ты сейчас ожидаешь душещипательной истории, то мне жаль тебя разочаровывать.

Райковский приблизился и теперь прижимался к Лере всем телом, стало как-то уютно, но она этому только улыбнулась.

— А вдруг я тогда стану на твою сторону?

Ответом Лера его не удостоила, уже отвлеклась от разговора и занялась прямыми обязанностями, пристально наблюдая за моделями.

— Я слышал, хочешь выкупить у Самсонова акции?

— Что за ерунда? — Наиграно возмутилась Лера, но тут же он почувствовал её победную улыбку. — Твоя информация устарела, я их уже купила.

Игорь хмыкнул, на секунду отпрянул, изучая её спину взглядом, и тут же прильнул снова, но уже с другой стороны.

— А смысл? Кто против ветра плюёт? Ты ведь понимаешь, что эти шесть процентов ни на что не влияют? Или ты рассчитываешь, что я или Прохоров тебе свою долю продадим? Так зря.

— Ну, ты насчёт Прохорова не спеши, как разговаривать с ним, я уже знаю.

Райковский прижался к Лере сильнее, ладони положил на её бёдра и потянул на себя.

— В твоих способностях, милая, я никогда не сомневался. Как парня скрутила, а?

— Всё ещё жалеешь, что сам не испробовал?

— Ты о чём?

— Прекрати, я видела, как ты смотрел на меня на свадьбе, поедал взглядом.

— А я надеялся, что не заметишь... Но сейчас ты ещё лучше, поверь.

Он прижался губами к её волосам, но вовремя опомнился и выдохнул, явно сожалея о своём благоразумии.

— Ты всех с умаводишь, колдуешь?

— Думай, как хочешь. — Такое признание Леру порадовало, появилась вполне искренняя улыбка и чувство удовлетворения.

— Только мне тогда хватало ума осознавать, что замуж тебе ещё рано, а Сашка... попался, дурак.

— Ну почему же дурак?

— А потому, что страдает, хочет тебя... тебя, а не свою невесту.

Он сжал её бёдра сильнее, и улыбнулся, прикасаясь губами к её шее.

— И теперь он не знает, что делать, а ты этим наслаждаешься, ведь так?

— Так...

— Но он всё равно разведётся, только потому, что упёртый как баран.

— Двоежёнство у нас не разрешено, пока.

— Как он, не разочаровал тебя... после десяти лет разлуки?

— А какой ответ тебя устроит?

— Никакой не устроит, Валерия Павловна. А ведь знаешь, наверно только я и был рад твоему приезду.

— Мне это льстит.

— Но ты всё равно останешься для меня запретным плодом. Потому что Сашка мой друг. Но знай... — он прижался губами к уху и прошептал прямо в него. — Ты очень сладкий плод.

В ту же секунду резко отстранился, отошёл на шаг.

— Кстати, показ удался, в этом ты тоже выиграла.

Показ действительно удался, вряд ли кто-либо из присутствующих мог ожидать подобного от учащейся захолустного ПТУ, поэтому и аплодисменты были вполне заслуженными и поздравления после них.

— Игарёш, шампанского. — Зазывно улыбнулась ему Лера и пригласила в свой кабинет.

Взяла с подноса два бокала и тут же из зала вышла, оставив остальных додумывать. Ведь несмотря на то, что свет был приглушён и вроде как смотрели присутствующие на подиум, завистливые взгляды Лера на себе ощущала вполне отчётливо.

— Что?

— Да ничего. Вот, заberi и передай Синицкому. — Лера швырнула на стол папку с документами. — Он тут в прошлый раз забыл. И передай на словах, что у него осталось две недели признаться во всём самостоятельно. После показа я займусь им вплотную.

Дерзкая улыбка его добила, и Райковский вскинул руки, признавая поражение. Папку он забрал и молча удалился.

Последние две недели перед показом стали невыносимыми. Оказалось ещё столько неучтённых нюансов, что, казалось бы, начинай всё с начала. Работали на износ, напряжение тяжёлым грузом висело у каждого за плечами, голова шла кругом. Домой Лера приходила ближе к ночи, едва хватало сил принять душ. А ту ещё и Борис... пришло время выяснить всё и всё прояснить.

— Борь, нам нужно поговорить. — Лера собиралась с духом, храбрилась, и это было заметно.

— Да говори уже. — Благосклонно кивнул тот, но в глазах всё то же понимание и его пресловутая пронизательность.

— Мне... нам нужно расстаться, прости. Не хочу подбирать слова, честно, да и сил нет, — затараторила она, — ты очень хороший, правда, но не для меня. Мне тебя мало, мне негде развернуться, ты душишь меня совей любовью и заботой. Вот просто я такая.

— Такая. Самая лучшая. — Он так по-доброму улыбнулся, что, честно, захотелось забрать все свои слова обратно. И ведь не подкаблучник, и вряд ли он со всеми женщинами такой, и это стоило бы оценить, но... он просто друг.

Разошлись так же тихо и мирно, как и в первый раз. Лера и в прошлый раз удивилась, но теперь была просто поражена. Сама себе казалась каменной и бессердечной, но она не из тех, кто ценит такое к себе отношение, она не может быть с человеком, который готов любить за двоих. Пусть больно, пусть горько, но с любимым.

Борис ушёл, а потом и вовсе куда-то исчез, уже от соседей узнала, что на конференцию какую-то уехал. И то легче стало, ведь уже на себя грешила.

Февраль принёс не только лютые морозы, снежные тучи, но и не забыл про плохое настроение. На работу не хотелось страшно, а в связи с напряжённым графиком и самочувствие подводило. Частенько болела голова, усталость накатывала вдруг, но очень сильно, абсолютно отсутствовал аппетит и вообще, выглядела Лера теперь не лучшим образом. На работе косые взгляды сотрудников уже прилично надоели, хотелось спрятаться ото всех и не появляться. Лера стала такой чувствительной, что и самой противно, но

держалась из последних сил, казалось, последний рывок и победа, но до этого ещё нужно было дожить. Вылилось всё в то, что раздражала даже собственная секретарша. Так Лера и не сдержалась, когда та очередной раз принесла документы на подпись и затравлено посмотрела в её сторону.

— Мария, закройте дверь и сядьте.

Специально выбрала строгий деловой тон, чтобы раз и навсегда поставить девушку на место, наверно и этого было бы вполне достаточно, но выдался очень уж тяжёлый день и... в общем, сорвалась.

— Маша, у вас ко мне какие-то претензии?

— Нет, Валерия Павловна. — Тихо ответила она и опустила взгляд в вол.

— Отлично. Но я ведь не слепая и всё замечаю. То, что говорят обо мне остальные я прекрасно знаю, и вполне понимаю их реакцию, но от вас, признаю, не ожидала.

— Извините.

— Не извиняю и хочу услышать, чем конкретно я так вас напрягла. Согласитесь, это моё право.

— Меня всё устраивает. — Упорно твердила секретарша и Лера смягчилась.

Вышла из-за стола и присела на стул рядом, скромно улыбнулась.

— И ты меня извини, сорвалась на тебе, знаю, не стоило. Но мне на самом деле не нравятся эти твои недомолвки. Ты обещала стать мне подругой, а теперь стоишь в стороне.

— Это не моё дело.

— Что именно?

— У меня достаточно простые взгляды на жизнь и я никогда не понимала женщин, которым всегда мало того, что они имеют. Я вас не осуждаю, честно, но... так нельзя.

— Ты меня пугаешь, ты о чём?

— Я о том, с какой лёгкостью вы готовы разрушить чужую жизнь, и при этом вам ведь никто не нужен.

— Ах-ха, — Лера даже рот открыла от такого признания, не ожидала, — так, ты о мужиках? Напугала меня своей прелюдией. Не бери в голову, таких, как они, жалеть нельзя, зазнаются.

— И всё равно это неправильно. Вы, с вашей внешностью, положением, умением себя подать... вы ведь любого выбрать можете, и он ваш будет. Вот, как наш Прохоров. А вы чужих мужчин отбиваете. Это неправильно. И жених у вас есть.

— Ты говоришь мужчин? Кого имеешь в виду, что-то я не пойму?

— Да всех, кто вас окружает. Вы ведь хотели начистоту? Так вот, и Арсен Багатын, вы же говорили, что он женат, а он... чуть ли не на руках вас вынес на дне рождения, помните? — Лера кивнула, но молча. — А как с Игорем Владимировичем обнимались, все ведь видели, а он женат.

— Женат, — не удержалась Лера и ухмыльнулась, — бедная девочка.

— Про Александра Дмитриевича я вообще молчу. Кристина, конечно, стерва порядочная, но разбивать семью только по своей прихоти — это низко.

— Прихоти? Значит, так все считают?

— Я не знаю, как считают все, я стараюсь это ни с кем не обсуждать, но это моё мнение. Вы просили честно, я сказала честно. Я понимаю, вы такая, какая есть, но кроме вас есть и другие люди, а как бы вы поступили на её месте? Это ведь очень больно, когда тебя любимый придаёт.

Маша так яростно отстаивала права оскорблённых и обманутых женщин, что Лера готова была премию ей выписать за самоотверженность, только не до смеха вдруг стало. Со стула она поднялась, медленно подошла к окну, что-то пыталась там отыскать, а потом вдруг, не оборачиваясь, заговорила.

— Я знаю, как бывает, когда тебя предают.

— Вы?

— А что тебя так удивляет? Или ты считаешь, что я ем сердца мужчин на завтрак, обед и ужин? В одном точно права: никто мне не нужен, все мусор под ногами. Но в тех троих, ты реально ошиблась.

— Если вас кто-то обидел, никто больше в этом не виноват.

— Арсен — он мой кум на самом деле. Я его детей крестила, помогла ему когда-то, оттого и отношение ко мне такое. Райковский — тот ещё гад, но на него реально не претендую — не в моём вкусе. А вот с Синицким всё не так просто. Ты говоришь, как бы я поступила? Так вот, я бы никогда своего мужчину не отдала. Никому. — Лера сжала пальцы в кулаки и тут же разжала их, спокойно улыбаясь. Повернулась и присела на подоконник, теперь глядя Маше прямо в глаза. — Поэтому ты и видела, то, что видела.

— Я вас не понимаю.

Маша уже пожалела, что вот так всё выложила, но отступать было некуда, да и Лера не отпускала.

— А что тут понимать? — Плечами пожала нервно, если бы курила, то точно бы за сигаретой потянулась. — Синицкий мой муж. А Кристина, которую ты сейчас так защищала — подстилка подзаборная, шлюха, которая спит с МОИМ мужем, живёт в моём доме, работает в моей компании, и при этом претендует ею завладеть; а так же крутит своим задом перед моим носом и ещё качает права. Как тебе? И как, по-твоему, я должна поступить?

— Подождите, Валерия Павловна, как это, муж? Но этого не может быть... я работаю уже шесть лет...

— А замужем я двенадцать лет. — Перебила Лера, теперь заметно нервничала, ноздри раздувались, глаза горели огнём. — И всё это время я терплю его шлюх, потому что он такой.

— Но он ведь женится, о свадьбе объявил... как это?

— А знаешь, для этого я и приехала, чтобы самой посмотреть, как. Забавно будет, не считаешь: как он женится на любовнице, в присутствии собственной жены?

Лера неприятно оскалилась, даже сама это чувствовала.

— Об одном жалею, не смогу увидеть, как Кристина узнает об этом в виде сплетни, завтра она улетает в Нью-Йорк, придётся самой её разочаровать.

— Но вас здесь никогда не было...

— Оттого и не было, что смотреть на всё это не могла, а вот на невесту его взглянуть захотелось. Смешно, правда?

— Ага, да так, что плакать хочется.

— Не бери в голову, — легко отмахнулась Лера, уже пришла в себя и на сантименты её не тянуло, красивым девушкам плакать не престало. Можешь идти, а я, пожалуй, домой поеду, неважно себя чувствую.

— Извините, Валерия Павловна... я не знала.

Когда в кабинете осталась одна, захотелось поджать губы, до того мерзкое положение.

Как-то когда никто из посторонних об этом не знал, было легче, а теперь, такое чувство, что она вся в грязи извалялась, а не Синицкий так себя повёл. Короче говоря, душу излила, а легче всё равно не стало. Пока до дома добралась, дозвонилась в любимый ресторан (сегодня пятница и сделать это было о-очень сложно, не смотря на раннее время), заказала рыбу. В принципе, рыбу Лера не очень любила, а сегодня вдруг захотелось. Вечер откровений, так сказать. Дома приняла душ, смыла всю косметику, гостей не ждала, да и вообще, если бы кто-то и осмелился прийти, дверь бы не открыла, настроения нет. Одеда уютный махровый халатик. Сама не помнила, откуда он в её гардеробе взялся, так как такие вещи можно носить, только живя в полном одиночестве, а такие дни в её жизни по пальцам пересчитать можно. Короче говоря, плюс к плохому настроению, это подкрепилось и внешним видом. Правда, потом, даже перед курьером за такой вид стыдно стало. И пусть халатик просто изумительный, но он делал из Леры домохозяйку... ну, или неудачницу в личной жизни, в любом случае, мнение молоденького паренька-курьера, которое было написано на его лице, пришлось проглотить молча.

Решила позволить себе немного вольностей, включила телевизор (так же уникальный случай, ведь на каждом занятии по маркетингу учили: телевизор — зло, он крадёт наше время, приносит в жизнь негатив, развращает психику), и не пошла на кухню. Вот так и развалилась прямо на диване с пакетами в руках. Очень быстро такая поза стала неудобной, и пришлось передвинуть поближе журнальный столик. Чудный такой столик и испортить его, если что, было бы очень жалко, но идти на кухню и ужинать за столом не хотелось совершенно. Распаковала рыбу, внешне она была очень даже ничего, симпатичная рыбёшка, настолько аппетитная, что даже до гарнира дело не дошло, прямо на неё Лера и набросилась. Ну, набросилась, это, конечно, громко сказано, вполне хватило и первого кусочка: рыба показалась сырой. Не то, что бы совсем сырой, но недопечённой точно, сразу пошла слюна, вот-вот и стошнит, это чувство ни с каким не перепутать, в общем, до туалета еле добралась. Вернулась чуть живая, рыба всё ещё раздражала сознание одним только видом, не казалась уже такой ароматной и аппетитной, её было решено отодвинуть в сторону. Гарнир, как ни странно, тоже не пошёл, рвоты не было, но тошнота появилась только от одного вида. Именно в этот момент Лера обрадовалась, что не отказала себе в слабости и всё же заказала излюбленный десерт «тирамису». Конечно, это тебе не Италия, но вполне достойное исполнение. И каково было её удивление, когда любимый десерт показался жирным, безвкусным и вообще... бе-е, какой десерт. Осознание произошедшего пришло быстро, вряд ли можно было теперь грешить на ресторан... она беременна.

Эти домыслы уже следующим утром подтвердились в туалете, а уже потом и на приёме у гинеколога. Нельзя сказать, что новость не обрадовала, в принципе, детей Лера любила всегда, но вот именно сейчас, это как-то не вписывается в её планы, не готова она сейчас, вот только деться некуда и не переиграешь уже. Вместе с новостью о беременности пришла паника, слабость духа и вообще, странная, не свойственная сентиментальность, обидчивость и слезливость. Как только дверь в квартире захлопнула, так и зарыдала, сама не знала отчего. Позже, когда успокоилась, попыталась вспомнить, что беспокоило в предыдущую беременность, но так ничего конкретного на ум и не пришло. И не понятно отчего: то ли реально ничего не беспокоило, то ли была в таком состоянии, что не до тошноты. Плакала точно, но для этого была вполне объективная причина, а теперь... нахлынуло.

Первым делом позвонила Боре, просто чтобы поделиться, посоветоваться, но не дозвонилась, только потом вспомнила, что его нет в стране, до Аньки дозвонилась, но не в

самый удобный для неё момент, ответил её горячий армянин и, судя по его голосу, Аня была о-о-очень занята. Последним в списке из тех, с кем можно поделиться, стоял Арсен, но ему не стала звонить по вполне понятной причине: дети для него святое, и он, узнав такую новость, быстро наставит её на путь истинный и, как директор школьника, за ухо из кабинета выведет. Не позволит больше баловаться и играть чужими судьбами, и не понятно к счастью или к сожалению, Лера дала ему такое право на участие в её личной жизни. В общем, посоветоваться не с кем, не секретарше же, в самом деле, звонить, поэтому приняла вполне адекватное решение — поговорить с непосредственным участником событий: с Синицким; к тому же, Кристина уже утром должна была улететь за океан для подготовки к показу.

Съесть за весь день так ничего и не удалось, впрочем, как и дозвониться до Синицкого. И не понятно уже, на самом деле он теперь так страшно занят или действительно избегает и попросил секретаря его по пустякам не отвлекать. Решила навестить любимого дома, а почему бы и нет? Только не учла, что на въезде в элитный посёлок охрана. О том, что охрана есть, она, конечно, знала и даже понимала, что вероятность встретить там работника десятилетней давности, да при этом такого, который бы её запомнил за те два месяца с небольшим, которые она там жила... короче нереально это. Но на входе оказался вполне милый паренёк, которому хватило штампа в паспорте о браке с почётным жителем посёлка, Синицким А. Д. Даже как-то приятно стало, да и сюрприз сделать получится. Ворота конечно, не объедешь, не перепрыгнешь, но звонок есть, и то хорошо. Ответила какая-то женщина, она же вышла, и дверь при этом широко распахнула, словно дорогих гостей ждала, ей и вовсе хватило пояснений, что Лера к Александру Дмитриевичу. Посетила шальная мысль, что её любимый муж в отсутствие невесты, девушку по вызову заказал, вот смешно-то будет.

Глава 19

В дом вошла, а тут уже и не до смеха. Синицкий в одиночестве явно не скучал, из гостиной доносились голоса, причём как женские, так и мужские, преимущественно весёлые и громкие, праздник у них тут, что ли... Вошла: так оно и есть — праздник. И при этом знакомые все лица: Синицкий, куда же без него, Райковский Игорь, видимо, со своей супругой, миленькая такая девушка, Марина Игоревна с мужем, Дмитрием Алексеевичем, а так же, кто бы мог подумать, судя по кругу людей вокруг — звезда вечера: Кристина. Быстро окинув взглядом всех присутствующих, Лера громко поздоровалась, чтобы все те, которые ещё не успели её заметить, наконец, повернулись.

— Добрый вечер.

На, вроде бы, дружелюбное приветствие, никто отвечать не спешил, наверно выражение лица у Леры при этом было далеко не дружеское. Стоять в проходе не стала несмотря на то, что входить не приглашали, и смело шагнула на ковёр.

— Знаете, вот смотрю на вас всех и так и вспоминаются строчки из сказки «Кошкин дом», помните, там кошка с котом к козе домой пришли, а она и отвечает: «добрый вечер, я вам рада, но чего от нас вам надо...» Так и вы сейчас смотрите на меня и мысленно задаёте этот же вопрос. Невежливо, господа.

Лера прошлась вдоль стола, улыбнулась, оценив сервиз и хрусталь, даже комнату окинуть взглядом не забыла, отметила купленные ещё ей самой шторы, и вовсе развеселилась. Пришла она сюда отнюдь не ругаться, но, видимо, по-другому не получится, так и чувствовала, как бесы в ней шевелиться начинают. Вновь вернула взгляд к

присутствующим, те, всё ещё прибывая в шоке от её поведения, молчали, глупо таращились в её сторону, открыв рты.

— Я так понимаю, здесь у вас семейное торжество, почему меня не пригласили?

Лера в упор глянула на хозяина дома, наконец, остановилась и присела на стул, отодвинув его от стола, и оказалась при этом практически в центре комнаты, по крайней мере, всех можно было лицезреть, без исключения. Её дерзкую улыбку Синицкий расценил правильно, поэтому напрягся и сцепил покрепче зубы, видимо волю в кулак в этот момент собирал. А на вопрос ответила как раз-таки Кристина, предварительно посмотрев на застывших «родственников». Что же, сама напросилась.

— Добрый вечер, Валерия Павловна, но как вы и сами заметили, торжество семейное и вас мы не приглашали.

— Да, семейное, говорите? А тогда вы, Кристина Николаевна, извините, каким боком здесь очутились? К тому же, насколько я помню, в этот момент вы должны распаковывать чемоданы где-то далеко-далеко отсюда. — Бросила на Кристину прямой взгляд, от которого девушка явно почувствовала себя неуютно и заёрзала, при этом, не забыв покрепче обхватить руку любимого.

— В Нью-Йорк я поеду следующим рейсом завтра утром.

— Так, так, а по поводу семейного собрания, почему умолчали?

— Лера... — Проскрипел Синицкий, так и не разжав зубы, но ему одного взгляда хватило, чтобы не продолжать, Кристина же, гордо подняла голову, наивная.

— Я будущая жена, если вам это не известно.

— Ну, это ты, милая, допустим, поторопилась.

Вот тут Лера не сдержала дерзкой, наглой, самодовольной ухмылки, которая покорила Кристину, заставив усомниться в своих словах, вот только она и сама не понимала, почему в них усомнилась.

— Кто-нибудь ещё желает выступить перед моим монологом?

Откровенная насмешка, на которую правда, никто не отреагировал, только Марина Игоревна опустила взгляд, сожалея о происходящем.

— Валерия Павловна, я попросила бы вас уйти и не портить нам вечер. — Снова подала голос Кристина.

— Действительно, Лера, — вступил Райковский, — давай завтра все встретимся в офисе и обсудим... сложившуюся ситуацию.

Он даже предпринял попытку подойти и помочь Лере встать, уже держал её за локоть, когда она сбросила его руку, как назойливую муху.

— Я знаю, ты галантный кавалер, но сегодня я как-нибудь сама. Так, что там с поводом, я так и не поняла? Кристина, раз уж никто кроме тебя не смеет подать голос.

Лера даже рукой помахала, предлагая продолжить, при этом, не забывая издевательски улыбаться.

— Лера, прекрати этот цирк! — Наконец, опомнилась Марина Игоревна.

— Ну, что вы, как я могу. Я, впрочем, как и вы, здесь всего лишь клоун. Конференсье у нас Александр Дмитриевич, он всё начал, ему и прекращать.

— Саша, скажи ей, чтобы она ушла!

— Не старайся, милая, не скажет. Так, что ты там хотела мне поведать?

— Я хотела рассказать, что выхожу замуж за своего любимого человека, за отца своего будущего ребёнка, а теперь уходите! — Кристина при этом соизволила встать и даже указала

пальчиком на дверь, совсем как в старинных сериалах, самых первых, где актёры явно переигрывали, чем вызвала у Леры только смех.

— Ах, вот по какому поводу гуляем, что же, интересно. Действительно, Саша, тебе самому не смешно? Почему, в присутствии жены, твоя... м-м... любовница, — Лера намерено сделала паузу, показывая, что подбирает более культурное выражение, — распоряжается в доме?

— Вы в своём уме?

— Я в своём. В своём уме, в своём доме, среди СВОЕЙ семьи. А ты, — вместе оскорбительного слова, Лера просто выдохнула, даже неловко обижать беременную женщину, — а ты рядом с моим мужем. Вопросы есть?

— Саша, что она говорит?.. — Бедная Кристина даже схватилась за живот, так сильно разнервничалась, вот только Лере её жалко не было, саму бы кто пожалел.

— А я говорю, что ты в моём доме, спишь с моим мужем, на моей постели. И я даже подозреваю, что на моём постельном белье. Синенькое такое, с золотыми лилиями, Саша его очень любит. Китайский шёлк, между прочим, — Лера уже видела, как Кристина меняется в лице, явно понимая, о чём идёт речь, поэтому продолжала с большим азартом, — жутко дорогая вещица, но мы могли себе это позволить. Красивый комплект, не так ли?

— Я не знаю, что вы там себе напридумывали, и что вы сейчас говорите, но я его будущая жена и я мать его будущего наследника.

— В очередь.

Лера взглянула настолько безжалостно в этот момент, что хоть падай, но Кристина оказалась на удивление стойкой, сразу видно: руками и ногами держится за место под солнцем.

— Что?

— В очередь, говорю. — Отмахнулась Лера и сделала вид, что потеряла интерес к разговору, снова начала осматривать комнату, но почувствовав на себе вопросительный взгляд, довольно улыбнулась.

— В какую ещё очередь?

— Кристя, успокойся. — Придержал её за руку Синицкий, но с Лерой девушке говорить было куда интереснее.

— Нет, конечно, не в очередь из желающих родить наследника. — Лера сверкнула глазами, хотя после этих слов хотелось расплакаться — вместо своего сообщения о беременности, устроила целый концерт, в котором только она и будет проигравшей, уже сейчас это понятно. — В очередь из внебрачных детей.

В комнате наметился определённый гул, только лишь Кристина стояла и пыталась проглотить ком в горле, и это ей удавалось с трудом.

— Каких ещё... детей?

Лера наиграно прикрыла рот рукой, глядя на Синицкого, к нему же и обратилась.

— Дорогой, извини, ты ей не сказал? О, как ты мог?

— Закрой рот! — Вскочил он, но Лера этому только рассмеялась, глаза у него были бешеные, что удержало — непонятно.

— Ну, если ты не в курсе, дорогая, я тебя просвещу. У твоего воображаемого жениха... — Надула губы, сделала вид, что задумалась. — Нет, не так, у твоего несостоявшегося жениха, уже есть двое сыновей. Взрослые ребята, по восемнадцать лет. Все в отца... сердцееды.

— Это неправда.

— Ну, а мне-то зачем лгать, мы ведь с тобой обе обманутые жертвы. Двое сыновей, близнецы Вадим и Владимир, меня, кстати, мамой называют, Синицкого... да никак они его не называют, потому что он с ними не общается практически. К сожалению, мальчишки рано остались без матери, а отцу как видишь, не нужны. Я когда-то давно настояла на том, чтобы забрать их от бабушки, вот они с нами год вместе и прожили, правда, когда я уехала, Синицкий их как котят вышвырнул, отправил обратно, хорошо, что хоть бабушка есть. Я вот до сих пор с ними общаюсь, на каникулах они живут у меня, а отец, слава богу, хоть обучение оплатил. Но я говорю это вовсе не для того, чтобы посплетничать, не подумай, просто предупреждаю, как он относится к детям, особенно к незаконнорождённым. Так сказать, обрисовываю ситуацию, так что ты губу-то особо не раскатывай. Кстати, Саша, твоего младшенького я смотреть не стану, тут уж уволь.

— Вы сумасшедшая? Что вы от нас хотите?

— От вас конкретно, Кристина, я ничего не хочу. Говорю же, к мужу приехала.

Синицкий спал с лица, напряжённо молчал, понимал просто, что Лера так не уйдёт, не сегодня, так в другой раз всё выложит, конечно, должен был остановить, признаться во всём сам, но, как Лера и говорила, соображает он иногда очень туго, и сегодня как раз такой момент.

— К какому мужу?!

— К любимому и единственному. Что тебе ещё сказать? Что праздничный обед вы едите из моего сервиза? Родители мои нам на свадьбу подарили... слушай, глупость на самом деле несусветная, вроде приличные люди, а на свадьбу сервиз, — отмахнулась, — но это я так, к слову. А что, шторы, мною купленные, вы так и не удосужились сменить?

— Я прошу вас, уйдите.

— Тебе надо ты и уходи, а я в своём доме. Вот, знаешь, смотрю я сейчас на тебя и думаю: и чего мне тебя так мучить? Он ведь всё равно тебя не любит.

— С чего вы это взяли?

— Ну, как же, он мог тебя сейчас защитить, как-то оградить, а вместо этого стоит, молчит. Ну, какой из него отец и муж? Никакой ведь. Вот меня он любил, правда. — Лера с нескрываемой гордостью произнесла эти слова. — Вовремя на путь истинный наставил, заставил аборт сделать, правильно Саш, так и надо было. Я только сейчас поняла: не хотел просто, чтобы я с тобой мучилась, так? А тебя вот не жалеет, значит, не любит. Что же, тебе решать, но скажу точно: развод я ему не дам. Просто из вредности.

После слов об аборте рот открыли даже Райковский со своей женой. Марина Игоревна лишь страшным глазами на сына взглянула, не веря, но он продолжал держать глухую оборону, Кристина так и вовсе прослезилась и только изредка всхлипывала, повисла неприятная тишина.

— Всё сказала?

Синицкий встал, но добавить действительно Лере было нечего, унижаться перед всеми она точно не собиралась, могла бы, конечно, сказать, что спала с «женихом», что беременна от него, это точно был бы удар ниже пояса, Синицкий наверно чего-то подобного и ожидал, но стало так мерзко находиться среди всех этих лживых лицемеров. Они ведь только делали вид, что поражены, на самом деле им всё равно, только бы честь и достоинство не потерять в глазах общества, хотя откуда этому достоинству взяться? Посидела ещё немножко, посмотрела, улыбнулась и тихо встала.

— Нет, не всё, но, думаю, на сегодня хватит.

И вот, вроде она уже уходит, даже сделала несколько шагов, как в сердце больно кольнуло, в глазах мелькнуло что-то... и сама не могла себе объяснить, что именно она увидела, что её так задело, только обернувшись, поняла, что не ошиблась. Это её кольцо, то самое, которое она выбирала для помолвки, теперь оно на пальце у этой девки. Тут нервы сдали, ни о какой выдержке не могло быть и речи, в голове вмиг помутнело, а, может, и прояснилось, но настолько резко, словно удар, откуда не ждала. Синицкий за её взглядом проследил и уже в следующее мгновение, когда она посмотрела в его глаза, Кристину собой заслонил, но было поздно. Лера бросилась в их сторону, и только сильные мужские руки смогли её удержать.

— Дрянь... шлюха, сними...

Вряд ли по редким гневным словам можно было что-то понять, Кристина только испугалась и в диванные подушки вжималась.

— Ты, сволочь... ты права не имел, это моё кольцо!

Лера отчаянно боролась, удары её рук приходились по его лицу, шее, груди, но вырваться было нереально. Редкий камень в эксклюзивной оправе перепутать с чем-то другим было просто невозможно, уникальный размер, уникальный цвет, уникальная форма. Леру просто колотило от возмущения и обиды, но она сама отступилась от Синицкого, с силой толкнув того в грудь.

— Снимай кольцо! — Прокричала она изо всех сил, так, что бедная девушка и плакать перестала, сразу поняла, о чём говорят и кольцо сняла, на дрожащей руке протянула украшение, а Лера с силой по этой руке ударила и кольцо отлетело в сторону, она склонилось над Кристиной и зло сверкнула глазами.

— Я секунд не ношу... тем более после шлюх своего мужа. До встречи в суде, любимый!

Развернувшись, чтобы уйти и под ноги попало всё то же злосчастное кольцо, его она отшвырнула в сторону с невероятной злостью.

— А знаете, вам всем самое место в этом гадюшнике. — Бросила напоследок и громко хлопнула дверью.

Выходя она слышала, как начинает завывать Кристина, как поднялся галдёж, а самое смешное во всём этом то, что никто в этой ситуации не пожалеет саму Леру, да и не нуждается она в этой жалости, только обидно, что столько лет на этого гада потратила.

Как добралась до квартиры, не помнила, вроде только из дома Синицкого вышла, как уже у себя на диване сидит, при этом телевизор идёт, но по каналу ничего не показывают, только шум непонятный. В то же мгновение ощутила жуткую слабость и усталость, прямо на диване и уснула. Просто очень обидно.

В доме Синицкого же, до сна было далеко. Около полуночи уехала скорая, которая оказывала помощь большинству из присутствующих, Кристине и Марине Игоревне сделали укол успокоительного, Синицкому-старшему и вовсе рекомендовали пройти обследование.

— Она спит?

Райковский сидел в кабинете, жену отправил домой, а самому не терпелось узнать подробности.

— Только уснула.

Синицкий закрыл дверь кабинета и тяжело выдохнул, казалось, первый раз за весь вечер. В баре налил себе коньяк, но лучше бы водки, так как сейчас не до удовольствия,

напиться бы и забыть всё как страшный сон.

— Про аборт это что, правда?

— Правда.

— Саш, ты серьёзно заставил её это сделать?

— Серьёзно.

— Но...

Сказать было нечего, поэтому Игорь только налил себе и так же залпом опустошил бокал.

— Я и не думал, что у вас было всё так серьёзно. Не хочешь рассказать?

— Не хочу.

Синицкий рухнул на диван, под ним раздался приятный скрип кожи, глаза просто на автомате стали закрываться.

— Поэтому она тогда уехала?

— Я бы сказал, сбежала. Я чувствовал, что что-то не так, но у нас тогда сделка важна была, пришлось ехать. Вернулся, всё на месте: вещи, украшения, даже духи её, а Лерки нет. Просто нет и всё. Знаю, что виноват, поэтому и чувствую себя так отвратительно, поэтому и встречи с ней не искал.

— А зачем же она вернулась?

— Не знаю, может, чтобы отомстить. — Он пожал плечами и крепко зажмурил глаза, до боли, до разноцветных кругов, сцепил зубы, переживая внутреннюю боль. — Я мог бы пойти ей на уступки, всё отдать, и отдал бы. Просто не могу отпустить её. Знаю, что права не имею держать, но отпустить не могу. Что угодно ожидал увидеть, когда она вернулась, что угодно, только не ту равнодушную улыбку, которой она меня встретила. Пусть бы ненавидела, только не эта улыбка, смотрела на меня как на пустое место, словно не было ничего этого.

— Поэтому ты с Кристиной не живёшь?

— Мне показалось, что всё ещё можно вернуть, речь готовил, волновался. Пришёл к ней, а она, представляешь, с Борисом своим... ну, с этим, с которым раньше встречалась. Так вот он мне дверь тогда открыл, в одних штанах стоит. Не знаю...

— И что теперь делать будешь?

— Я должен дать ей развод. Любым способом. Убедить, обидеть... не знаю, что угодно. Только бы не держать её больше. Я знаю, как ей сейчас плохо, но с этим нужно покончить. Без меня ей будет лучше. Завтра же поговорю об этом.

Райковский ничего не ответил, впервые он видел своего друга в таком состоянии отчаяния. Он ведь даже и не подозревал, что Синицкий так переживает все эти годы. Сразу да, понятно, и пил, и куролесил, но потом ведь успокоился, по крайней мере, старательно всех в этом убеждал, а на самом деле просто замкнулся в себе.

Утро Леру встретило болью во всём теле, после сна на неудобном диване, и тошнотой, куда же без неё. Было такое чувство, что она уже и не знает, как это, когда не тошнит. Из туалета еле выползла, правда, аппетит прорезался. Так вдруг, что даже смешно от такой резкой смены настроений. Проходя мимо зеркала, глянула, но ничего хорошего для себя не отметила, беременность враз сыграла слишком уж злую шутку: вчера ещё вроде красивая и интересная девушка, а уже сегодня опухшая и уставшая женщина средних лет. Успела выпить стакан сока и съесть бутерброд с сыром, так как больше в холодильнике ничего не нашлось, но очень хотелось, даже мелькнула мысль с утра пораньше отправиться в магазин и закупить

себе всякой вкусной и при этом жутко вредной еды. Так же захотелось чипсы. Только о чипсах вспомнила, как раздался звонок в дверь, Лера на часы на всякий случай глянула и ещё раз убедилась: ничего не перепутала, половина восьмого, за окном ещё темно, а не прошенные гости, уже на пороге. Решила открыть, хотя бы для того, чтобы узнать, кому в такую рань понадобилась. За дверью увидела Синицкого и почему-то удивилась. А ведь, правда, кто ещё мог так бесцеремонно явиться, да ещё и после вчерашнего выступления? Он стоял хмурый, глаза не то, чтобы злые, но явно недовольные, и опять забыл снять очки. И его нервозность, напряжённость бросалась в глаза, но это не помешало ему довольно-таки вежливо поздороваться и даже улыбнуться.

— Впустишь? Разговор есть.

Лера неоднозначно пожала плечами, но от двери отступилась. Резко почувствовала себя плохо, тошнота вернулась, но что-то в глубине подсказывало, что беременность тут ни при чём.

— Ты пила, что ли? Выглядишь хреново. — Он, не разуваясь, прошёл на ковёр, и на пристальный взгляд Леры, никак не отреагировал.

— Об этом ты хотел поговорить?

— Не совсем.

Держался молодцом, было видно, что есть такое желание, высказать всё, что думает, но какое-то уважение к жене, видимо, всё ещё осталось, и он подбирал выражения. Лера тоже ссориться, капризничать не собиралась, она бы и вчера ничего подобного не выкинула, если бы не их «новости», а уж сегодня, так и подавно. Вдруг по телу пробежал озноб, и она ссутулилась, накинула на плечи махровый халат, который до этого валялся на диване, вспомнила о нём, только когда Синицкий плюхнулся совсем рядом.

— Лера, вчера с кольцом... неудобно получилось, я правда, не собирался его Кристине дарить... она его случайно в сейфе обнаружила, что я мог ей сказать?

— Может, что это кольцо твоей жены?! — Лера одну бровь приподняла, не принимая его оправдания, но тут же отступила. — На самом деле, мне это уже не интересно. Что ещё?

— Лера, я хотел попросить тебя не приближаться к Кристине.

Синицкий поджал губы, но лучше бы он прикусил себе язык! Можно подумать, Лера теперь будет преследовать эту особу, только для того, чтобы насолить, оставалось только ухмыльнуться в ответ, что она и сделала.

— Я действительно тебя прошу. — Настаивал он и его тон был уже более требовательный. — Ей вчера было плохо и... врача вызывали, в общем, ты понимаешь.

— Что я должна понимать? И вообще, как ты себе это представляешь, мы работаем в одной компании?

— После показа она уйдёт.

Лера нервно кивнула и вытянула вперёд губы, неприятно улыбнулась.

— Лера, пойми, она беременна, не нужно её лишний раз волновать.

На это оставалось только горько усмехнуться, но не заплакала, каким-то чудом сдержалась, вдруг вспомнилось, какую моральную атаку Синицкий ей беременной устраивал каждый день, а тут такая забота, просто противно слушать.

— Саш, не зли меня, давай, уходи, я тебя услышала, всё поняла, встречи искать не буду.

Она уже толкала его в спину, но Синицкий с места не двигался, а потом и вовсе, Леру за руку схватил и усадил рядом с собой.

— Ты вчера и так сказала всё, что могла. И, как ты сама понимаешь, от этого ничего не

изменилось, тебе придётся смириться.

— С чем?

— С тем, что мы разведёмся.

— И как, интересно, ты себе это представляешь? Думаю, адвокат тебе объяснил, что суд не будет заниматься принудительным разделом имущества, хотя бы потому, что оценивать его очень сложно. И, конечно же, предложит нам договориться мирным путём. А мирным путём у нас не получится, это я тебе обещаю.

— Лера, ты ничего не изменишь!

— И ты. — Легко отозвалась она, после чего Синицкий всё же вскипел.

— Чего ты хочешь?! — Вскочил он и навис над ней. — Денег тебе не надо, что тогда? Довести меня? Или ты хочешь, чтобы я поверил в твои светлые чувства? Так извини, не получается. Мы десять лет жили в разных странах, и при этом хорошо жили, Лера! что теперь, невоготу стало?

— За себя говори.

— Знаешь, ты особо измученной страданиями не выглядишь. Холёная, довольная жизнью, с целым багажом любовных отношений. Давай, продолжай в том же духе!

— А ты?

— А я буду спокойно жить вместе со своей семьёй.

— Она тебе не нужна.

— Она будет хорошей женой, потому что она знает какой я и на что я способен.

— Забыл добавить, что она будет слушать тебя, раскрыв рот, и смотреть тупыми глазами, только бы ты остался доволен.

— Хотя бы!

— По этому поводу Арсен говорит так: у мужа барана и жена овца, а у льва гордая львица.

— Что же он такой умный, на тебе, львице, не женился?

— А ты за него не беспокойся, у него жена любого за пояс заткнёт.

Синицкий ещё не кричал, по крайней мере, не всегда, но говорил достаточно твёрдо и громко, Лера ему уступать не собиралась и несмотря на то, что чувствовала себя всё хуже, тоже встала, чтобы быть на равных и ничуть не уступала в интонации.

— Ладно, Саша, успокойся, — опомнилась она и решила всё же поговорить мирно, — мне действительно нужно с тобой поговорить.

— А я не хочу тебя слушать! У меня есть жена, и она родит мне ребёнка, тебя в моей жизни больше не будет! Ты приехала, чтобы убедиться, что я тебя хочу? Я тебя хочу! Только жить я с тобой не могу... и не буду.

— Я тоже могу родить тебе ребёнка. — Проговорила почти шёпотом, едва шевеля губами. Эти слова дались нелегко, вызвали у неё самой целую кучу эмоций, так, что пульс зашкаливал.

Наверно, если бы Лера сейчас заплакала, то смысл слов до Синицкого бы дошёл, но она не плакала и вообще, заявила это таким тоном, словно его же в чём-то пытается упрекнуть. Он резко развернулся, не желая больше выслушивать этот бред, был готов расстаться с ней раз и навсегда прямо сейчас, но она оказалась не готова. Сама не поняла зачем попыталась его остановить, ведь разъярённому Синицкому всё равно ничего не доказать, но разум в этот момент не отзывался, работал только импульс, порыв. И под его действием, Лера схватила мужа за руку, пытаясь развернуть к себе лицом. Неудачно. Синицкий, в попытке отмахнуться

или просто вывернуться из её хватки, резко двинул рукой, но она держалась слишком крепко и вместо того, чтобы просто его отпустить, дёрнулась следом за рукой, которая уже была зажата в кулак. Движение было настолько резким, что по инерции, она качнулась, а вот кулак при этом остался в том же положении. Жгучая боль в нижней губе, которая перешла на щёку и подбородок, заставила резко опуститься на колени, рукой она зажала место боли. Во рту появился солоноватый привкус крови, присела на пол, крепче прижимая руки к своему лицу и уже давясь слезами. Она и так была на грани, а теперь и вовсе не стерпела, всё-таки женщины, может эмоционально они и сильнее, но боли не переносят.

— Мне не нужны от тебя дети Лера, понимаешь?! И ты мне не нужна!

Всё это Синицкий прокричал в порыве злости, ещё не понял, что произошло и почему она плачет, понял, только когда Лера взвыла, распластавшись на полу.

— Лера...

Его голос дрогнул, он тут же попытался её поднять, но она оттолкнула его руки, прижимаясь лицом к полу. Он ещё раз попытался усалить её, повернул к себе, но получил пощёчину и со злостью бросил на место.

— Хочешь уходить — уходи! — Прокричала она, между вызываниями.

И он ушёл. Вот так просто, перешагнув через неё вместе со всеми её чувствами и страданиями, хлопнул дверью. Когда Лера успокоилась, а успокоилась она достаточно быстро, чётко приняла решение, так же как и он, вычеркнуть весь этот ужас из своей жизни. Смахнула слёзы, умылась, причесалась. Глянула на себя в зеркало и обомлела: лицо распухло, губа треснута, ссадина на скуле. Даже не поняла, как от одного случайного удара, нет, это даже не удар был, его кулак только скользнул по лицу, а уже такая красота! Ни о какой поездке на показ не было и речи, да и неважно теперь было всё это. Показ, бизнес — всё в прошлом. Она ещё на эмоциях, может соображать, действовать, но с каждой минутой душевные силы покидают.

Глава 20

Пока продумывала дальнейшие действия, созвонилась с нотариусом и адвокатом, в дверь снова позвонили, причём настойчиво, открыла с недовольством, а когда увидела за дверью Аню, так и вовсе пожалела.

— Лера...

Удивлению её не было предела, но половину эмоций она попросту опустила, чтобы не волновать подругу ещё больше. Расспрос начался прямо с порога.

— Лерочка, что случилось? Это этот гад тебя избил?

— Если ты о Синицком, то да. Любимый приласкал. Но он меня не бил, всё это вышло случайно. А ещё я от него беременна.

— Так, он тебя из-за беременности так?

После была черед нецензурных высказываний в его сторону, причитания по поводу «Я же тебя предупреждала!», и ещё много-много возмущений.

— И как же ты теперь поедешь?

— Не поеду. Сама видишь, такую красоту даже гримом не прикрыть.

— Правильно, пусть крутятся сами. А хочешь, и я тоже не поеду!

— Перестань. У тебя контракт — это, во-первых, а во-вторых, надо Свету поддержать, ты же знаешь этот террариум, её там съедят.

— С её то талантом? Ха! Подавятся.

— Всё равно поддержать нужно, к тому же, я ей уже сообщила.

— Ну... со мной понятно, ты что делать будешь?

— Я? Уеду, выйду замуж, займусь работой и... и ещё что-нибудь.

— А с ребёнком?

Аня посмотрела слишком пристально, наверно давая Лере возможность сделать правильные выводы, но чуда не случилось, Лера усмехнулась и пожала плечами.

— Тебе правду сказать или дать повод потом удивиться?

— Не смей, слышишь, это ведь и твой ребёнок, забыла, как ты тогда убивалась?

— Забыла.

— Лера...

— Всё, не хочу тебя слушать. Иди, а то в аэропорт опоздаешь.

— А ты здесь как?

— Я справлюсь.

Уходить Аня не хотела, да и боевой настрой подруги её прилично взволновал, но Лера буквально силой её вытолкала.

После визита нотариуса, снова не прошенные гости, на этот раз Арсен с женой и дочкой.

— Скажите, у меня над входом надпись день открытых дверей?

Сходу набросилась Лера, даже войти не предложила, развернулась и в комнату направилась.

— И это вместо здравствуй! — Попытался пошутить. — Нет, мне Анна позвонила. — Сурово ответил Арсен, тут же повернул Леру к себе и внимательно посмотрел её на лицо, а после буквально задохнулся своей злостью. — Скажи мне кто он и я отрежу ему эту руку.

В его голосе было столько боли, обиды и явной угрозы, что Лера всерьёз испугалась, конечно, не за Синицкого.

— Перестань, не стоит мारаться.

— Не ругайтесь, Арсен, — Мария улыбнулась, и он тут же отвлёкся, растаял, взял дочку на руки и подозвал Леру к себе ближе.

— Наира, — гордо проговорил он и показал крошечную девочку, завернутую в шёлковое одеяльце, — поддержи.

Он просил, даже руки протянул к Лере, и она их с женой хитрость уловила тут же, видно Аня успела рассказать не только о побоях.

— Красивая, но не возьму. Я её только напугаю своим состоянием, вы же знаете, какие дети чувствительные.

— Возьми её на руки, ты сразу поймёшь, что в жизни главное, Валерия. Всё остальное — пустота.

Маша говорила искренне, но не убедила, Лера не собиралась привыкать к ребёнку, она хотела покончить со всей этой историей раз и навсегда, чтобы больше никогда не вспоминать, и не важно, каким путём эгого добьётся. Дура, конечно, и сама это понимала, но ничего с собой поделать не могла. Не работал разум в этот момент, злость и обида заполнили всё её пространство.

— Всё это глупости. Хочешь, я усыновлю твоего ребёнка? Нет, не так, я буду ему отцом, только не совершай этих ошибок, ты же умная, ты сильная, справишься, вот увидишь.

Маша согласно кивнула, когда Арсен на неё обернулся, но всё это Лера пропускала мимо ушей. Гости уходить не собирались, намерено затягивали этот момент, чтобы у Леры не было возможности остаться одной и запутать себя ещё больше.

— Так, ты поедешь с нами! — Решительно заявил Арсен, в конце концов, и чуть ли не кулаком по столу стукнул.

— Не стоит. Я всё поняла. И ехать мне к вам ни к чему, через несколько дней я возвращаюсь в Италию, к Марио. Только дела кое-какие завершу.

— Какие ещё дела? — Рассвирепел Арсен.

— Акции... — Лера задумалась, — продать нужно, да и с разводом что-то решать.

— Одно место ему оторвать и решать больше нечего будет!

— Арсен. — Успокаивала его жена, кивая на спящую дочь.

— Не хочу его больше видеть. Три дня и я всё решу, честно.

— А с беременностью что?

— Я подумаю, обещаю.

Поздно вечером, оставшись наедине с собой, она действительно подумала, только выводы вовсе не утешили. Ей сейчас было больно, даже больнее, чем в прошлый раз. Тогда Синицкий предал её, обидел, унизил, но он её не бросил. Он был с ней. Раньше казалось, что лучше бы он сам ушёл, но сейчас, когда это случилось... Он оттолкнул её, переступил, чтобы вернуться к другой женщине, которую он может и не любит, но он её уважает, он её ценит. А кто такая Лера? Его жена, которая всегда, пусть и негласно, но была рядом, всегда её можно было контролировать, не отпускать, а сейчас вдруг она стала не нужна. Именно это ранило так больно, убило, вырвало сердце. И теперь больше незачем бороться, он ничего не оставил после себя.

Следующим утром встретила с Прохоровым, тот, конечно, синяк и разбитую губу заметил, но предпочёл не комментировать. А узнав, по какому поводу встреча и вовсе

округлил глаза?

— Что у тебя случилось?

— Ничего. Просто я уезжаю и не хочу, чтобы меня здесь что-то держало.

— Я не понимаю, ты ведь этого хотела, я видел, ты жила этим проектом.

— Я уже всё сказала.

Лера предложила ему выкупить свои акции, тем самым одновременно делала его держателем контрольного пакета, конечно, Прохоров это понимал, но не спешил принимать такое предложение.

— Лера, после сегодняшнего показа мы будем на взлёте, и пусть ты хочешь всё продать, но... Уже завтра речь будет идти совсем о другой сумме. Я не понимаю.

— У меня просто нет времени ждать завтра.

Прохоров поджал губы, размышляя, а потом снова отрицательно покачал головой.

— Даже если я и соглашусь... у меня всё равно нет такой суммы, Лер. Подумай ещё раз.

— Я уже всё решила. К тому же, акт купли-продажи осталось только тебе подписать. А насчёт денег ты не волнуйся, я не нуждаюсь, можешь и не отдавать ничего.

— Как это?

— А вот так. Захочешь — отдашь. Свяжешься с Розанной Соловьёвой, она всегда знает, где меня найти. Мне не нужны деньги, мне нужно, чтобы компания работала, процветала. А ты как никто знаешь, как это осуществить.

— Лера, тебя кто-то обидел?

— Я похожа на обиженную? — Усмехнулась она, а в глазах заблестели слёзы.

— Я ещё тогда заметил, просто не спрашивал ничего. Ни один мужик не стоит твоих слёз. — Он взял Леру за руку, говорил тихо и уверенно, а она только сейчас разглядела в нём мужчину, вот честно, только после этих слов.

— Это ты меня довёл, я не собиралась плакать. — Усмехнулась Лера, стараясь подавить в себе обиду. — Ты извини, но мне пора.

— Конечно...

Он ещё долго смотрел вслед, Лера это точно знала, это был один из не оценённых ею мужчин, который хотел и наверно даже мог сделать её счастливой, если бы не один... человек... который раз и навсегда вычеркнул счастье из её жизни.

Потом она сидела, зажав руки в кулаки, переживала за показ, знала, что он проходит именно в эту секунду, даже Свете позвонила, чтобы хотя бы морально её поддержать, бедная девушка уже практически не дышала, но, услышав голос наставницы, взяла себя в руки и улыбнулась. Потом в трубке был непонятный шум, и Лера отключилась, не догадываясь о происходящем.

Показ на самом деле уже прошёл, и вся эта тряска была после. До этого, даже трястись не получалось. Синицкий в этот момент рвал и метал.

Ещё перед показом понял, что что-то идёт не так, нигде не видно Леры, которая всё и затеяла, конечно, и Кристина знала что делать, но отсутствие руководителя компании всех напрягало, в том числе и организаторов, и прессу. Перед выходом на сцену, ему удалось выловить Аню.

— Подружка твоя где? Соизволит посетить сие шоу?

Он больно держал за локоть, не давал уйти, а Аня просто вся из себя выходила, так и хотелось ему в рожу плюнуть в тот момент: сначала избил беременную жену, а потом ещё и спрашивать смеет, приедет она или нет... конечно, нет! Но даже это говорить ему она не

хотела, просто было противно находиться с этим человеком на одном континенте.

— Урод. — Сквозь зубы процедила она и руку свою с силой дёрнула, да так, что чуть в сторону не улетела, когда Синицкий её всё-таки отпустил.

Не слушала, что он ей ответит, всё внутри кипело от такой его наглости, ещё и девку свою притащил. Потом был звонок Свете, и Синицкий об этом узнал, бедную девушку напугал, пока трубку из её рук вырывал, но тоже не успел. Сам по всем номерам звонил, но Лера была недоступна, даже домашняя линия отключена. Он был просто в бешенстве, особенно, когда пресса пригласила на интервью, самому взвыть хотелось, но Кристина спасла, милостиво согласившись пожинать лавры. Когда всё было завершено, вновь удалось поймать Аню, но теперь рядом практически никого не было и можно было поговорить спокойнее.

— Где Лера?

— Отпусти!

— Ты вопрос мой слышала?

— А кто ты такой, чтобы я с тобой разговаривала? Контракт свой я только что отработала, от меня нужен был только один показ, так что иди к чёрту!

— Рот прикрой! — Синицкий прижался вплотную, смотрел прямо в глаза, даже дышать свободно не получалось. — Где Лера, почему её не было?

Синицкий, красный как свёкла, устрашающе пыхтел, но напал явно не на ту, и поддаваться его уловкам Аня не собиралась, но он её задел, своим тоном, своим возмущением.

— Да потому что ты сволочь последняя! — Выдохнула ему прямо в лицо. — Ты урод, который сломал моей подруге жизнь, а она дура, ещё и страдала. Да ты хоть знаешь, во что ты её превратил? — Аня и сама чуть не плакала, пытаясь доказать Синицкому, что он не прав. — Как она жила, о чём думала? Да её чуть в психушку тогда не упекли, пока ты здесь своих баб таскал. Ходила ни живая, ни мёртвая, тень, а не человек. Ты знаешь, какие люди были у её ног? Какие мужчины, настоящие, которым ты и в подмётки не годишься! А она всё ждала, надеялась, что ты опомнишься, что приедешь. А тебе всегда было наплевать!

Аня знала, что всего этого говорить не стоит, знала, что Лера не хотела, чтобы он это узнал, но не смогла удержаться, была уверена, что он пожалеет о своих поступках, а сам Синицкий молча глотал все её слова.

— И я рада, что в её жизни кроме тебя были настоящие мужики! Которые знали, чего она достойна и давали ей это в полной мере! Которые воспитывали вместе с ней твоих сыновей, принимая их как родных, потому что они знают цену настоящему! А ещё, хочу сказать, — Аня прогнала ком из горла и пакостно улыбнулась, приблизившись к Синицкому на не безопасное расстояние, — я очень рада за Леру, что она, наконец, опомнилась, и что всё это закончилось, потому что ты её не стоишь!

— Что ты имеешь в виду?

— Ах, — Аня зло рассмеялась, — так ты ещё не знаешь... ну, ничего, тебе очень скоро сообщат!

Она уехала на такси, не желая больше общаться ни с прессой, ни с представителями «Вэл тиль», одна только Кристина чего стоила, бежала вслед, предлагая продлить контракт, а на самом деле этим только из себя выводила. Лере звонить не стала, чтобы лишний раз не волновать, уже через два дня и сама вернётся, чтобы поговорить лично. А Синицкому как раз в это время дозвонился адвокат, который и сообщил приятную, казалось бы, новость.

— И с чем это вы меня поздравляете? — Недоумевал он.

— Ну, как же, теперь вы свободный человек.

— В каком смысле?

— Ваша жена подписала все необходимые документы на развод.

Синицкий от неожиданности чуть трубку не выронил, замер, не в силах что-либо ответить. На самом деле, он и не думал, что Лера когда-нибудь на это согласится, скорее, был уверен в обратном. Теперь и сам не мог определить, рад он или нет, тоже какую-то пустоту почувствовал. Несмотря на все свои слова, на свои действия, Леру он любил. Любил как умел, только не получалось этого показать, а теперь её нет. На самом деле, он не хотел с ней разводиться, и сам не знал, чего хочет, когда отправлял к ней своих адвокатов, чувствовал, что не может её потерять, но и молчать больше не мог. Наверно знал, надеялся, что она приедет, по крайней мере, для того, чтобы продемонстрировать то, от чего он хочет отказаться. И она приехала. Приехала и покорила одним своим взглядом, совсем как при первой встрече, когда он, заядлый бабник, решился на поступок ради неё. И она была королевой, была победительницей, вела себя соответственно и смотрела на него с откровенной насмешкой. Соблазняла, завлекала, а ему всего этого и не нужно было: и так весь для неё, без остатка. Не мог больше ни о чём думать, ночевать стал в своей квартире, отдельно от Кристины, бежал по первому её зову и без него, только чтобы вновь увидеть эти глаза, эту улыбку, пусть и язвительную, но только для него. Он всегда хотел, чтобы она была рядом, даже когда делал ей больно, когда кричал и прогонял — хотел, чтобы она оставалась. Она сводила с ума. Единственный момент, когда сказал ей правду, что жить без неё не хочет, что она ему нужна, Лера превратила в очередное признание своего раба, благосклонно приняла, но ничего при этом не ответила. Он уже готов был отказаться от всего, от Кристины, и от этих ненужных отношений, хотя понимал, что эти его жертвы никому не нужны. Лера приехала, чтобы убедиться, что она первая, что единственная, а получив желаемое, он станет ненужным бывшим мужем. Десять лет он ревновал её, не находил себе места, не мог забыть, а теперь, когда она была так близко, он упустил её окончательно. Беременность Кристины сыграла с ним злую шутку, но после разгромной речи Леры, он не смог отказаться от семьи. От любимой отказался, а от семьи не смог. Время с сыновьями бесследно утеряно, но бросать ещё одного своего ребёнка он не намерен.

— Всё получилось даже лучше, чем мы рассчитывали.

— Что?

— Я говорю, Валерия Павловна отказалась от всех претензий на ваше имущество. Только с «Вэл Стил» ничего не вышло, она заранее продала свои акции, но всё равно, я считаю это победой.

— Да, спасибо.

Наверно над этим фактом стоило поразмыслить, но такого шанса не выдалось.

— Сашка! — Бросилась ему на шею Кристина. — Ты не представляешь, какой фурор мы произвели. Столько предложений, столько контрактов нам предлагают, с ума сойти. Так что на завтра ничего не планируй.

— Мы летим домой.

— То есть как это? Саш, я не полечу, это такой шанс...

— Я всё сказал.

— Нет.

Кристина отошла на два шага и скрестила руки на груди, доброе расположение духа её

покинуло, и теперь она хмурила брови.

— Тогда можешь оставаться. — Кинул Синицкий и тут же развернулся.

А Лера в Москве всё больше впадала в ступор. Вернулось то чувство одиночества, пустоты, потерянности. Не было определённости и цели, просто хотелось сбежать ото всех и от реальности. Завтра ей предстоит сделать решительный шаг, который либо окончательно её убьёт, либо вернёт к сознанию. Зачем дышать, если это никому не нужно? Зачем жить, если это никто не оценит? Зачем мучить всех своим присутствием? Так много «зачем», которые столько лет прочно сидят в её голове. Пыталась заглушить, забыть, отказаться, но всё вернулось. Эта пустота, которая убивает, эта боль, которая ставит на колени, огонь внутри, который не оставляет после себя ничего живого. Шок прошёл, осталось только осознание, что она ему не нужна. Никогда не была нужна, но на что-то надеялась, а теперь он чужой, он ей не принадлежит. Проснулась среди ночи и не могла понять, был ли этот разговор, этот удар, эти его слова, которые буквально наизнанку вывернули душу. Ему не нужны от неё дети, ему уже ничего не нужно, лучше, если её больше не будет в его жизни.

НИКОГДА.

— Борис Андреевич, вас для консультации анестезиологи вызывают.

Молодая медсестра чуть ли не за руку поймала заведующего хирургическим отделением.

— Что ещё?

— Не знаю, сказали срочно.

Несмотря на усталость после тяжёлой смены, он развернулся и пошёл на четвёртый этаж. В ординаторской было пусто и пришлось идти на пост. Девушки-медсёстры что-то бурно обсуждали и на врача внимания сразу никто не обратил.

— Девчонки, кто меня искал?

— Ломоносов, насчёт пациента из четырнадцатой, но вы зря сейчас пришли, его на прерывание беременности вызвали.

— Ломоносова на прерывание? Его что, в должности понизили? — Насмешливо начал Борис, но смеяться сил не осталось, и он только головой покачал.

— Нет, там просто какая-то блатная, так главврач его и вызвал.

— Ой, — устало потянул Борис, — скажите, кто у нас сейчас не блатной?

— Валерия Снежная, не знаю, кто она, но если уж сам главврач за неё просил...

Медсестра многозначительно кивнула, внимательно посмотрела на стикер, на котором и было записано имя пациентки, и Борис тут же поменялся в лице.

— Прерывание у Снежной? А давно он ушёл? — Затараторил вмиг ободрившийся врач и девушки переглянулись между собой.

— Да, минут пять как...

— Так, срочно звоните в манипуляционную или куда там... Пусть ничего не делают, я уже иду. — Прокричал он практически на бегу.

Глава 21

— Ну как? — Язвительно проговорил Борис, глядя на мутные глаза Леры.

— Боря?

— Я, я. Тебе не кажется. — Он старался говорить спокойно, впрочем, как и всегда, удивительно сдержанный человек. — А вот сейчас скажи мне, что ты здесь делаешь?

— Уже ничего. — Сонно и устало проговорила Лера, голову с подушки поднять ещё не могла, но глаза открыла. — Дай воды, пить хочу.

— Ага, а ты мне яду. Ты совсем дура? Что творишь? Ты хоть понимаешь своей женской логикой, чем это может закончиться?

— Уже закончилось, не кричи.

— А я не кричу... и ничего ещё не закончилось. Аборта не было.

— То есть как? — Голова гудела, но Лера сделала усилие и с кровати приподнялась.

— А вот так. Я так понимаю, опять Синицкий?

Лера тут же без сил упала обратно.

— И на лице его работа?

На красноречивое молчание Боря только ухмыльнулся.

— И что только ты в нём нашла... Дура, так и есть. В общем, так, ты лежи ещё, подумай... если ещё есть чем! И если ничего толкового не надумаешь, то завтра в это же время, уже будешь свободна раз и навсегда.

— Боря, ты просто не понимаешь...

Но Борис слушать не стал, вышел и хлопнул дверью. Он давал ей шанс, но не понимал, на какие муки обрекает, снова решиться убить своего ребёнка сложно... она уже его убила, своими мыслями, своим желанием, а сейчас всё снова. Сидеть, сложив руки, он не собирался, уже в этот момент искал номер телефона Синицкого, чтобы высказать всё, что о нём думает.

— Саша, тут тебе какой-то мужчина звонит. — В кабинет вошла заспанная Кристина, они только пару часов назад приехали из аэропорта. Она спала, а вот Синицкий не мог сомкнуть глаз.

— Какой ещё мужчина?

— Не знаю, представился, как Борис Андреевич... фамилию я не запомнила... ещё сказал, что врач.

В эту секунду Синицкий уже выхватил трубку из её рук, зло сверкнул глазами и тут же отвернулся к окну. Разговаривал громко и напряжённо, поэтому Кристина предпочла удалиться.

— Что ты хочешь?

— Надо встретиться.

— Дай, угадаю: тебе жить надоело? — Он ухмыльнулся, и стиснул зубы.

— Зря смеёшься, мне тоже радости мало с тобой разговаривать, но для Леры это очень важно.

— Что ты крутишься вокруг неё?!

— Через два часа возле моего дома.

Борис повесил трубку, а Синицкий сжал её в кулаке. Дышал нервно, шумно, себя не контролировал, но уже через десять минут был готов ко встрече, и стоял на пороге дома. Пока ехал, так и не смог успокоиться, сжимал руль, все движения были резкими и порывистыми, чуть в аварию на въезде в город не попал, а когда въехал во двор и в беседке увидел ненавистного соперника, и вовсе из себя вышел. Чтобы хоть как-то сдерживаться, засунул руки в карманы пальто, от Бориса держался на расстоянии пяти шагов.

— Что хотел?

— Нужно, чтобы ты поговорил с Лерой.

— С чего вдруг?

— Потому что никто кроме тебя её не образумит.

Борис говорил расплывчато, то и дело по сторонам оглядывался, чем Синицкого

предельно напрягал. Скулы играли на лицах у обоих, но что-то их до сих пор сдерживало. Синицкий же взгляд не отводит, наблюдал за каждым движением, всем своим видом при этом выдавал эмоции.

— Слушай, мы развелись, теперь окончательно, и можешь разбираться с ней сам. Хочешь, говори, хочешь... трахай. — Судорога прошла по лицу Синицкого и руки сжались в кулаки. — Но теперь давайте как-то без меня.

Борис тоже заметно закипал и несмотря на мороз покраснелся от злости.

— Лера беременна.

Синицкий горько усмехнулся в сторону, поджал губы и широко, но опасно улыбнулся.

— Передашь ей мои поздравления... лично боюсь, уже не получится.

— Ты не понял, она аборт хочет сделать.

— Её право. Мне ты зачем подробности рассказываешь? Пусть что хочет, то и делает.

— Саш, ну, ты же нормальный мужик, что из себя теперь строишь? Я же сказал, ей нельзя делать прерывание, возможно, она больше не сможет иметь детей, тем более после первого неудачного аборта... — Он развёл руками от беспомощности, но Синицкий злился только сильнее.

— Я же сказал уже: хочет, пусть делает. Я здесь при чём?

— Но она же беременна от тебя. — Вроде бы удивился Борис, говорил уже тише, но только оттого, что не верил в удачный исход этой встречи.

— Интересно. — Синицкий покрутился на месте, разгребая ногой снег, а потом с силой ударил по застывшему сугробу. — Спит с тобой, а беременна от меня? Как у вас всё красиво получается.

— Ты издеваешься сейчас?

Борис уставился на Синицкого, а тот не сдержался и бросился на него, драки не случилось, скорее, небольшая потасовка, и они застыли, плотно держа друг друга за грудки.

— Ты чего к ней полез? Видел же, что она не в себе была, но нет, тебе получить своё захотелось, любой ценой... и неважно, что потом с ней будет. Так?

— Зачем сейчас всё это?! Ты пришёл ко мне тогда и говорил красивые слова, сказал, что я не сделаю её счастливой. А много счастья принёс ей ты?! Даже сейчас только о себе думаешь, о своём ущемлённом самолюбии. Ты себя вообще слышишь? Я тебе говорю о том, что сейчас с ней происходит, а ты всё смириться не можешь с тем, что было?

— А мы не пережили с ней этого, понимаешь? Тогда не пережили! — Синицкий кулаки разжал и Бориса отпустил, но был на взводе, злость его не отпускала. — Да, я изменил ей. Но ты... ты всю жизнь ей тогда сломал.

— Я сломал? Я?

Теперь Борис и сам к нему бросился.

— Только последние уроды заставляют своих любимых женщин аборты делать. — Зло прошипел он, выдыхая прямо Синицкому в лицо.

— А зачем мне твои дети? — От крика у обоих на шее уже повздувались вены, оба красные, разгорячённые и озлобленные.

— Да она от тебя была беременна!

— Да? И как же она, интересно это определила? Карты раскинула?

— Да потому что я не могу иметь детей!

— Что?

Синицкий замер, бурно дышал, но всё ещё не верил услышанному.

— Что слышал.

— И ты хочешь сказать... что Лера это знала?

— Знала, и ты знал, только героя из себя сейчас строишь.

— Какого героя, я впервые об этом слышу!

— Впервые?... Лера пришла ко мне и рассказала, что происходит у вас дома, — Борис недоверчиво смотрел, говорил быстро и по факту, — я её успокоил и сказал, что не могу иметь детей и в тот же день она счастливая побежала становиться на учёт, к моему отцу. А потом она пошла домой и после разговора с тобой уже на следующий день сделала аборт. И ты теперь хочешь сказать, что этого не знал? Да если бы я в тот момент был в городе, она бы никогда такую глупость не совершила! Но меня не было... а ты был, и не остановил её.

— Я этого не знал.

— Ну конечно! И сейчас не знал, что она снова от тебя беременна, не ты её избил, не ты её бросил, да?

— Это она сказала?

— В общем, так, я не знаю, что между вами происходит, но скажу одно: сегодня утром она хотела повторить свою ошибку снова и этот раз практически наверняка станет для неё последним. Я пытался с ней поговорить, но ты... ты удивительный человек. Ты умудрился ещё раз сломать её настолько, что в сильной, смелой Лере не осталось ни воли, ни надежды. После тебя она как сломанная кукла, словно после столкновения с локомотивом... мешок с костями, не способный жить и соображать. Я не знаю, как тебе каждый раз удаётся это сделать, как удаётся довести её до такого состояния... я бы никогда к тебе не пришёл, если бы Лере не нужна была твоя помощь. Она меня не слышит, но она услышит тебя. И если ты хоть когда-нибудь, хоть одной клеточкой своего тела любил её, то ты ей поможешь. Только ты сможешь убедить её в том, что она должна жить. Потому что сейчас она просто существует. И всё это ты... знал ты это или нет. Хоть раз в жизни води себя как мужик...

Когда вошли в клинику, Борис сразу заметил странный переполох, а возле палаты Леры скопилось целое толпище медсестёр и охрана.

— Что здесь происходит? — Суровым, хорошо поставленным голосом начальника, спросил он и на него обернулись.

— Борис Андреевич, вы только послушайте...

Растерянная медсестра стояла у самой палаты и чуть не плакала, из-за двери доносился истошный мужской крик на непонятном для присутствующих языке.

— Кто там, я же сказал, никого не впускать?

— Борис Евгеньевич, я не знаю... пришёл мужчина, не один, с женщиной, — затараторила медсестра, — спросил где палата Валерии Павловны, я ему сказала, что к ней никого не пускают, но он и слушать не стал, в сторону меня оттолкнул и тут же они там заперлись. Он сразу кричать начал, даже не спрашивал ничего, как вошёл, так и кричит. И я вот удивляюсь, до чего у некоторых людей глотки лужёные, это же надо, двадцать минут орать не переставая. Кроме него никого и не слышно, а он всё кричит и кричит. Сначала, минут пять, на русском кричал, а потом на своём... кто он там по национальности? Я охрану вызвала, но он не открывает, даже не обращает на нас внимания. Что делать, Борис Андреевич?

— Отойди. — Борис сам начал стучать в дверь, но на его стук действительно никакой реакции не последовало, мужской голос так и продолжал гроыхать в той же стороне.

— Может мне попробовать?

— Не стоит. Надо... может, дверь сломать?

— Вы с ума сошли, Борис Андреевич? — Поразилась медсестра и тут же замолкла: в палате резко стало тихо и Борис тут же начал стучать в дверь, но никто так и не открыл.

Как раз в этот момент Арсен сидел перед Лерой и внимательно смотрел в её глаза, но не находил в них ни капельки понимания.

— Лера, милая, я знаю, что тебя сейчас очень плохо. И этот взгляд я очень хорошо помню. Но я не могу тебе помочь, пока ты сама этого не захочешь... Ты можешь плакать, ты можешь кричать, только не держи всё в себе.

Сзади, за плечо Леру держала жена Арсена, но за эмоциональным мужем ей оставалось только вздыхать и придерживать Леру, отгораживая от грозного крика.

— Детка, я сейчас смотрю в твои глаза и понимаю, что ты меня не слышала, и вижу, что слышать ещё не готова, но я хочу, чтобы ты поехала со мной. Я не могу тебя сейчас переубедить, но я могу тебя уберечь, и поэтому ты поедешь в наш дом, к нашим детям. И ты будешь помогать Маше, заниматься мальчишками, будешь помогать с Наирой до тех пор, пока не поймёшь, что кроме твоего малыша тебе в жизни больше ничего и не надо. Хорошо?

— Я не могу... я не могу и не хочу. Мне очень плохо.

— Я знаю. — Очень нежно и проникновенно говорил он, держа Леру за руки. — Не вместе мы справимся.

— Правда, Лера, поехали, ты сейчас неправа. Пожалей свои уши и моего мужа, знаешь ведь, что не успокоится, пока своего не добьётся.

— Маша, я буду вам только мешать и...

— Глупости не говори! Тем более, для групповой поддержки, Арсен Вовку с Вадькой вызвал. — Ещё решительнее, чем минуту назад муж, проговорила она и сама Леру одёрнула.

— Так, всё, одевайся!

Скомандовал Арсен и тут же снял с вешалки платье.

— Арсен, выйди...

— Я сейчас тебе выйду! — Он, играючи, замахнулся и тут же бросил платье Лере в руки, она даже улыбнуться сумела на его порыв.

— Маш, уйми своего мужа. — Лера надула губы, но послушно переодевалась.

— Ой, не знаю, после твоих выходов это просто невозможно. — Улыбнулась та и потянула руки, чтобы застегнуть молнию на платье.

— Молнию должен застёгивать только мужчина. — Быстро проговорил Арсен, и свои слова подтвердил решительными движениями. — Машунь, давай, с Леркой иди, а я тут вещи её соберу.

Женщины открыли двери и тут же разинули рты, увидев перед собой толпу страждущих. На самом деле, пока Арсен кричал, она действительно не слышала, что кто-то стучит в дверь, а под его гипнотизирующим взглядом, который в такие моменты становился темнее ночи, не слышала ничего, даже когда он смолк. Лера окинула взглядом толпу и среди незнакомых лиц увидела Бориса.

— Лера, что это было? — Тихо спросил он.

— Дружеское внушение, — улыбнулась она, — такое конкретное внушение, чтобы мозги на место встали.

— Лер, я не понял, это все вещи?

Из палаты вышел улыбчивый Арсен и вряд ли кто-то из присутствующих женщин мог подумать, что такой симпатяга всего минуту назад своим криком собрал весь этаж. Он

смотрел на Леру, а все остальные смотрели на него. У Арсена в руках была небольшая дорожная сумка, он так же окинул всех взглядом и тут же растеряно, но очень уж заботливо добавил:

— Я там из тумбочки всё достал, в шкафу вообще ничего не было...

— Я всего на один день собиралась. — Улыбнулась Лера и своей тёплой улыбкой по отношению к этому деспоту всех окончательно запутала.

— Так, расходитесь, всё в порядке.

Требовательным тоном заговорил Борис, когда на него уставилось несколько пар глаз одновременно, а когда в коридоре стало пусто, Синицкого заметили. Лера изменилась в лице, Арсен проследил за её взглядом и так же потемнел лицом, понимая, кто стоит перед ними. Маша тут же схватила мужа за руку, а Лера и вовсе стала на его пути, почувствовав, как сгущается напряжение.

Он стоял в стороне и не мог на неё насмотреться. Как только Лера вышла из-за двери, он увидел её худощавое бледное лицо, без лишней косметики она выглядела всё такой же девчонкой, которой он её запомнил. Милой, нежной, которой она всегда была рядом с ним. Только взгляд был другим, словно неживой, без блеска, без присущего ей азарта. И синяк... сердце сжалось от такого вида. Хрупкие плечи неуверенно ссутулены, красивые длинные пальцы, которые ловко заправляют в причёску выбившуюся прядь волос. А уже через секунду она меняется, её улыбка, искренняя и открытая, её глаза оживают и теперь она держит за руку мужчину... это ему предназначен её счастливый взгляд. А потом он ловит её взгляд, и этой улыбки больше нет.

— Лера, поехали домой. — Тихо проговорил Арсен и из-за её спины вышел.

Она не ответила, но готова была поддаться и пойти за ним, Синицкой не отпускал её взгляда, стоял спокойно и молчал, но напряжение между ними чувствовалось и на расстоянии.

— Арсен, им нужно поговорить.

— Лера, пойдём... Я ему не доверяю.

Арсен себя сдерживал, Синицкого ему уважать было не за что, в отличие от Маши, тот в подробностях знал эту историю, и с каждой секундой его терпение накалялось всё сильнее.

— Лера, нам нужно поговорить. — Наконец, сделал шаг вперёд Синицкий, но Арсен сделал ответный шаг ему навстречу.

— Арсен, не надо, я поговорю с ним.

— Лера...

— Но он ведь пришёл...

Арсен выругался на непонятном многим языке, но руку её отпустил, на всякий случай, напомнив, что будет за дверь.

— Лера, ты беременна от меня? — Нерешительно начал Синицкий, как только закрыл за собой дверь.

— Давай пока остановимся на том, что я просто беременна.

— Ты ничего мне не сказала.

— Ну, почему же, — она колко улыбнулась и гордо вскинула подбородок, — я сказала, а ты мне ответил. Или ты не помнишь, что конкретно ответил мне два дня назад. Напомнить?

— Лера, что происходит?

Она как раз хотела присесть, но остановилась, понимая, что его слова нужно выслушать стоя, слишком уж решительно тот начал, даже как-то неожиданно.

— Ты что-то конкретное имеешь в виду?

— Не играй со мной. Хватит, наигрались так, что дальше некуда. Мне не нужны твои шипы, я просто хочу поговорить.

— Говори.

— Борис сказал... Лера, это правда... ты знала, что он не может иметь детей?

— Правда. — Она произнесла это с такой лёгкостью, что Синицкий не сразу и вспомнил, будто нужно что-то ответить. Неуверенно моргал и не понимал, что всё это значит.

— И-и это всё, что ты хочешь сказать?

— Давай конкретнее, я устала и хочу отдохнуть.

— А я, значит, тебя задерживаю? — Лера взглянула на него, намекая, что сейчас уйдёт и он продолжил. — Хорошо, давай по-другому. Почему ты мне об этом не сказала?

— Я сказала, что ребёнок от тебя, что ещё ты хотел услышать?

— Сказала? Лера, да ты тогда сама себе не верила. Ты твердила, что ребёнок от меня, но я чувствовал твою неуверенность, твой страх, ты сама себе не верила. Сама себя ненавидела в тот момент, сама себя мучила. Но я сейчас не о том. Что произошло в промежутке времени, когда ты вышла от Бориса, но ещё не дошла домой. Я ведь правильно понимаю, что-то произошло именно тогда?

— Правильно понимаешь.

— И что?

— Ничего, просто я поняла, что будет правильнее сделать так, как ты сказал.

— Ты сейчас врёшь.

— Глупости. Я говорю чистую правду.

— Он сказал, что ты обрадовалась, что хотела поделиться этим со мной, что к отцу его на приём пошла и всё было хорошо.

— Да.

— Но мне ты ничего этого не сказала, почему?

Лера отошла ближе к окну и попыталась всматриваться вдаль, только чтобы не заплакать, потому что уже чувствовала, что проигрывает. Ногтями до боли впивалась в свои ладони, закусил губу, чтобы хоть как-то отвлечь ту боль, которая скопилась внутри, попыталась спокойно вздохнуть, но получился порывистый, шумный всхлип.

— А что ты мне сказал, в тот вечер, когда я вернулась домой, ты помнишь?

— Помню. — Он поджал губы и сделал шаг вперёд. — Но ты уже тогда приняла решение, ведь так?

— Так.

— Что произошло?

— Ничего особенного, просто один человек открыл мне глаза.

Она тяжело вздохнула, губы уже начинали дрожать, но пока слёзы можно было сдерживать.

— И кто этот добрый человек?

— Случайный прохожий.

— Ты издеваешься?

— Что ты, как я могу. Это действительно был обычный прохожий мужчина. Я сидела в парке, перед детской площадкой, а он пришёл туда со своими детьми. Два мальчика и маленькая девочка. — Голос Леры задрожал, и первая слеза покатила по лицу, она ловко

её сбила и старалась улыбаться. — Они весело играли, он ещё заботливо так, за мальчишками приглядывал, колготки им подтягивал, сопли вытирал... Они резвились на горке, на качелях, бегали, просто ураган какой-то, а не дети, а он только приговаривал, чтобы осторожнее были. Девочка была немного младше и не могла за ними угнаться, а он над ней только посмеивался. Мы разговорились, он начал рассказывать про них, хвалить, и знаешь, с таким теплом отзывался о детях, никаких различий между ними не делал, он всех их любил одинаково. Он их просто любил, без всяких «но». Я ещё тогда подумала, что и ты так же будешь любить наших детей... я ведь думала, что их будет много. — Лера со смехом выдохнула и сдержанно улыбнулась, стараясь скрыть слёзы. — А потом появился мужчина, обычный, ничем не примечательный, он тихо подошёл к мальчикам, взял их за руки и повёл в сторону. Я тогда крикнула ему, но он улыбнулся и сказал, что это его сыновья. Я не поняла, а тот, с кем я разговаривала, пояснил, что это дети жены от первого брака, а родная ему только дочь. Он сказал, что любит их, потому что это дети его любимой женщины. Да, абсолютно нормальный ответ, согласись. Вскоре он ушёл, а я осталась и вдруг подумала: неужели ты любишь меня меньше, чем этот человек любит свою жену? Ведь ты говорил такие слова, смотрел, а потом вот так просто отказался от меня, от того, что было для меня важно...

— Лера, ты неправа. Я не отказывался от тебя. Ты просто не знаешь, что тогда творилось в твоей голове.

— Конечно. — Усмехнулась она.

— Ты каждый день приходила и смотрела на меня, ты хотела, чтобы я принял какое-то решение, ты советовалась, но мой ответ тебя вроде как не устраивал. Ты твердила, что ребёнок от меня, а на самом деле просто хотела в это верить, хотела, но и сама не верила. Тебе было больно и обидно, я понимаю, но ты не готова была тогда родить, Лера. И ты хотела, чтобы именно я принял это решение... и я его принял

— Да, я этого хотела, чтобы именно ты принял решение, потому что ты мой муж, потому что ты старше и опытнее, но я ждала от тебя поддержки! — Не сдержалась Лера и зарыдала, Синицкого к себе не подпустила, когда тот кинулся утешать. — А ты меня оттолкнул! И дело было вовсе не во мне, и даже не в измене. Дело в тебе, ты просто не готов был стать отцом. Ты струсил, тебе было удобнее свалить всё на меня, обвинить меня. — Она нервно тыкала пальцем в свою грудь, суетно растирала лицо, убирала с глаз пряди волос. — Я только сейчас это поняла, когда увидела, как ты на Кристину смотришь, как придерживаешь её за руку, как говоришь с ней на полутоне, но ведь ты её не любишь, всё дело в её беременности. На меня ты никогда не смотрел с таким трепетом. Я только тогда поняла, для чего было всё это, — она обвела руками вокруг, заодно проглотила повисший в горле ком, — ты и женился на мне тогда лишь для того, чтобы я рядом была, под боком. Чтобы к тому моменту, когда ты созреешь для семьи и детей, я была с тобой... а другого выхода, кроме как жениться на мне, ты не видел. Но не удержал. Да, если бы мы дожили до сегодняшнего дня вместе, ты бы так же держал меня за руку и приговаривал ласковые слова, но этого нет. И уже никогда не будет. На меня все смотрели как на взрослую, самостоятельную, даже родители бросили меня, как только исполнилось пятнадцать. Конечно, я ведь могу сама зарабатывать, могу сама о себе заботиться, но я была ребёнком, Саша! И когда мы с тобой встретились, я всё так же была ребёнком, пусть и умным, и самостоятельным, но ребёнком, и ты это знал. Ты знал об этом, когда женился, когда давил на меня с абортom, потому что тебе так было удобно, так было выгодно, чтобы я была твоя,

для тебя, для твоих детей. Но ты не спросил, что нужно мне... и сейчас не спрашиваешь.

Она немного ссутулилась, низ живота неприятно тянуло, но сейчас было не до того, Синицкий и вовсе сидел на больничной кровати, опустив голову.

— И сейчас ты молчишь. Тебе нечего сказать? — Пронзительным шёпотом пыталась достучаться до него Лера, а он только плечами пожал.

— А что я могу сказать... всё это так. Ты всё правильно поняла.

— И больше ничего? — Она щурила глаза, пытаясь спастись от слёз, и хоть что-нибудь рассмотреть, но ничего не выходило.

— Несмотря на всё то, что ты сейчас сказала, и ты, безусловно, права, я тебя люблю.

— Любишь? А ты знаешь, что такое любовь? Ты себя любишь, свою мать, свою работу... а всё остальное для тебя мусор, не больше.

— Ты неправа.

— Арсен говорит, что если любишь, то делаешь человека счастливым. Или хотя бы пытаешься это сделать.

— Твой Арсен много говорит.

Вот тут Синицкий оживился, ревность разыгралась, он наконец-то оторвал взгляд от пола и зыркнул на Леру, она это даже сквозь пелену слёз почувствовала.

— Это ты говоришь, а он доказывает свои чувства.

— Да что ты так в него вцепилась? Свет на нём клином сошёлся?!

— Это на тебе он сошёлся, а Арсен настоящий. Все эти годы он был моей семьёй, он, его жена, его дети. Он, а не ты! Той самой, настоящей семьёй, где есть уважение и доверие, и он меня любит, потому что он знает, что мне нужно, и он помогает мне этого добиться, а ты привык всех топить.

— А ты думаешь, что он такой золотой?

— Да! Потому что он такой и есть. И знаешь, за что я его особенно уважаю, — она зло ухмыльнулась, — потому что точно в такой же ситуации, как и у нас с тобой, он свою жену поддержал. Он зубами вырвал её от другого, голову готов был сложить за чужого ребёнка, ребёнка от другого мужчины, который ещё даже не родился, потому что он считал его своим, потому что он стал его отцом! И никто не смеет сказать, что этот сын не его, потому что он настоящий мужчина, потому что он любит его, больше, чем самого себя, он его первенец, он его жизнь. Вот, что такое любовь, а не те жалкие слова, что ты говоришь мне сейчас. А этот унижительный развод... зачем?

— Потому что я никогда не дал бы тебе развод, если бы ты попросила. Я хотел удержать тебя... но я понимал, что тебе нужно жить дальше и пришло время что-то решать. Я не хотел тебя отпускать. Никогда. И сейчас не хочу.

Он встал с кровати и сделал два шага к Лере, но она отвернулась, не могла смотреть в его глаза.

— Прости за то, что вместо настоящего мужика, тебе досталось вот такое чудовище. Но я люблю так, как умею. И люблю только тебя. Сегодня Борис пришёл ко мне и сказал, что ты беременна, и попросил отговорить от аборта, — после этих слов Лера резко повернулась и её лицо скривилось в панике, что он только по чужой просьбе стоит сейчас здесь, — я пойму, если ты не простишь мне тех слов, и поступков, но ребёнок здесь ни при чём. Я знаю, что ты будешь для него лучшей матерью. Потому что ты лучшая во всём. И ты заслужила это.

— Я не могу тебя больше слушать...

— Не плач, я прошу тебя.

Синицкий подошёл ближе и стал перед Лерой на колени, она тонула в слезах, но не оттолкнула его, когда тот прижался лицом к её животу и крепко обнял.

— Прости меня, родная.

Лера молчала, даже плакать перестала, немного пошатнулась, когда внизу живота потянуло сильнее. В этот момент Синицкий отпрянул от неё, но продолжая стоять на коленях, смотрел, как побитый пёс и ощущал себя так же. Если бы только Лера знала, сколько раз он винил себя в тех словах, в том своём решении. Сколько раз он вспоминал тот её взгляд, когда она вышла из его машины у клиники, его словно самого по живому резали, но он считал, что поступает правильно, что ей так будет легче. И сейчас понимал, того что было, не вернуть, а как исправить, он не знает.

— Мне уйти?

— Не-е-ет...

Она заплакала ещё сильнее, и опустилась к нему, обняла двумя руками лицо и пыталась запомнить его, именно в этот момент, для неё это так важно, видеть его сейчас.

— Не бросай меня, ты мне так нужен, Саша. — Она прижималась холодными мокрыми щёками к его лицу и ловила его дыхание. — Я тебя люблю...

Резкая пронзительная боль появилась внутри и не утихала, заставила негромко простонать и полностью зажаться. Она обхватила живот, и разжать руки больше не могла.

— Лера, что?!

Его испуганный взгляд, он словно чувствует всю её боль, никогда Лера не видела Синицкого таким растерянным. Потом его вытеснили врачи и медсёстры, был слышен голос Арсена, но суть его слов она разобрать уже не смогла.

В коридоре клиники, в разных углах стояли Арсен и Синицкий, оба молчали и нервно вздыхали, стараясь не встретиться взглядами. Леру увезли всего полчаса назад, но позади была словно вся ночь. Напряжение давило на сознание, и оно постепенно отключалось, в какой-то момент Синицкий не выдержал и просто отвернулся к стене, с силой ударяя по ней кулаком. Уже через пару минут за спиной услышал мужские голоса, люди говорили на армянском.

— Бари эреко (добрый вечер), дядя Арик, — послышалось с явным южным акцентом.

— Барев, тхерк (привет, ребята).

Почему-то сразу захотелось повернуться, хотя бы просто для того, чтобы посмотреть, на того, кто пришёл, но повернувшись, Синицкий застыл в изумлении: с Арсеном в тот момент по очереди обнимались оба его сына (сыновья Синицкого). Они разговаривали на армянском, и совершенно не задумывались над сказанным, словно это был их родной язык, даже акцент совпадал. После объятий и ещё нескольких фраз, дети, наконец, заметили и его.

— Привет... — Удивился Вова и сразу растерялся, потом несколько неуверенно улыбнулся и протянул руку для приветствия, Вадим же, только глянул исподлобья и тут же отвернулся. — И ты здесь?

— Судя по всему, моему здесь присутствию, вы удивлены куда больше...

— А чего ты ждал?! — Бросил Вадим, но тут же притих. — В отличие от тебя, Арсен всегда был рядом. — Добавил он, как только тот отвернулся. В глазах Вадима горела нездоровая злость, но он её сдерживал.

— Вы где остановились? В гостинице?

— Мы дома... у Арсена. — Тихо пояснил Вова, не обращая внимания на взгляд брата. —

Как мама?

— Пока ничего не говорят. — Устало выдохнул Арсен, провёл рукой по лицу, поджал губы и тут же ухмыльнулся в сторону Синицкого.

Тот, конечно, эту ухмылку понял по-своему, но ничего говорить не стал, хотя бы потому, что она ему была по заслугам. Все снова молчали, дети держались рядом с Арсеном, передали ему какой-то свёрток, но тот в него даже не заглянул, небрежно бросив на кушетку за своей спиной. Потом они снова заговорили на армянском, и Синицкому стало тесно, он словно задыхался среди них, но был готов стерпеть всё, только бы это хорошо закончилось. Но пришёл врач и отрапортовал, что беременность сохранить не удалось, так же попросил всех удалиться, но мужчины расходиться не спешили, всё ещё не осознавая, что ждать больше нечего.

— Это ты её довёл! — Тут же обвинил Вадим, но Арсен одним только взглядом его остановил.

Мальчик хотел что-то ещё добавить, судя по выражению лица, обидное и, конечно же, по заслугам, но Арсен стал перед ним и резко отчитал всё на том же, не понятном языке.

— Он мне не отец!

— Чаржэ (не стоит)! — Тихо, холодно, но, видимо, доходчиво проговорил Арсен, хлопнул Вадима по груди и развернул к выходу. — По домам.

Именно в то мгновение, когда его дети послушно пошли вместе с незнакомым ему человеком, всё стало на свои места. Он упустил в жизни самое главное и вернуть их доверие, если это и возможно, будет очень непросто.

— Подождите, кто из вас Александр Синицкий? — Вдруг вернулся доктор и вопросительно посмотрел на мужчин.

— Я.

— Валерия Павловна хотела с вами поговорить. Если у вас есть время, подождите минут двадцать, пока она окончательно придёт в себя.

Синицкий послушно кивнул. Он вошёл в палату, Лера лежала с приоткрытыми глазами и смотрела в стену, не желая его замечать, а когда увидела, из её глаз потекли слёзы.

— Не надо плакать.

Он взял её за руку, пальцы оказались практически ледяными наощупь, у неё не было сил даже чтобы сжать их. Маленькая девочка сейчас была перед ним, хрупкая и ранимая, рядом с которой и дышать нужно осторожнее, чтобы не навредить.

— Не бросай меня, пожалуйста. — Прошептала она и его сердце сжалось от боли.

— Лера...

— Нет, не перебивай, я должна тебе сказать. Я уехала от тебя тогда, и это было моей самой большой ошибкой. Мне было больно и обидно, но потом стало только хуже. Каждый день без тебя, я словно горела в аду, задыхалась, медленно умирала. Я даже себя смогла убедить, что всё прошло, но ошибалась. А снова ожила полгода назад, когда увидела тебя в офисе. И эти полгода — это самое счастливое время в моей жизни. Я слишком поздно это поняла, но я хочу всё исправить. И поэтому прошу тебя, не бросай. Я умру без тебя, правда.

— Лера, милая, я всегда рядом.

— Не уходи.

— Ты для меня самое главное в жизни. Я тебя люблю.

Эпилог

Синицкий как заводной ходил из одного конца коридора в другой, и несмотря на

ночное время чувствовал себя, как никогда бодро.

— Александр, вы меня утомили. — Устало проговорила Зинаида Тимофеевна, неспешно помахивая веером.

— Я не понимаю, почему так долго!

— А что вы, собственно, хотели? Ребёнок вас дольше ждал, вы уж поверьте: несчастные десять часов, по сравнению с пятнадцатью годами — ничто! Давно нужно было рожать. И зачем тебе эти переживания на старости лет?

— Мне сорок три.

— Я в твои годы, уже внучку воспитывала.

— Вот она с вашим воспитанием и выросла. Кремень, а не женщина.

В коридоре появилась колоритная медсестра и что-то затараторила на итальянском. Синицкий в этот момент буквально взвыл.

— Что она говорит?.. Неужели в этой клинике нет человека, который бы говорил на английском?!

— Александр, ваша необразованность повергает меня в шок. — Невозмутимо ответила Зинаида Тимофеевна и попросила медсестру повторить всё ещё раз, после чего хмыкнула и покачала головой. — Она сказала, что вам нужно было соглашаться на партнёрские роды, вы здесь всех с ума сведёте.

— Соглашаться... А что думает на этот счёт ваша внучка, вы не слышали? — Сам тут же кивнул, нервно улыбаясь. — Вот лучше бы вам этого и не слышать.

— Вы сами виноваты. — Так же спокойно отвечала старушка. — К тому же, прежде всего она твоя жена и только потом моя внучка. Я говорила, что за ней смотреть нужно, а ты её бросил.

— Я её не бросал.

— Да какая разница? Вы, Александр, не вернули её на место, и в этом ошибка, вы же мужчина, в конце концов. Вот и сейчас, могли бы настоять. Вон, с Арсена пример бери, он на каждом родах у своей жены присутствовал и результат на лицо: полная семейная идиллия. А ты продолжай, иди на поводу у этой пигалицы. Ай, что я с тобой говорю! — Старушка нервно махнула на Синицкого рукой и тут же составила ему кампанию, бесцельно блуждая по коридору. — Ну, вот, теперь я и нервничаю.

Через десять минут коридор заполнился большой семьёй, каждый из которых хотел в подробностях узнать о состоянии Леры. Уже совсем взрослые сыновья, как и их отец, напряжённо смотрели в сторону приёмного покоя, ожидая с минуты на минуту поступления информации. Родители Валерии присели рядом с Зинаидой Тимофеевной, и тихо перешёптывались, а уж когда появился Арсен с двумя сыновьями, то всем и вовсе стало весело.

— Они меня измучили. — Устало пожаловался он, разводя руками и улыбнулся, глядя на Синицкого. — А я тебе говорил, соглашайся на партнёрские роды. Там, знаешь ли, время по-другому идёт... и значительно веселее. — Он широко улыбнулся, крепко пожал руку. — Ну, что? Лера так и не призналась, кого ждём?

— Нет. — С досадой глянул Синицкий. — А тебе сказала?

— Машке сказала, но та молчит. Только улыбается загадочно.

— Сюрпризы её эти...

— Ну, ничего, в отличие от Кристины твоей, в том, что она беременна, сомневаться не стоит. Да, навела тогда девочка шороху.

— Не напоминай, как подумаю, чем могло всё закончиться. — Синицкий запрокинул голову назад, закатывая глаза. — Одна Анька тогда что устроила, когда выяснилось, что Кристина врёт. Где она, кстати?

— Звонила из аэропорта, скоро будет, и здесь шороху наведёт. Вот увидишь, как только она вмешается и Лерка родит быстрее.

— Даже не сомневаюсь. — Отмахнулся Синицкий и замер, когда дверь приёмного отделения открылась и из неё вышла всё та же медсестра, только уже с улыбкой.

Женщина медленно, с расстановкой что-то проговорила и позвала всех желающих за собой. К Синицкому не обращалась, точно знала, что тот не поймёт, а он и не понял, хотя честно выучил, как по-итальянски будет мальчик и девочка, вот только ни того, ни другого не услышал.

— Что она сказала? — Вытаращил тот глаза, когда Арсен слёзно засмеялся.

— Она сказала, что ты счастливый отец, — сквозь смех говорил Арсен, — у тебя в доме теперь будет три принцессы: жена и две дочки.

— Дочки?

— Две!

Счастье в эту секунду и правда переполняло его изнутри, только выдохнуть спокойно всё не получалось. Успокоился, только когда увидел этих двух карапузин в прозрачной кувезе. Они мирно спали, не обращая внимания на собравшихся родственников. Красные щёчки, губки бантиком, и крошечный носик каждой из сестрёнок на всю жизнь врезались в его память. Чувство, когда ты выше всех, когда у тебя появляются крылья, когда ты готов кричать о своём счастье, но даже самым громким возгласом ты не сможешь его выразить. Мужчина стал отцом.

— Ну, что, пап, ты проспорил. Теперь проставляешься. — Засмеялся на весь коридор Вадим, за что тут же схлопотал подзатыльник от Арсена.

Пока все дружно рассматривали малышей, Синицкий улучил момент, чтобы зайти в палату к Лере и остаться с ней наедине. Она лежала на кровати и улыбалась сама себе, увидела любимого мужа и просто засияла. В полумраке комнаты было тихо и спокойно, но её улыбку он готов был почувствовать даже в полной темноте. Вдоль стен стояли цветы.

— Ты улыбаешься. Значит, я всё-таки сделал тебя счастливой.

— Ты уже их видел?

— Красавицы! Почему ты не сказала, что будут близняшки?

— Не хотела тебя пугать.

— А откуда столько цветов?

Лера на секунду задумалась, и немного напряжённо выдохнула.

— Марио. Он зашёл, чтобы поздравить.

— Зашёл в палату?

— Да.

— Подожди, даже меня не сразу впустили...

— У него большие возможности, вот он ими и воспользовался. Он хороший, правда. Просто у него тяжёлая жизнь.

— Ты в нём так уверена?

— Он терпел меня шесть лет. Даже ты с таким сроком ещё не справился, так что, тебе есть чему у него поучиться. — Легко отозвалась Лера.

— Я вас люблю. Вы моя семья. А свою семью я не готов делить.

— А вот в моей жизни слишком много любимых мужчин. Но есть один, который дороже всех на свете. И если ты со мной, то я счастлива. Люблю.

От усталости закрывались глаза, а Саша всё сидел рядом с ней, запоминая каждое мгновение своей счастливой жизни. Люблю...

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net